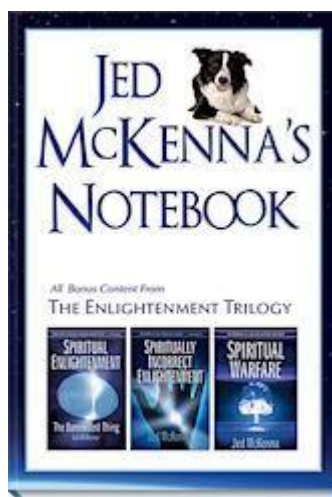

Джед МакКена - Записная книжка Джеда МакКенны

Составитель и переводчик

Павел Шуклин

Дополнительные материалы к первой книге трилогии
"Духовное просветление – прескверная штука"

[Джед МакКенна - Духовно неправильное просветление](#)

[Джед МакКенна - Духовное просветление: прескверная штука](#)

[Джед МакКенна - Игра](#)

[Джед МакКенна - Теория Всего. Просветленная перспектива](#)

[Джед МакКенна – Духовная война](#)

Это предварительный эскиз главы, которая должна была появиться в следующей книге Джеда МакКенны "Духовно неправильное просветление: Вытри эту глупую улыбку с лица и проснись!"

Рецепт неудачи.

*Сегодня перед рассветом я взойшёл на холм
и, глядя на звёздное небо,
сказал своей душе:
"Когда мы станем обладателями тех планет,
и всех их радостей и знаний,
наполнит ли, удовлетворит ли это нас?"
И моя душа сказала:
"Нет, мы лишь отметим этот уровень как пройденный,
и пойдём дальше".*

– Уолт Уитмен –

Камиль пришёл подготовленным. Он носил с собой толстую, выдавшую виды, обтянутую тремя резинками записную книжку полную мыслей, идей, вопросов, накопившихся в течении нескольких лет чтения духовной литературы, посещений духовных собраний и принятия участия в духовных дискуссиях по интернету.

– Многие учителя, – доложил он мне, – говорят, что необходимым первым шагом к пробуждению является неудовлетворённость, терзающее недовольство на чувственном уровне. Вы это имеете в виду, когда говорите о намерении?

Последние годы Камиль читал в основном труды Раманы Махарши, Нисаргадатты Махараджа, Рамеша Балсекара, Жана Клейна и всей этой братии. Похоже, он философски склонялся в направлении специфической ветви недвойственности и нео-адвайты веданты, которая в настоящее время привлекает всё больше публики. Её привлекательность основана на простой центральной истине – не-два. В то время, как "не-два" это не совсем истина, "два" – совсем не истина, и таким образом, можно было бы подумать, что отмечается конец дуального мышления. Но блуждания энтузиастов недвойственности начинаются при попытках возведения философской структуры на основе этой простой истины. Я объяснил Камиллю, что нельзя выстроить философию Этого на основе Не-Этого, но он довольно сильно был привязан к этому неправдоподобному маленькому сооружению и ещё не был готов съехать.

Что абсолютно нормально. Пробуждение это путешествие с остановками. Требуется большое количество тяжёлой работы, чтобы достичь такого плоскогорья, как недвойственность, и паузы для отдыха и акклиматизации перед дальнейшим движением являются частью процесса. Недвойственность может и не быть конечным пунктом назначения, как предполагают новобранцы, но путь туда впечатляющ и тернист, с восхитительными видами во всех направлениях. Кроме того, мне нравится Камиль, и с ним в основном приятно беседовать. Он задаёт хорошие вопросы и извлекает интересные ответы. Обычно я ограничиваюсь монологами, но студент сам задаёт тон, и Камиль делает это очень неплохо.

– Ну, – начал я, намного поразмышляв над его вопросом, – полагаю, здесь всё дело в степени. Давай-ка попробуем новую аналогию. Я буду ловить её налету, так что следи внимательно. Вот ситуация: ты сидишь в своём офисе в небоскрёбе в сотне этажей над землёй, и думаешь о том, какой ты успешный, и какая замечательная у тебя жизнь. Следишь за мной? Говоря об удовлетворении, ты *очень* доволен. У тебя есть всё: прекрасный офис, отличный вид, уважение и восхищение людей вокруг, всё, чего тебе когда-либо хотелось. Окей?

– Окей.

– Итак, ты счастлив, доволен, удовлетворён сколь угодно долго – месяцы, годы, десятилетия. Но затем однажды, по какой бы то ни было причине, начинает закрадываться недовольство. Что-то в твоём офисе начинает раздражать тебя. Всё начинается с малого. Тебе не нравятся занавески, они совсем не подходят к шкафу. "О чём я думал? – недоумеваешь ты, – Как я мог быть так слеп?" И теперь при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что ковёр – полное фиаско, а картины – просто неуместны. Минуту назад ты был счастлив, и вот –

ты очень, очень недоволен. *Крайне* недоволен. Офис просто плохо отражает твой внутренний профессионализм. Ты его перерос.

– Вообще-то, я думал, что офис достаточно крутой.

– Да, и так думают все остальные – твои друзья, коллеги, семья. Они думают, что ты сам создал его, и что это безумие что-то переделывать. Конечно, ты недоволен только тогда, когда ты находишься в офисе. Ты почти забываешь об этом, когда ты где-то ещё. Так?

– Так.

– Следишь за аналогией? Она может быть немного неточной при первом выражении. Твой офис олицетворяет твои отношения к большим вопросам жизни, а твоя неудовлетворённость...

– Я понял.

– Хорошо. Итак, какова твоя реакция? Что ты будешь делать со своим разонравившимся офисом?

– Ну, не знаю, – он пожал плечами. – Отремонтирую заново?

– Да, это кажется правильным. Но в этот раз ты подойдёшь к этому очень серьёзно. Ты найдёшь самого высококлассного специалиста по отделке, снимешь всё до половых досок и начнёшь с самого начала. Ты будешь не простым дилетантом, ты сам будешь во всём участвовать. Ты серьёзный профессионал и заслуживаешь серьёзного офиса. Понимаешь, о чём я? Видишь, как то, что начиналось как небольшое гложущее недовольство вырастает в трансформирующее жизнь событие?

– Окей, – сказал он с готовностью.

– Итак, вот что ты делаешь. Ты идёшь и покупаешь книги, журналы по отделке помещений. Ты разговариваешь с людьми и посещаешь лекции и мероприятия. Ты нанимаешь лучшего архитектора-дизайнера, которого только можешь найти, с кем ты чувствуешь глубокий резонанс. Посредством этого опыта ты сам подвергаешься трансформации. Ты сам растёшь, развиваешься, расширяешь сознание. Это очень непросто, но ты серьёзно подходишь к делу. Процесс идёт медленно, но мало по малу происходят изменения. Твой офис начинает выглядеть и ощущаться как настоящее внешнее отражение твоего внутреннего профессионализма. Могут уйти годы, чтобы сделать всё как следует, но тебя ничего не останавливает. Это слишком важно. Фактически, это становится самым важным в твоей жизни, наравне с домом и семьёй. Понимаешь?

– Да, – ответил он нетерпеливо. – Мастер по отделке олицетворяет гуру, а процесс переоформления олицетворяет духовную трансформацию, которой мы подвергаемся, когда по-настоящему начинаем подвергать сомнению свои убеждения и искать высшего знания. То, что начиналось как гложущая неудовлетворённость, выросло в импульс для важных изменений, и хотя сперва это могло казаться чем-то плохим, так работает процесс изменений. Так мы развиваемся, так мы растём.

– Вот именно, – сказал я. – Никто не действует из довольства. Нам нужны проблемы, чтобы их решать, иначе мы превратимся в растения. Когда-то мы старались заполучить этот замечательный офис, затем это было достигнуто, мы наслаждались в удовлетворении, но потом приходит недовольство, чтобы оповестить нас о том, что пора двигаться дальше.

– Значит, – сказал Камиль, – вот что имеют в виду учителя, когда говорят о неудовлетворённости, необходимой, чтобы прищипорить нас, да? Это может показаться плохим или неудобным, но на самом деле это хорошо?

– Похоже на то, – сказал я.

– И такой вид решимости и сосредоточенности необходим, чтобы пробудиться от иллюзии? Реализовать истину? – он улыбнулся в возбуждении, как будто только что увидел более широкую картину. – Значит, вот что вы подразумеваете под чистотой намерения!

Я улыбнулся в ответ.

– Чёрта с два. Я подразумеваю под этим рецепт неудачи.

Он тут же сник. Я прервал первый порыв его нового знания, и теперь он смущён и обижен. Я сделал это намеренно. Я не позволяю себе быть втянутым в разговор типа "Многие учителя говорят..." просто ради того, чтобы высказать какое-то соображение – я хотел сыграть на

контрасте. Именно этим являлся диалог до сего момента, потому что я должен был провести ясное различие. Это решающее различие между теми, кто ищет, и теми, кто находит. Здесь проводится черта – черта, о существовании которой "многие учителя" даже не подозревают.

– Такой жалкий, непродуманный подход абсолютно определённо удержит тебя прикованным к твоему теперешнему состоянию. Такой подход используется всеми, и поэтому они терпят неудачу.

Он шумно сглотнул.

– Ох.

– Те самые люди и институты, которые вроде бы посвящены пробудить нас, делают прямо противоположное. Они убаюкивают нас в более приятный сон. В действительности мы хотим именно этого, и именно это они нам предоставляют.

Ему это не понравилось.

– О, боже... ну, тогда... тогда что же движет процессом реального пробуждения?

– Чистота намерения, но что это означает в действительности? Окей, вернёмся снова в офис, совершенно всем довольные. Жизнь замечательна. Окей?

– Да.

– Окей. Итак, опять начинает вкрадываться недовольство, но на этот раз оно исходит из того факта, что ты чувствуешь запах дыма.

– Здание горит?

– Проснись и почувствуй запах погоста, Камиль. Здание всё время горело, ты просто подавлял это знание до сих пор. Но теперь ты осознаешь это, и это вызывает в тебе некоторое недовольство. Довольное сильное, по сути, и с каждой секундой всё возрастающее. Теперь впервые ты осознаешь, что пламя уже прямо за твоей дверью, и температура поднимается. Едкий чёрный дым проникает в комнату. Загорается дверь. Выхода нет. Теперь ты очень, *очень* недоволен своим офисом. Фактически ты начинаешь его глубоко ненавидеть. Видишь, как это недовольство – эта гложущая неудовлетворенность на, ээ, чувственном уровне – имеет более непосредственную и непреодолимую природу, чем недовольство, вызванное отделкой?

Он молча кивнул.

– Конечно. Теперь твоё недовольство своим офисом довольно сильное. Поистине обжигающее. По сути, твоё недовольство настолько сильно, что кажется, что это *ты* в огне, как будто ты больше не можешь находиться в собственной коже, и что лучше пусть будет всё что угодно, только не это. Теперь ты совершенно не думаешь о карьере, доме, или семье. Благодаря изменениям в твоих личных обстоятельствах всё это стало абсолютно неуместным. Убеждения и концепции исчезают, и даже смерть внезапно становится незначительной. Ты очень сконцентрирован. Ты в настоящем моменте, очень осознан. Пламя уже в нескольких футах. Твоё недовольство своим офисом далеко превосходит всё, что даже лучший декоратор мог бы предоставить, согласен?

Он кивнул.

– И нет возврата, верно? Нет пути назад. Огонь уже здесь. Это факт. Ты видишь это?

Он снова кивнул.

– И ты совершенно один во всём этом. Спасения нет. Твой офис объят пламенем, и никто не может тебе помочь. Ни Иисус, ни Будда, ни Папа, ни твоя мама. Это *твое* недовольство. Это *твоя* проблема. Это *твоя* агония. Это *ты* сейчас сгоришь насмерть, окей?

– Окей.

– Окей. Итак, что ты предпримешь?

– А?

– Твой мир горит. Весь офис в огне. Ты в безнадёжной, безвыходной ситуации. Становится больно, и будет только хуже. Думаю, можно с уверенностью сказать, что твоё недовольство теперь довольно явное. Что ты сделаешь?

– Господи, не знаю. Выпрыгну из окна?

– Правда?

– Чёрт, я не знаю. Что ещё?

– Да, наверное. Ты сидишь в этой преисподней, когда за окном голубое небо, белые облака, свобода от страданий. Это кажется единственным возможным выходом в твоих очень неудовлетворительных обстоятельствах. Но...

– Что "но"?

– Ну, в окнах тех небоскрёбов не голливудское стекло. Ты начинаешь биться об него, но оно не поддаётся. Твоё недовольство такой силы, что ты можешь переломать себе кости и проломить череп, отчаянно бросаясь на окно, и всё без толку.

– Да, и что тогда? Что произойдёт?

– Ну, очевидно, ты можешь просто погибнуть в адском пламени. Нет закона против смерти.

Он в отчаянии посмотрел на меня.

– Или, может быть, ты находишь какой-то объект, с помощью которого ты можешь выбить стекло. Или, может быть, сама интенсивность твоей – как мы называем это, неудовлетворенности? – позволяет тебе пробиться сквозь непробиваемое окно. Итак, *бам!*, ты разбиваешь стекло. Теперь в уравнении остаются лишь ты, яростный огонь, и падение в сто этажей на тротуар внизу. Внезапно всё становится довольно простым. Вероятно, впервые, твоя жизнь совершенно ясна.

– Да? И?

– Гореть или прыгать, я полагаю.

– Гореть или прыгать?

– Ты видишь ещё варианты?

– Гореть или прыгать, – произнёс он безжизненно.

– Когда ты становишься настолько недовольным своим офисом, что прыжок с сотого этажа на тротуар кажется лучшим вариантом, настолько недовольным, что ты выбрасываешься из окна, тогда ты знаешь уровень неудовлетворённости, необходимый для пробуждения от иллюзии.

Несколько мгновений он молчал, опустив голову, размышляя.

– Мне кажется, слово "неудовлетворенность" здесь не подходит.

– Может и нет, – согласился я. – Я называю это чистотой намерения, но и оно не совсем ухватывает суть.

– И через это прошёл каждый просветлённый мастер?

– Ты говоришь так, словно бесчисленное количество просветлённых мастеров усеивают духовный ландшафт, но таковых крайне мало, и теперь ты знаешь, почему.

– Боже... – пробормотал он, похоже, искренне пытаюсь проникнуться только что услышанным. – Боже.

Я выразил мораль сей басни тремя короткими частями.

– Цена. Истины. Всё.

– Боже.

Интервью с Джедом МакКенной

Это интервью велось на протяжении года, в основном по электронной почте, и основано на темах, обсуждаемых в книге, поэтому предполагается, что вы будете читать его, только прочитав книгу по крайней мере один раз.

«Я никогда не искал духовного просветления. Это никогда не было моей целью. Я просто желал истины, какая бы ни была цена. И лишь спустя несколько лет после успешного завершения этого поиска, я узнал, что достиг того, что называют духовным просветлением, и даже сейчас я не представляю, что в этом такого духовного». – Джед Маккенна

О просветлении...

Вопрос: Что такое просветление?

Дж.М.: Не-я.

В: Окей, что такое не-я?

Дж.М.: Постоянное пребывание в недвойственном сознании.

В: Окей, что такое...?

Дж.М.: Я не могу вам сказать, что это, никто не может. Это не вещь, не концепция, не место. Нельзя объяснить огонь тому, кто никогда не видел огня; ни одно объяснение не может соответствовать прямому опыту огня. Я использую термины как «постоянное пребывание в недвойственном сознании», «не-я», «реализация истины» не потому, что они улавливают суть, но потому, что они кажутся наименее ошибочными.

В: Большинство людей определяют духовное просветление совершенно иначе, нежели вы его описываете, как будто они говорят о чём-то совершенно другом. Как может быть такое несоответствие?

Дж.М.: Просветление абсолютно. Оно не появляется в различных формах или степенях. Его нельзя интерпретировать. Но самое важное – оно самоопределяемо и абсолютно доступно разуму. Любой, кто хочет понять, может понять. Для этого не нужны переводчики или посредники. Оно просто сидит там совершенно открыто для каждого, кто потрудится посмотреть. Не нужно полагаться на меня или на кого-то ещё. Стать просветлённым может быть действительно непросто, но теория просветления это ерунда. Первая глава книги называется "То, что не может быть проще". Это точно отражает суть. Просветление это то, что нельзя далее упростить, уменьшить.

В: Что приводит нас к вопросу о том, кто просветлён? Кто пишет книгу? Кто учит? Очень трудно примирить видимость "я" с заявлением о "не-я".

Дж.М.: Однако, так есть. Истинное я это не-я, просто невозможно выразить это разумным способом. Я не могу сказать так, чтобы все смогли это понять. Я осознаю, что здесь явное противоречие, но мне так не кажется. Это как врата без врат. Отсюда это выглядит чем-то одним, оттуда – другим. Всё, что я могу сказать – приходите сюда и увидите сами.

В: Это похоже на каприз судьбы, здесь нет логики.

Дж.М.: Нет, вычисления здесь просты. Любой может определить для себя истину недвойственности – факт, что всё едино. Любой, кто хоть немного может пользоваться умом, способен самостоятельно всё сопоставить. Оттуда до "не-я" лишь короткий шаг. Когда в вашем уме установится истина недвойственности, тогда бесчисленные выдумки, как идея об отдельном "я", долго не продержатся.

В: Вы говорите "кто хоть немного может пользоваться умом". Что в реальности требуется в плане интеллекта для этого предприятия?

Дж.М.: Не так много. Всё на самом деле упирается в намерение. Если есть намерение, есть всё остальное. Если намерения нет, никакое количество интеллекта роли не сыграет.

В: Значит, логика это инструмент ума, а желание это инструмент сердца?

Дж.М.: Конечно. Отлично. Логика – ум – это меч, а намерение – сердце – это воля для его использования. Хорошо сказано.

О книге...

В: Часто говорят, что для хорошего распространения книги автор должен активно продвигать её своими появлениями и выступлениями в средствах массовой информации. Почему вы не подписываете свои книги, или не даёте радио интервью, или что-нибудь в этом роде?

Дж.М.: Я мог бы ответить на это многими разными способами. Я мог бы сказать, что природа книги не позволяет прибегнуть к такого рода рекламе, и это правда. Я мог бы сказать, что сам лично не склонен выставяться напоказ, что также правда. Но более широкая правда в том, что книгу ждёт успех или провал по причинам, иным чем маркетинг и пиар. Моя работа

состояла в том, чтобы компетентно написать книгу. Работа издателя состояла в том, чтобы компетентно издать книгу и сделать её доступной. Как книга будет поживать на рынке – не наше дело.

В: Вас не волнует, будет ли книга успешной или провалится?

Дж.М.: Если книгу ждёт успех, меня это позабавит. Если её ждёт провал, я вздохну с облегчением. У меня было сильное желание выразить определённые вещи, я это сделал, и желание ушло. Вот, по правде говоря, и вся история.

В: Но вы пишете ещё одну книгу.

Дж.М.: Да, есть ещё материал, много интересного, но первая книга является полным выражением. Она удовлетворила моё желание поделиться тем, что я знаю. Всё, что я напишу ещё, будет лишь тем, что я сочту занимательным уточнением.

Джед о Джеде...

В: Мы получили множество вопросов о вас лично. Люди хотят знать о вашей истории, отношениях, финансах, обо всём. Например, есть ли у вас друзья? Общаетесь ли вы за пределами отношений студент-учитель?

Дж.М.: Всё это на самом деле не имеет ко мне лично никакого отношения, и будет анти-плодотворно переводить фокус на меня.

В: Не трудно понять, почему людям это интересно.

Дж.М.: Я не имею отношения к чьему-либо поиску. Я просто палец, указывающий на луну. Из пальца вы ничего не узнаете. Все страстно хотят отвлечься от реальной работы по пробуждению, а это является лишь отвлечением.

В: Вы сбросили бомбу на последней странице книги, объявив, что прекратили учить. Как вы пришли к такому решению?

Дж.М.: Здесь не было никакого решения, только наблюдение. Это легче понять, если сформулировать точнее. Я не то, что прекратил учить, я лишь достиг конца процесса учительства, необходимого для создания книги. Как оказалось, всё это было ради книги. Многие сотни часов, что я провёл в диалогах с ищущими всех уровней понимания, были частью процесса создания книги. Завершение книги обозначило окончание учительства.

В: Потому что, как вы говорили, всё, что вы можете сказать, есть в книге?

Дж.М.: Потому что всё всегда было направлено к созданию книги. Не том смысле, что я спланировал всё таким образом, но в том смысле, что всё идёт так, как идёт. Можно посмотреть на это линейно и сказать, что я начал писать книгу такого-то числа и закончил такого-то числа, но это очень узкий и неполный взгляд. Это было бы очень узким и неполным взглядом на любое творческое путешествие. Когда убираешь шоры времени и пространства и видишь поток вещей, входящих и выходящих из бытия, восприятие этого потока намного расширяется и становится менее линейным.

В: Что вы называете океаническим взглядом.

Дж.М.: Верно. Нельзя изолировать какое-либо океаническое событие, волну, например. Где во пространстве и времени она началась? Где в пространстве и времени она заканчивается? Кто может сказать? Это лишь одна часть чего-то намного большего. Зачем пытаться раскрошить это на маленькие кусочки?

В: С целью понимания.

Дж.М.: Для удобной иллюзии понимания, разумеется. И это здорово, ничего неправильного в этом нет. Но, возвращаясь к учительству, я не решал покончить с ним, я просто наблюдал, как оно закончилось. Таково направление движения, и, откровенно говоря, вместе с ним идёт мой интерес к духовным предметам.

В: А что насчёт второй книги?

Дж.М.: Я старался писать как можно более сжато. Следующая книга, «Духовно неправильное просветление», будет немного свободнее, немного более острой, но это ни в коем случае не будет следующей ступенью или уровнем. Первая книга сама по себе завершённая. Всё,

что я смогу сделать в будущих книгах, это выразить те же вещи по-другому.

В: А насчёт тех, кто хотел бы иметь вас в качестве духовного учителя?

Дж.М.: Поиск учителя это лишь поиск отсрочки. Передача себя учителю, или учению, или возлюбленному гуру и так далее это всё чтобы оставаться спать, не пробуждаться. Первое правило в этом деле: ты совершенно один. Это цепляется за учителя подобно утопающему, хватающемуся за бревно. Учитель любим так же, как это бревно. Учение священо так же, как священо это бревно. Бревно это спаситель, спасающий нас от от погружения в холодные чёрные глубины.

В: А что с теми студентами, достигшими пробуждения с вашей помощью?

Дж.М.: Я просто поддерживал их. Акушер вряд ли может поручится за новорожденного.

В: Вы будете скучать по учительству? Как вы думаете, вы могли бы вернуться к нему?

Дж.М.: Не думаю, что смогу, если б захотел. Роль учителя это ложная личность, как и любая другая – костюм. Не существует «реального» меня, и сомневаюсь, что у меня наберётся достаточно энергии, чтобы оживить эту роль когда-либо снова. Это было платье, которое я носил, а теперь сбросил. Оно послужило своей цели.

О духовных учениях...

В: Вместо того чтобы помогать людям в их поиске просветления, вы, похоже, иногда подталкиваете их оставить его. Вы советуете людям увидеть, чем это является на самом деле, не обязательно для того, чтобы они смогли достичь его, но чтобы перестать пытаться. Это справедливое утверждение?

Дж.М.: Конечно. То, чем просветление является на самом деле, настолько далеко от того, что ищут духовные искатели, что пытаться отвратить их даже гуманно. Безусловно, неоконченный поиск сам по себе является темой, темой всей жизни, и именно этим в действительности занимается большинство людей. Для них целью является поиск, а не нахождение.

В: Но они не осознают, что ищут ради поиска, а не ради действительного достижения искомого?

Дж.М.: Конечно, так должно быть. И здесь я должен вам напомнить, что в контексте пребывания человеческим существом на планете Земля поиск истины имеет смысл, а нахождение – нет.

В: Вы, в общем-то, говорили, что просветление – штука несколько дурацкая.

Дж.М.: Да, всё это дело немного ненормальное.

В: Странно слышать, как просветлённый мастер называет духовное просветление «ненормальным».

Дж.М.: Ну, не знаю. Всё ненормальное. А что нормальное? Первая Благородная Истина это не «Жизнь есть страдание», а «Жизнь – ненормальная». Самые ненормальные люди это те, кто воспринимает это наиболее серьёзно, и никто не воспринимает это серьёзнее, чем тот, кто хочет пробудиться.

В: Значит, духовные искатели – самые ненормальные?

Дж.М.: Ну, на свете полно странно серьёзных людей.

В: Вы стараетесь избежать называть духовных искателей самыми ненормальными людьми?

Дж.М.: Нет, я говорю так не потому, что не думаю, что духовные искатели в основном такие уж серьёзные. Тот, кто действительно находится в процессе пробуждения, будет самым серьёзным человеком, которого можно вообразить, но этого нельзя сказать о многих.

В: Просветление обычно рекламируется как величайшее из достижений, как само-совершенство, как высочайшая цель человечества, предельная задача всякого поиска, но в ваших устах оно звучит порой бессмысленным.

Дж.М.: Я бы не хотел придавать просветлению впечатление почти полной бессмысленности. Оно абсолютно бессмысленно. Пробуждение к своей истинной природе как

смерть – определённо, неизбежно. Вы попадёте туда вне зависимости от того, что вы делаете, так зачем же спешить? Наслаждайтесь жизнью, это бесплатно. Космическое Сознание, Возвышенные Состояния, Вселенский Ум – это названия аттракционов в этом необъятном и восхитительном парке развлечений дуальности. Так же, как Бедность, Болезнь и Отчаяние. Просветление, однако, это не ещё один аттракцион. Просветление означает совсем покинуть парк, но зачем его покидать? В парке вы можете быть святым, йогом, миллионером, мировым лидером, властелином мира. Быть добром, быть злом. Счастье, горе, блаженство, агония, победа, поражение, всё здесь есть. Куда так спешить? Когда придёт время покинуть парк, вы об этом узнаете и уйдёте, но этим вы определённо ничего не выиграете.

В: Таким образом, вы пытаетесь отвратить ищущих от поиска.

Дж.М.: Я не пытаюсь отвратить или совратить, я просто пытаюсь выразить нечто, что трудно для выражения, и о чём практически каждый интересующийся вопиюще дезинформирован.

В: Как вы сказали в книге:

В большинстве случаев продающееся и покупающееся просветление просветлением вовсе не является, но таким распрекрасным состоянием сознания, что нужно быть полным идиотом, чтобы его не хотеть. По существу, настолько вероломно прекрасным, что его сияние затмило несведущим миллионам искателей тот факт, что его не существует.

Кажется, это ухватывает суть?

Дж.М.: В сущности. Просветление, которого хотят, не является просветлением, а тот аспект нас, который обладает способностью хотеть просветления, не может его достичь, не переживёт его наступления. День уничтожает ночь.

В: Значит, поиск обречён на провал?

Дж.М.: Всё дело в контексте. Я смотрю на духовных искателей, и они кажутся, в целом, довольно удовлетворёнными. Может быть, потому, что на самом деле они ищут удовлетворённости? Поиск просветления это неотъемлемый парадокс, но кто в действительности ищет просветления? Во вступлении к своей книге «На полпути в гору: Ошибка преждевременных заявлений о просветлении», Мариана Каплан пишет:

"Реальность настоящего состояния современной духовности на Западе это серьёзные искажения, заблуждения, обман и фундаментальный недостаток образования".

На мой взгляд, нет реальной причины разделять – Восток не далеко ушёл в этом отношении. Она так же говорит: *"Тема просветления сама является одной из самых больших арен наивности, невежества, самообмана и заблуждения в современной духовности. Ближайшими к просветлению являются категории «мистических» и «духовных» переживаний".*

Я бы мог сказать наоборот, что современная духовность это одна из самых больших арен наивности, невежества, самообмана и заблуждения в поиске просветления, но вы уловили смысл.

В: Многие духовные учителя принимают имена, одежды или титулы своего духовного наследия, но вы, похоже, держитесь в стороне от всех этих внешних атрибутов.

Дж.М.: Да, у меня нет определённого учения или родословной, и ни один гуру ни разу меня не переименовывал, поскольку у меня никогда не было гуру. В любом случае я не хотел бы, чтобы у кого-то возникло впечатление, что истина является частной собственностью или эксклюзивным владением какой-то иностранной или древней культуры. Истина является личным владением каждого, всегда и везде. Если бы я носил мантии, или индуистское имя, или японский титул, это лишь служило бы указанию неверного направления для тех, кто просит меня показать дорогу. Я не указываю на восток или на запад, я указываю прямо на самого ищущего.

В: Значит, вы думаете, что ученику не нужен гуру? Похоже, это тема для нескончаемых споров.

Дж.М.: Что они там ищут в тех традициях, которые требуют гуру, я не имею понятия. Я определяю духовное просветление как реализацию истины, а это не требует ничего, кроме

чистоты намерения.

В: Под чистотой намерения вы имеете в виду то, как вы описывали его в книге, когда говорили о своём пути?

Дж.М.: У меня был студент по имени Александр. В какой-то момент процесса пробуждения он решил, что должен попасть в библиотеку в Чикаго. Не знаю, зачем, но он был уверен, что следующую необходимую ему вещь можно найти только там. И он без колебаний отправился туда автостопом. У него не было денег, он выглядел неопрятно и испуганно, поэтому ему было трудно поймать машину, и приходилось много идти пешком. Он истёр все подошвы, и ему приходилось вставлять свёрнутую газету в ботинки по нескольку раз в день. Была зима, и по дороге он подрабатывал за поношенную куртку, ботинки, еду, довольно тяжело ему приходилось. Через три недели он добрался до Чикаго. Спал в подъездах, ел что придётся. Он носил с собой книги и читал, когда только позволяла необходимость выживания.

В: Похоже на изнурительное тяжкое испытание.

Дж.М.: Я об этом и говорю. Если бы вы сказали «тяжкое испытание» Александру, когда он сидел измождённый, холодный и голодный в подъезде, он посмотрел бы на вас, словно на таявющего пса. Хочу также отметить, что за шесть месяцев до этого Александр был вполне нормальным парнем с женой, детьми, домом и работой.

Нет никакого испытания, есть только следующий шаг, следующая битва. Смысл всегда в том, чтобы отпереть следующую дверь. В Библии сказано: «Выбей свой глаз, если он оскорбит тебя». Если бы глаз Александра стал мешать ему открыть следующую дверь, ему и голову не пришло бы не удалить его. Вот такое топливо питает это путешествие. Это нет ни в писаниях, ни в храмах. Никто не может это дать или удержать. Вот что я имею в виду под чистотой намерения.

О процессе...

В: Вы описываете процесс пробуждения, который занимает около двух лет, плюс ещё десять на интеграцию, однако многие духовные учителя описывают просветление как мгновенное трансформационное событие.

Дж.М.: Я предположил бы, что они испытали переживания типа того, что описывает Бёкк в своей книге «Космическое сознание», сорт мистического озарения в сердце творения, либо что-то в равной степени трансцендентное и трансформирующее. Великолепные переживания. Я сам испытывал нечто подобное и не буду даже пытаться выразить это чудо. Но идея, что кто-то может пробудиться в "не-я" в одно мгновение просто абсурдна. Такие люди говорят о чём-то прекрасном, но не о реализации истины. Это не постоянное пребывание в недвойственном сознании.

В: Многие духовные учителя говорят, что в настоящее время мы подвергаемся процессу массового сдвига сознания, и что человечество вступает в новую эру духовного подъёма. Вы видите, как происходит этот сдвиг?

Дж.М.: Нет.

В: Не могли бы вы развернуть свой ответ?

Дж.М.: Нееееееет.

В: А серьёзно?

Дж.М.: Люди, которые говорят о просветлённом человечестве, говорят о мире, где ягнёнок лежит рядом со львом, где все счастливы и здоровы и так далее. Короче, мир без конфликта, без драмы. Но это было бы довольно глупо, поскольку весь смысл дуальности в разделении. Весь смысл противоположностей в противоположности. Это драма, не тихая жизнь, и ни одно пробуждённое существо никогда не может предположить, что нечто несовершенно, такое, как оно есть.

Возвращаясь к аналогии с парком развлечений, представьте группу само-провозглашённых мистиков, которые хотят выровнять все американские горки, чтобы не было страшных падений и петель, лишь длинные, медленные, безопасные круги. Это замечательно, но в чём смысл?

В: Из книги ясно, что вы никогда не были вовлечены в нормальную духовную деятельность. Вы не медитировали, не пользовались коанами, мантрами, никогда не имели учителя или гуру. Это бросает вызов многим близким убеждениям людей о том, как достигается духовная реализация.

Дж.М.: Я никогда не думал о пробуждении как о духовном поиске, я просто хотел добраться до истины. Оглядываясь назад, я вижу, где мог использовать слово «бесконечность» на подобии коана, что-то вроде западной версии «му». Бесконечность прекрасна, она уничтожает всё, к чему прикасается. Она убивает все концепции, все верования, всё чувство себя. Ни один учитель, учение, книга или практика не может быть столь же эффективной, как простое позволение мысли о бесконечности медленно поглотить вас.

В: Даже больше, чем Духовный Автолизис?

Дж.М.: Духовный Автолизис непременно ведёт к бесконечности, то есть, куда же ещё?

Интервью д-ра Пиллэй

Эти последние четыре вопроса пришли от доктора Крайбена Пиллэй, редактора и основателя журнала «Ноумен».

1. Несколько раз вы определили просветление как «постоянное пребывание в недвойственном сознании». Возможно ли сказать об этом что-либо ещё?

Термин «недвойственное сознание» это попытка выразить в словах другую реальность бытия. Этот термин, похоже, является подходящим изображением состояния из самого состояния. Слово «постоянное пребывание» отличает его от преходящих состояний, которые обычно принимаются за, или продаются как, Духовное Просветление.

На самом деле я думаю, что худшим термином для Духовного Просветления является Духовное Просветление. Как я говорил в книге, только спустя несколько лет после моего пробуждения, я понял, что то, чем я стал, или чего достиг, является тем, что люди имеют в виду, когда говорят Духовное Просветление, но что не длится долго, так что же это тогда? Сладкий сон. Самая прекрасная вещь, которую можно испытать, я согласен, но не непреходящее пробуждение от иллюзии.

Лучшим термином могло бы быть «Реализация истины». Термин «Духовное просветление» увековечивает окутанную туманом, недоступную мистическую вершину, тогда как «Реализация истины» звучит естественно, разумно, и в пределах досягаемости. Духовное просветление – для супер элиты, но истина это дело каждого.

2. Как бы сработал Духовный Автолизис, если кто-либо (ещё непросветлённый) начал бы с высказывания, что просветление это «постоянное пребывание в недвойственном сознании»?

Именно. Вот в этом весь вопрос. Называть это «Постоянным пребыванием в недвойственном сознании» может быть адекватным описанием изнутри, но полезно ли оно снаружи? Полезно ли ищущему знать и называть его этим именем? И ответ, я думаю, не совсем.

В книге я сделал попытку передать повседневную реальность, даже банальности, своей жизни. Я хотел выставить себя напоказ как просветлённое существо и сказать: «Смотрите, вот оно. Вот так это есть в реальности». И термин «Постоянное пребывание в недвойственном сознании» служит этой цели, но он вероятно, не является самым показательным для ищущих.

Для целей достижения этого состояния, думаю, термины «Не-я», «Реализация истины» и «Недвойственность» имеют бóльшую практическую ценность.

3. Вы упоминали, что вам нравятся книги, написанные теми, кто достиг просветления, и кто хорошо описал то, на что это похоже. Не могли бы вы назвать пару авторов?

Я бы хотел уклониться от данного вопроса с тем, чтобы предоставить более относящийся к делу ответ. Целью подлинного ищущего всегда является сделать следующий шаг, открыть следующую дверь. Пробуждение это не схоластическое занятие и не концептуальная задача. Единственное, что имеет значение, это способность сделать следующий шаг, и он может прийти в любой упаковке – книга, выбитый палец, рекламный ролик, лист травы. Если у вас есть намерение, тогда вселенная будет вашим библиотекарем, и вы всегда будете иметь то, что вам необходимо и когда необходимо.

4. Некоторые учителя, как У.Г.Кришнамурти утверждают, что индивидуум не может ничего сделать, чтобы стать просветлённым, просто потому, что это значит конец индивидуального чувства себя. Вы настаиваете на том, что это может произойти через осознанное усилие, и что это не может занять больше, чем два года после первого шага. Как вы смотрите на взгляд Кришнамурти (и Балсекара, которого вы цитируете), потому что это приводит нас к старому спору о судьбе и свободе воли в поиске просветления?

Да, я настаиваю. Это не только может случиться через осознанное намерение, это может только случиться через осознанное намерение.

Сказать, что индивидуум не может ничего сделать, чтобы освободиться от дуального восприятия, потому что это приводит к недуальному восприятию, всё равно что сказать, что живое существо не может прыгнуть с обрыва, потому что это приведёт к смерти, или что спящий не может проснуться, потому что он спит. Это абсурд.

Однако, если У.Г.Кришнамурти и другие говорили, что «я» не может достигнуть «не-я», тогда это совершенно верно. Конец одного обозначает начало другого. Никто не может одновременно иметь пирог и съесть его, вопреки тому, во что многие хотели бы верить.

Это парадокс? Да. Можно ли это объяснить так, чтобы люди поняли? Нет. Может ли любой увидеть всё сам и понять это напрямую? Да. Как? Рвать, драть, грызть и сжигать. Сжечь всё.

Думай сам и выясни, что истинно. Вот мастер ключ. В конечном итоге, это мой единственный совет. Часы тикают, и ты совершенно один. Забудь концепции. Забудь философии. Забудь духовность. Забудь, что тебе говорят другие. Не ставь условий, просто думай сам и выясни, что истинно.

Эй, насколько это может быть трудно?

Джед МакКенна

Дополнительные материалы ко второй книге трилогии
"Духовно неправильное просветление"

Интервью с Джедом МакКенной

Редактор: "Духовно неправильное просветление" странно начинается. Сначала строчка "Зовите меня Ахаб" и первая глава, потом следующие две главы, которые как-то выбиваются из общего порядка, почти отталкивают. Какой в этом был смысл?

Джед МакКенна: У меня есть много заметок, я написал большое количество материала, который не вошёл в книги. Обычно, по мере формирования книги, как и в любом творческом процессе, материал, который не подходит, выбрасывается. Я думал, так и произойдёт с некоторыми или всеми тремя первыми главами, особенно со второй и третьей, главами о Калифорнии. Я был немного удивлён, что они остались.

Р: Но вы же сами их оставили.

Дж.М: И да и нет. Я соучастник в данном процессе создания книг, но в большей степени я наблюдатель. Я получаю ясное указание и следую ему, будь то написание книг или что-то ещё. Я качаюсь на волнах океана, где разница между собой и другими становится просто теоретической. Даже в "царстве сна" мой персонаж практически полностью растворился в океане, так что, к примеру, с внешней стороны можно сказать, что Джек МакКенна написал эти книги, но с моей перспективы такого разграничения нет. Разграничения это феномен царства сна, и даже хотя я существую в нём и сочиняю книги для воображаемых читателей, я не понимаю, чем отличается одна вещь от другой, как я понимал это до пробуждения. Это касается отделённости и интегрированности, восприятия вещей отдельными там, где отдельности не существует. Это интеграция, *ре-интеграция*, это то состояние, по направлению к которому все постоянно движутся – от ложной отделённости обратно к единству. Это постоянное движение напоминает снижающуюся орбиту – круг за кругом, всё ближе и ближе, мы захвачены невидимой силой, непрерывно утягивающей нас внутрь, обратно к нашему центру, к единому центру всего. Именно эта сила притяжения, исходящая из самого центра "я", является источником возвратного движения Дао. Все находятся на этой орбите. Жизнь находится на этой орбите. Первый Шаг же, напротив, резко изменяет курс прочь с этой орбиты на прямое сближение. До Первого Шага мы находимся на этой орбите; после Первого Шага жизнь на орбите заканчивается и столкновение неизбежно.

Р: Столкновение с планетой?

Дж.М: Так кажется. Из космоса планета может выглядеть как Бог, или Истина, или Истинное Я, всё зависит от глаза наблюдателя, но направление всегда одно – к единому источнику, к гравитационному роднику, бьющему из центра планеты и притягивающему нас всех к себе. До Первого Шага человек удерживается на постепенно ускоряющейся, медленно приближающейся орбите. После Первого Шага человек выстреливает словно ракета к центру планеты без обдумывания последствий, только чтобы обнаружить в момент удара, что на самом деле нет ни планеты, ни притяжения, ни "я", ничего.

Никто не может внятно объяснить это, поэтому когда меня спрашивают, я отвечаю: "Идите и посмотрите сами". Сойдите с орбиты. Не беспокойтесь о попадании на планету, снижающаяся орбита доставит вас туда рано или поздно. Все хотят пробудиться за счёт ускорения или повышения своей орбиты, но, как ясно показывает результат, это ничего не меняет. Есть только один путь – вы должны сорваться с орбиты. Это Первый Шаг, и это должно быть целью человека на орбите, а не духовное просветление, или нирвана или что-либо подобное. Да, это самоубийственная гонка. Возврата нет, нет пути назад. Не останется ничего, к чему можно было бы вернуться. Если вас заботит быть счастливым всю оставшуюся жизнь, оставайтесь на орбите и думайте в терминах карма-дхарма-бесчисленных жизней, которым вы будете следовать в путешествии домой. Если вам всё это надоело, тогда пришло время отвернуться от всякой духовной мишуры и начать думать о сходе с орбиты, чтобы начать самоубийственную гонку.

Р: Значительная часть ваших читателей живёт в Калифорнии. Было почти больно слышать, как вы говорите, что ненавидите Лос-Анджелес и что частично причиной тому являются калифорнийцы.

Дж.М: Да. Я возвращался к этому позже в книге. Просто парень с восточного побережья злословит о западном, вот и всё. Я жил какое-то время в Монтесито и далее на север, и довольно сильно полюбил эти места, восток просто кажется мне более реальным. Когда я нахожусь в Южной Калифорнии, я могу думать только о том, чтобы поскорей выбраться оттуда, но это всего лишь личное предпочтение. У меня по-прежнему есть предпочтения, и я хотел бы

подчеркнуть этот явный парадокс. Если когда-нибудь появится третья книга, там, вероятно, не будет слишком много моих личных предпочтений, либо те немногие, которые останутся, получатся очень явными и характерными. Южная Калифорния мне кажется Меккой эго. Сильное отвращение к эго это на самом деле последнее из моих самых дорогих предпочтений, и не похоже, чтобы оно когда-либо исчезло. Это всё продолжающееся минимизация "я", о которой я говорил в первой книге. Я как бы веду летопись второго десятилетия своей жизни в качестве пробуждённого существа. Я способен предсказывать общие направления, но затем мне всё же приходится их проживать. Лохмотья "я" висят на мне клочьями. Мне почти приходится придерживать их, чтобы вообще как-то присутствовать.

Р: Вы говорите так, как будто процесс пробуждения продолжается даже сейчас.

Дж.М: В каком-то смысле. Пробуждение было давным давно, как ядерный взрыв, оно произошло со мной много лет назад. Процесс "пост-пробуждения", имеющий место с тех пор, похож на затянувшиеся последствия отравления радиацией. Ваш нос не отвалится сразу, а через какое-то время. Вы знаете, что он не пробудет долго, поэтому вы наслаждаетесь им, пока это возможно. Вы знаете, что это неизбежно, и вы не боитесь и не пытаетесь этого избежать. С другой стороны вы любите свой нос, поэтому вы, возможно, пришили его или приклеите скотчем, чтобы он оставался немного подольше. Я не пытаюсь ничего доказать и не защищаю своё мнение, я просто делюсь своими наблюдениями. Пробуждение совершенно, завершённо и необратимо, но никакое внешнее представление не может отобразить внутреннее состояние. С момента пробуждения в любую секунду я могу стряхнуть и стряхиваю с себя, словно мокрая собака, обрывки "я", лоскутья костюма.

Р: То есть, вы можете сбросить "я", а потом снова надеть?

Дж.М: Так и есть. Распад зашёл уже очень далеко, и я не могу остановить или развернуть его, но я могу попытаться выжать как можно больше пользы из того, что осталось. Полагаю, я смогу подделывать свою личность столько, сколько проживу, но внешняя оболочка становится всё тоньше. Вам что-нибудь понятно?

Р: Значит, вся проблема только в том, чтобы взаимодействовать с людьми, с эго?

Дж.М: Да. У меня нет других причин напаяливать свой персонаж. В этом нет такой уж проблемы, однако. Не взаимодействовать с людьми не слишком тяжёлое испытание для меня.

Р: И ведь это не теория, верно? Вы не предполагаете, вы описываете свой реальный опыт?

Дж.М: Да. Мой опыт это опыт существа без эго, которое может одеться в поношенное эго, когда нужно.

Р: И вы не видите здесь парадокса?

Дж.М: В "я" без "я"? Я бы так сказал: просветлённое состояние это не какое-то особое состояние, как обычно принято считать. Непросветлённое состояние это магическое, мистическое, непостижимое состояние. Пробуждён, значит просто пробуждён. Это не значит, что что-то добавилось, это значит, что всё убрали. Моё состояние естественное и лёгкое. Я не таскаю багажа. Я не нахожусь в заблуждении. Я не трачу свои жизненные силы, чтобы поддерживать вымышленную личность. Весь парадокс заключён в непробуждённом состоянии. Пробуждённый не имеет чего-то, чего нет у непробуждённого, всё наоборот. Непробуждённый обладает громадными структурами ложных убеждений. Он создаёт и сохраняет эти огромные сферы прошлого, настоящего и будущего, большой значимости и важности, глубокого и

обширного ряда эмоциональных переживаний – всё сотканное из полнейшей пустоты. Нечто из ничего – вот магия, вот особое состояние. Непробуждённое состояние требует непрестанной самоотверженности и преданности, и кажется фантастически невероятным. Пробуждённое состояние – ничто в сравнении с этим.

Р: Звучит не очень-то весело.

Дж.М: Я никогда не говорил, что это весело.

Р: Вы говорите, что это не весело?

Дж.М.: Нет. Жизненная сила, которую я не использую для проецирования ложного "я", теперь годится для более весёлых и интересных целей. Когда весь этот мелочный эгоистический вздор остаётся позади, ему на смену приходит совершенно другая вселенная.

Р: Итак, вернёмся к первым выбивающимся главам...

Дж.М.: Да, именно выбивающимся. Это, возможно, отражает высшее намерение в действии. Я рассматриваю эти первые главы как общий план в фильме, предоставляющий зрителю обзор места происходящих событий. Первая глава, "Очертания проступают", что является названием первой главы "Моби Дика", похожа на удар гонга, чтобы пробудить читателя и дать ему понять, что шоу началось и что оно немного необычное, что происходит нечто иное. Затем две калифорнийские главы продолжают эту дестабилизирующую странность. Единственный вопрос, лежащий в основе этих глав, сформулирован во второй главе: "Конечно, вы все медитируете и выполняете всякие духовные практики, но ведь вы знаете, что в действительности это никуда не ведёт, верно?" Этот вопрос выбивает из колеи. Читателя это должно резко одёрнуть – он должен посадить себя за тот обеденный стол, посмотреть на собственную "Операцию ПИДЖ" и задать себе серьёзные вопросы о том, чем он на самом деле занимается со всей этой духовностью.

Р: Значит, вы намеренно старались задеть читателя?

Дж.М: Отчасти моим намерением было в самом начале сделать ему вызов. Самоубийство, нацисты, кошачье дерьмо, подростковый страх. Это забавно или обидно? Благожелательно или некрасиво? Джед наглец или нечто иное? Нравится ли он мне? А что, если нет? На ком это может отразиться?

Р: Может ли просветлённый человек вести себя так.

Дж.М: Да, может ли этот парень быть просветлённым, если он так себя ведёт? Так говорит? Вставляет этот полувоинствующий материал в самом начале книги? Где безусловная любовь? Где сострадательное сердце? Или, подождите, может быть, это мои предвзятые убеждения насчёт духовности и просветления ненормальны. Может быть, мне необходимо вернуться назад и подумать о том, на что это может быть похоже – быть просветлённым человеком в непросветлённом мире. Может, меня дезинформировали. Может, это сладкая и лёгкая версия не имеет смысла.

Кроме того, во второй книге мне хотелось бы надеяться, что читатель прочёл первую, и имеет теоретическое представление о том, что в действительности означает просветление, реализация истины, постоянное пребывание в недвойственном сознании. Вторая книга для меня более интересна, если считать само собой разумеющимся, что Джед МакКенна – просветлённое

существо. Мы уже установили это в первой книге, поэтому это должно дать нам свободу исследовать, проверить, что всё это значит, что значит находиться в этом состоянии, задать хорошие вопросы – не "Этот парень просветлённый?", но "Что значит, если просветлённый человек ведёт себя таким образом? Что мне хотят показать относительно пробуждённого состояния?"

Мне не хочется, чтобы это звучало так, как будто я всё это тщательно продумал, потому что книги в самом деле пишутся сами. Это просто моя интерпретация того, как обстоят дела, и причин, почему я оставил всё как есть.

Р: Вы интерпретируете собственную книгу, как какой-нибудь читатель?

Дж.М: Что-то типа того. Эти главы были начальными с самого первого черновика, да так и остались. Я много раз просматривал их, спрашивая, не слишком ли, и наконец, понял, что в книге под названием "Духовно неправильное просветление", слишком было бы, вероятно, в самый раз. К тому же, я доверяю тому, что поместило их там, больше, чем тому в себе, которое хотело изменить их.

И действительно, почему не поместить их прямо в начало? Книга называется "Духовно неправильное просветление", но что это на самом деле означает? Это означает, что попасть туда и быть там это совсем не то, что нам говорили. Глядя на современную духовность, везде видишь ту же бесконечно перемалывающуюся пресыщенную чушь – любовь, сострадание, не-ум, высшее "я", уровни сознания и так далее. Вредоносная грязь, в которой, как легко видно по результатам, не возможны ни ясность, ни прогресс. Нет большего провала в истории человечества, чем духовный поиск, поиск истины, но все продолжают, как и раньше, используя те же карты и указания, те же путеводители и маршруты. Это бред. Раньше или позже ты дойдёшь до той точки, когда скажешь: "Эй, погодите, это безумие. Я хочу выйти из этого круга и начать двигаться. Как я могу вырваться из этой карусели банальных наклеек на бампер и действительно принять ответственность за свою жизнь?" Если ты читаешь книги Джеда МакКенны, значит ты стоишь на самом краю самоопределения. Не потому что это важно, или ради удовлетворения, или ради уютной следующей жизни, но просто потому, что это честно. В конечном итоге, всё, о чём мы говорим, это о честной жизни. Быть честным.

Р: Так где же выход? Как нам освободиться?

Дж.М: Вот Геркулес в Авгиевых конюшнях. Он мог провести весь остаток жизни, вычищая лопатой дерьмо, никогда так и не продвинувшись вперёд, так как дерьмо всегда прибывает быстрее, чем кто-либо способен его отгрести. Что он сделал вместо этого? Он направил русло реки так, чтобы она текла через конюшни, и одним этим действием весь навоз вымыло раз и навсегда. Вот выход: не пытайтесь бороться с заблуждением и посредственностью. Решение проблемы никогда не находится на уровне проблемы. Поднимитесь над уровнем, где существуют заблуждение и посредственность. Думайте сами. Наблюдайте сами. Увидьте большую картину. Жизнь это дело одиночки. Включите свет в доме и смотрите сами, непосредственно, без мешающих и искажающих фильтров интерпретаций и посредников. Что может быть проще?

Р: Вы говорите, что люди должны...

Дж.М: У меня нет мнения насчёт того, что должен или не должен делать человек. Некоторым людям нравится запах навоза. В контексте этого разговора – большинству. Он тёплый, знакомый и безопасный. Когда начинает пахнуть говном, застоем и смертью, как в тёмном, вонючем подвале, тогда вы начинаете хотеть сделать что-нибудь, чтобы отделаться от него. Когда это происходит, вы перестаёте косить под сваи и начинаете представлять свои собственные интересы. В этом смысле могу дать вам простое руководство: откройте глаза,

смотрите, найдите, почему так плохо пахнет. Питайте своё недовольство. Культивируйте негативную самооценку. Повышайте чувство отвращения к духовной практике. Исходите из гипотезы, что всё, чем вы являетесь – ложь, и всё, что знаете – неверно, и попытайтесь доказать обратное.

Р: Как вы думаете, будет третья книга?

Дж.М: Не знаю, возможно. Мне, похоже, нравится писать, поэтому, полагаю, для меня ещё не всё окончено. Я работаю над некоторым материалом, может быть, что-то действительно материализуется.

Р: Как вы думаете, будут ли ещё сюрпризы, как с "Моби Диком"?

Дж.М: Не знаю. Я вообще не чувствовал приближение "Моби Дика", пока он не свалился мне прямо на голову.

Р: Помимо откровений о "Моби в Дике" в "Неправильном просветлении" удивляет ещё одна вещь – вы подталкиваете читателя от просветления в сторону состояния, которое вы называете Человеческой Взрослостью.

Дж.М: Человеческая Взрослость это реальный выход. Любой, кто вовлечён в духовный поиск, в действительности ищет именно этого, но, вероятно, не знает об этом. Я хотел высказать мысль, что Человеческая Взрослость это то, чего все на самом деле хотят, но не так много людей имеют. Ребёнок должен умереть, чтобы смог родиться взрослый, а это происходит очень редко. Это катаклизм, процесс смерти-перерождения. Родившись, Взрослый Человек начинает жизнь роста и открытий. Вселенная это игровая площадка для Взрослого Человека. Так или иначе, это стало главной темой в книге, потому что всё направлено именно сюда. Религия и духовность не продвигают нас ни на шаг. Просветление это путешествие без остановки. Человеческая Взрослость это странствие, исследование и игра. Это значит жить, раскрывая свой потенциал и расширяясь безо всяких ограничений. Всё хорошее, что можно сказать о просветлении, религии и духовности, является естественными качествами Взрослого Человека – воплощение желаний, поток и безуильное функционирование, позитивные эмоции, не основанные на страхе, такие как благоговение, благодарность и агапе, что отражает понимание единства вещей. Очевидно, что именно этого все в действительности хотят, а не реализации истины, поэтому я попытался об этом поговорить.

Р: Вы должны испытывать огромное чувство удовлетворения от создания таких великолепных книг, но на самом деле я поднял этот вопрос из-за подозрений, что это не так.

Дж.М: Вы правы, не испытываю. У меня нет такого отношения к книгам. Нет чувства гордости или обладания, ни само-поздравительного чувства выполненного дела. В попытке ответить на этот вопрос я лишь силюсь представить себе, какое чувство или привязанность мог бы испытывать автор к этой работе. В любом случае, книги неплохи, и это всё. Я был создан, чтобы написать их, и я их написал. Они соответствуют требованиям. Я доволен, что неплохо справился, и мне больше нечего добавить. Я адекватно сыграл свою роль.

Р: Адекватно – это значит, могли справиться лучше?

Дж.М: Это значит, мог справиться хуже. Мне неплохо удалось позволить процессу работать самому. Книги такие, какие должны быть.

Р: Неужели вы совсем за пределами похвалы или оскорблений?

Дж.М: Не знаю насчёт пределов, это как-то не совсем верно. Я больше не обладаю тем аспектом "я", который можно похвалить или оскорбить, возвысить или унижить. "Смерти негде войти", что-то вроде того. Я не думаю о себе как о писателе, учителе или как-то ещё. Я просто сделал то, на что было указано. Если на это всё ещё указано, я буду продолжать это делать. Если нет, то не буду. Я в общем-то не против покончить со всей этой духовностью. Стоит повторить, что я не духовный человек. Если бы это не было нужно для написания книг, я бы не имел с этим вообще никакой связи.

Р: Странно думать о духовном мастере, учителе и авторе как о не-духовном или анти-духовном. Вам должно быть не с руки писать для этой аудитории.

Дж.М: Конечно, а теперь подумайте шире и представьте мою ситуацию, когда я пытаюсь продолжать играть эту роль передатчика. Я фактически уже почти не помню состояния до пробуждения. И это не неопределенное ощущение на чувственном уровне, это довольно конкретный и явный зазор между моей парадигмой и парадигмой непробуждённого человека, и он всё растёт, по мере того, как угасают мои воспоминания о жизни в другой парадигме.

Р: Это, должно быть, очень непросто.

Дж.М: Только когда дело касается эго. Для меня это совершенно не имело бы значения, если бы не книги. Чтобы написать книги, я должен говорить через эту пропасть, а она становится невероятно широкой.

Р: Значит, писать книги довольно трудно, поскольку...

Дж.М: Поскольку почти уже нет сопереживания. У меня практически нет воспоминаний о том, что значит верить во что-то. Большинство читателей, возможно, посмотрят на того, кто верит в телевизионных проповедников-целителей и буклеты супермаркетов так же, как я вижу каждого человека. На мой взгляд, все веры бессмысленны. Я больше не способен провести какое-либо реальное различие между достоинствами одной или другой. Они все одинаковы, потому что все – ложь. Читающие это, вероятно, смотрят на тех, кто посылает свою пенсию телепроповедникам, и удивляются, как можно быть такими легковверными, но на мой взгляд, *все* такие же легковверные. Я больше не вижу никакой разницы между любыми двумя человеческими верованиями, больше не способен на это. Нет лучшей или худшей веры, больше или меньше истинной. Это всё призраки внутри царства сна, которые не имеют реальности или плотности вне его. Не могу провести никакого другого различия, кроме этого. Но однако, похоже, моя задача пытаться говорить через это всё расширяющееся разделение, связаться с умами, которые не видят этой пропасти, или не совсем верят, что она есть. Вот что происходит: пропасть расширяется. Идея о том, что Священная Римская Церковь каким-то образом лучше, или истиннее, или правильнее, чем культ самоубийства, во мне пропала. Я больше не способен воспринимать или притворяться, что воспринимаю, подобные различия. Я знаю, что одна вера имеет больше сторонников, чем другая, но это ничего не значит. На мой взгляд человек либо в процессе пробуждения, либо нет. Это единственное различие, которое я ясно вижу. Человек либо прямо встречает реальность, либо отрицает её.

Р: Многие люди, познакомившись с вами в книгах, желают познакомиться с вами лично. Нам приходили некоторые довольно интересные предложения, что люди могли бы отдать или

сделать, чтобы побыть с вами хотя бы короткое время.

Дж.М: На это не было указано.

Р: Временами вы похожи на робота.

Дж.М: Даже мне так кажется, но факт остаётся фактом – я предназначен делать то, что я делаю, писать, но я не предназначен, чтобы исполнять общественную роль.

Р: Предназначен?

Дж.М: Предназначен, создан, дхармически склонен, как угодно. Мне нравится писать, но мне не нравятся люди, точнее говоря, эго. Эта антипатия к эго кажется мне нормальной. Я вовсе не считаю всё это странным, так что вряд ли это изменится. Вообще-то, я бы посоветовал каждому развить в себе такую же антипатию. Во вселенной есть только одна ложная, мелочная, боящаяся, нечестная вещь, и это эго – ложное я. Думаю, каждый, кто действительно захочет узнать его, натолкнётся на его отторжение, а это определённо движение в направлении пробуждения.

В любом случае, я частное лицо и мне нечего сказать кроме того, что есть в книгах. Я говорил об этом во второй книге. Просто не так много можно сказать, и я всё это высказал. Я могу продолжать писать, развивать темы, глубже рассматривать некоторые вопросы, но это всё об одном. Любой, кто хочет встретиться со мной, разыскать меня, задать мне вопросы, извлечь пользу из того, что, как он полагает, я могу ему предложить, действует исключительно из отрицания. Легко убедить себя в обратном, что домогательство прямых отношений с каким-нибудь нашумевшим духовным чуваком является признаком твёрдой решимости, но убеждает вас в этом Майя. Что я могу сказать кому-то? Мы уже достаточно определённо установили, что книги не оставили ни одного имеющего силу вопроса, так что же я буду, ссылаться на номера страниц? Если сейчас кто-либо придёт ко мне в поиске чего-либо, я могу ему лишь сказать: "Тебя послала Майя. Это её рука крутит тобой, поворачивает твою голову, двигает твоими губами. Тебе предстоит серьёзная работа, а ты пришёл сюда только для того, чтобы избежать этого".

Если люди не хотят серьёзно относиться к этому, это совсем не обязательно, это абсолютно их дело, но с самого начала этого проекта публикаций я чётко определил, что не позволю себе втягиваться в людские игры по избеганию. Все хотят поговорить об этом, но здесь не о чем говорить. Очень просто поехать куда-то, заплатить денег, поступиться комфортом, распластаться у чьих-то ног, подчиняться, обожать, превозносить, что угодно, и думать, что это преобразуется в нечто позитивное, какое-то движение вперёд, но это всё действия эго с целью отвлечь внимание от реальных задач с помощью занятости и пустых телодвижений; это ложные акты сдачи, позволяющие нам убедить себя, что мы смело шагаем к свету, в то время как благополучно съёжились в тени. Для этого я никому не нужен. Любой, кто имеет подлинное желание решить проблему с "я", уже имеет всё, что я могу предложить. Используйте духовный автолизис и попытайтесь выяснить истину. Всё остальное направляет в другую сторону.

Р: Вы говорите так, как будто это совсем просто, но в реальности это самая трудная вещь, которую только может совершить человек.

Дж.М: Да, это решающий момент. Здесь речь не о пробуждении, здесь речь о Первом Шаге. Если вы сделали Первый Шаг, всё остальное последует за ним. А до тех пор это всё академия. Первый Шаг это реальная отправная точка всего процесса. Всё остальное касается того, делаете ли вы Первый Шаг или нет. Чтобы дойти до Первого Шага, чтобы пересечь стартовую линию, вам нужно взрастить в себе понимание и реальное представление о силах, против которых вы поднялись – Майи, эго, природы самообмана, страха, в противном случае

никакое количество преданности или посвящения нисколько не поможет. Если у вас есть только ум, и нет сердца, вы будете лишь бегать по кругу. Если в вас есть только сердце и нет ума, вы закопаетесь в более глубокую нору. До тех пор, пока вы не пересечёте стартовую линию, не сделаете Первый Шаг, это всё лишь хобби, как гольф или собирание марок. Сама духовность это лишь ещё один инструмент отрицания, наиболее эффективный из всех, вот почему поиск истины является величайшим провалом в истории человечества.

Вот простой тест. Если это умиротворяет и утешает, если это даёт вам ощущение тепла и уюта, если это приводит вас в приятные эмоциональные и ментальные состояния, если это покой, любовь, мир, тишина или блаженство, если это принесёт вам более светлое будущее или лучшее завтра, если это даёт вам хорошее ощущение себя или повышает вашу самооценку, говорит вам, что вы окей, говорит вам, что всё хорошо так, как оно есть, если это предполагает усовершенствовать, возвысить себя или принести вам пользу, или если это предполагает, что кто-то лучше или выше вас, если это вера, или убеждение или поклонение, если это повышает или изменяет сознание, если это помогает бороться со стрессом или углубляет расслабленность, или если это направлено на терапию или исцеление, или если это обещает счастье или избавление от несчастья, если это что-либо из этих простых вещей, тогда это не пробуждение. Тогда это жизнь во сне, а не сокрушительный выход из него.

С другой стороны, если вы чувствуете так, будто с вас живого снимают кожу, как будто вас долго-долго потрошат, если вы чувствуете, что ваша личность распутывается, если вас скручивает физически, истощается ваше здоровье и терпит крушение ваша жизнь, если вы чувствуете что внутри вас умирает любовь, если кажется, что умереть было бы лучше, тогда, возможно, это процесс пробуждения. Либо у вас несварение желудка.

Дзен и искусство само-увечья

Это сокращённое письмо, написанное Джедом МакКенной в ответ человеку, назвавшему себя "серьёзным искателем", который сделал страстное предложение передать ему всё своё имущество и самого себя в обмен на принятие в ученики.

Дорогой Уильям.

В вашем уравнении не нужно прибавлять меня, нужно вычесть вас. Начните с перепроверки своих предположений. Из вашего письма я понял, что вы серьёзный человек, серьёзный искатель. Это первое предположение, которое вам захочется подвергнуть сомнению. Вы уверены, что вы – серьёзный искатель, и вы полагаете, что я думаю о вас так же, но вы ошибаетесь. Я прекрасно различаю серьёзность, и сразу узнаю игрушку в руках Майи. Вы думаете, что вы на вершине чего-то, а единственное, на вершине чего можно находиться, это Майя, и вы пригвождены ей, словно мышь огромным домом.

Я получаю множество предложений от людей, которые хотят быть рядом со мной. Возможно, каждый человек с репутацией специалиста по духовным вопросам получает подобные предложения, я не знаю. Люди хотят бросить всё – имущество, деньги, даже саму свою жизнь. Они не знают, что с ними делать, и я полагаю, они воображают, что можно всё это вывалить на кого-то, кто кажется более компетентным, как мать, оставляющая своё дитя у порога богача. Это может показаться высшим жертвоприношением, великим актом самоотверженности, но на самом деле это последний окоп потерявшего голову страха, это эго укрепляет свою хватку на десятилетия вперёд.

Однако, ваш поступок предполагает, что вы в неприятном положении. Вам повезло. Всегда лучше быть в таком положении. Испытывать подобный дискомфорт означает скорое начало движения. Это хорошо. Эта мотивация движет путешествием пробуждения, состоящим из серии шагов, предпринимаемых не добровольно, но вынуждаемых такого рода дискомфортом, заставившим вас написать мне. Мотивация вашего письма хороша, но бросаться ко мне это не выход. Что я буду с вами делать? Какую инструкцию я вам могу дать?

Может быть, я скажу вам отрезать по унции* от своего тела каждый день до тех пор, пока вы не сможете ответить на вопрос "Что есть истина?". Это быстро сфокусировало бы ваше внимание – под вами бы загорелся огонь. Если бы вам пришлось отрезать по унции от тела каждый день, как вы думаете, сколько времени вы бы тратили на медитацию? На посещение сатсангов или на чтение последних духовных бестселлеров? Не очень-то много. Очень скоро вы бы стали машиной по просветлению. Сон и еда уменьшились бы до самого минимума. Отношения и деятельность, считавшиеся когда-то важными, были бы совсем заброшены. Вас охватила бы жгучая мания достижения одной цели. И вскоре любой вопрос, кроме "Что есть истина?", стал казаться бы вам до смешного неуместным. Вот ваш новый дзен – дзен для нового тысячелетия. Было бы интересно увидеть, сколько песочных садов и книг с афоризмами продавалось бы при таком подходе.

*1 унция = 30г; 1 фунт = 450г

Что есть истина? Вот единственный коан, который когда-либо кому-либо был нужен. Каждый день, когда вы не ответили на вопрос – ещё унция. Потратьте минуту и подумайте, что это могло бы значить: каждый день в определённое время садиться со скальпелем и ампутировать унцию своего тела. Вам пришлось бы быстро научиться как спрашивать и получать ответы, как работает процесс и как не работает, как его поддерживать и не мешать ему. Вам пришлось бы научиться разучиваться, и для этого вам потребовалось бы огромное количество ресурсов. Вы бы отказались от умных духовных концепций ради голых фактов, от красивых восточных фраз ради точных научных терминов. Это процесс ясного видения, не просто попадание пальцем в небо. Ясное видение требует времени и ресурсов, и ум должен практически беспрестанно работать на уровнях, далеко выходящих за пределы повседневных.

Сработает ли это? Ну, скажем, сработало. Скажем, сработало за 500 дней. И вот, вы, отрезав себе более 30 фунтов, реализовали истину. Теперь вы знаете напрямую, сами, без малейшей возможности ошибиться, истину. Вы свободны от иллюзии, пробуждены от сна. Вы вступили в ряды духовно просветлённых. Вы смотрите на свои руки и ноги с отрезанными пальцами, на безносое лицо, безухую голову, и что вы скажете? А вот что вы скажете:

"Да, это было довольно глупо".

Я рад сообщить вам это с самого начала. Пробуждение это довольно глупо. В нём нет смысла. Оно не просто бессмысленно, оно сама бессмысленность. Кто совершил бы подобное? Только тот, кто абсолютно не мог этого не сделать. Когда вы станете человеком, который не может *не* сделать этого, тогда будет совсем другое дело, но пытаться делать это до того, как вы будете абсолютно должны, так же нелепо, как отрезать части своего тела.

Каким бы варварским и немыслимым не показался бы вам метод "по унции в день", могу вас заверить, что все, кто когда-либо пробудился от иллюзии царства сна, были одержимы в равной степени невыносимыми ментальными и эмоциональными силами. (Подумайте об этом в следующий раз, когда какой-нибудь поп-гуру будет рассказывать о моменте своего чудесного озарения: "Я гулял по парку, смеялись дети, пели птицы, как вдруг...")

Вот где необходим процесс духовного автолизиса. Духовный автолизис в конечном счёте касается ясного видения, видения того, что есть, а это происходит тогда, когда мы перестаём видеть то, чего нет. Мы можем использовать его, чтобы поднять обычные силы ума до экстраординарного уровня, чтобы увидеть жизнь, мир и самих себя такими, какие они есть на самом деле. Многие люди могут построить ядерный реактор, написать симфонию, завоевать народы, прооперировать мозг, но очень немногие могут видеть то, что есть.

В своём письме вы упоминали слова Алана Уотса о том, что мы это отверстия, через которые вселенная видит и переживает саму себя. Было бы более полезно сказать, что мы это плохо отшлифованные линзы, через которые вселенная, или "я"-вселенная, наблюдает себя, через которые недифференцированное создаёт иллюзию дифференцированности. Интересно поиграть с этой идеей. "Я" это искажение, намеренное искажение. Точный вариант искажения

линзы создаёт точный вариант индивидуальности, "я" это самое искажение. Все свойства личности, если понимать их таким образом, это изъяны, дефекты линзы, существующей для того, чтобы быть несовершенной. Иначе несовершенств не существует, поэтому было создано искусственное несовершенство – эго. Ищущий может жаждать стать совершенной линзой, но, разумеется, совершенная линза это не-линза – нет ни несовершенства, ни линзы; лишь то, что есть. Ваши несовершенства являются не только тем, кто или что вы есть, но *почему* вы есть. Конечность и несовершенство линзы являются причинами существования линзы. Исчезновение линзы означает, что вселенная перестаёт быть наблюдаемой, так что же мы совершаем этим актом? Кому это нужно? Кому выгодно? Всё это подкрепляет моё раннее утверждение, что пробуждение бессмысленно – обмен отделённого "я" на интегрированное "не-я", конечного бытия на бесконечное небытие – и можно сказать, что совершенство не недостижимо, но оно неизбежно. Совершенство есть то, что есть. Нет ничего другого. Поистине, нет такой вещи как несовершенство. Смысл конечных и несовершенных линз в том, чтобы создавать искусственные области конечности и несовершенства, в которых возможна игра.

(В письме искателя приводится цитата индийского мудреца для подкрепления аргумента, а затем письмо продолжается так, как будто эти слова являются доказанным фактом).

Не размахивайте передо мной мёртвыми людьми, как могущественными союзниками. Вам это не поможет. Они не смогут вступить в бой. Если вы сами не можете привести довод, вы не сможете призвать мертвеца, чтобы он сделал это за вас. Это ложный аргумент, называющийся *ipse dixit*: "Он сам сказал". В юриспруденции это называют "свидетельство усопшего" и это недопустимо. Вы не можете передать полномочия призраку. Вы заимствуете авторитет у того, с кем нельзя поспорить не в силу его заслуг, а по причине его отсутствия. Ваш аргумент неопровержим, потому что человек, приведший его, недоступен. В говорите, что если бы он был здесь, то он мог бы привести этот довод, но его здесь нет. Вы можете заимствовать слова, идеи и цитаты у ушедших насовсем, чтобы проиллюстрировать свою мысль, но если это ваша мысль, ваша проблема, то вы сами должны приводить аргумент.

В любом случае, даже если бы он был здесь, он не смог бы привести свой довод. Я знаком с возлюбленным учителем, о котором вы говорите. Обещаю вам, что если бы он был здесь, я искромсал бы его в мелкий винегрет, поглаживая живот и почёсывая затылок. Никаких усилий не потребовалось бы. Никакого спора. Вы могли бы сделать то же самое через сутки, если бы перестали лениться и начали думать самостоятельно.

Ваша духовность это ещё одна фальшивая одежда, ещё один слой лжи "я". Ваша духовность определяет размеры вашей камеры, и тот факт, что вы не замечаете этого, говорит о том, что вы не имеете представления о том, где вы и по чьим правилам живёте. Вы не осознаёте своё истинное положение, природу своего статуса пленника. Вы отчаянно цепляетесь за свою ложь, защищая её эмоциональной энергией. Почему? Потому что эта ложь – вы. Она это то, кем вы являетесь. Не вы содержитесь несовершенство, вы *есть* несовершенство. Спросите себя, зачем вы вообще мне написали? В чём смысл? Ничто из того, что я говорю, для вас не ново. Однако, вот, вы пишете страстные письма ко мне, пытаясь вновь поставить свою ложь на ноги. Если вам нравится ваша ложь, что ж, прекрасно, но вы не сможете сделать её правдой силой своего убеждения. То, кем вы являетесь – ложь, это факт. Вы – вымышленный персонаж, с удивлением отрицающий это. То, что вам кажется вашей уникальностью, на самом деле не более чем ряд случайно установленных поворотных тумблеров, а особые свойства, которые вы называете "собой", не несут в себе ничего более особенного, чем различия между двумя снежинками в бесконечной снежной буре.

Серьёзный человек должен всегда помнить, где он и кто управляет шоу. Это дом Майи. Она контролирует всё. Она имеет все преимущества. Мы – пациенты дурдома Майи, и любая инструкция сидеть смирно и успокоить ум исходит напрямую от неё. Тишина и покой это антитезы процесса пробуждения, и тот, кто защищает мир, сострадание и спокойный ум, лишь перепродаёт свои дозы предпочитаемого сна. Есть даже такие популярные духовные учителя и

авторы, которые увещевают ничего не делать вообще, они говорят, что само усилие это проблема, что неудовлетворённость, движущая духовным поиском, это единственная вещь, которая стоит между нами и целью поиска. Не удивительно, что подобные заявления популярны. Разве могут быть сомнения, от кого в действительности они поступают? В своём письме вы указали, что верите в важность линии преемственности учителя, так вот, есть единственная истинная линия преемственности – Майя. Если вы желаете понять линию преемственности любого духовного учителя, вам нужно просто представить его марионеткой, свисающей на ниточках, которых он не осознаёт, разглагольствующей о свободе воли, а над ним всё контролирующая рука Майи.

Даже когда вы пишете мне письмо, а я пишу вам, мы растворяемся в бочке с едким химическим веществом под названием кислород. Мы генетически запрограммированы на самоуничтожение. Наши жизни глотает время, и каждый вздох может стать последним. Неизбежный факт в том, что мы все практикуем Новый Дзен, который я описал выше. Каждый день мы теряем унцию, грам, или фунт, и однажды – *пуфф!* – исчезнем, словно нас никогда и не было. Есть только один коан, и для всех он один и тот же:

Что есть истина?

Ваш и т. д.

Маннахатта*

*индейское название Манхэттена

*Мне было интересно, что есть особенного и прекрасного в моём городе,
и вот, глядь! всплыло его исконное имя!*

– Уолт Уитмен, "Маннахатта" –

Я слишком люблю Манхэттен, чтобы поселиться в нём. Самое большее, я могу лишь пожить там несколько месяцев. Именно этим я теперь и занимался. Сейчас лето 2001 года. Башни-близнецы ещё стоят, но уже ненадолго. Первая книга, "Духовное просветление – прескверная штука", уже написана, но ещё не издана.

Последние несколько месяцев я провёл в доме с собакой в Пуэрто Рико. Решив отправиться в Манхэттен, я позвонил своей сестре, которая здесь живёт, и договорился на счёт обеда. После чего она сообщила мне, что на верхнем этаже в микрорайоне Трайбека сдаются апартаменты на три месяца, если мне нужно место. Она сказала, что её друзья, которые владеют квартирой, отчаянно ищут жильца, потому что сделка через агентство в последний момент провалилась, но они всё равно поедут в путешествие.

– Хорошо, – сказал я ей. – Я позвоню Родни и попрошу всё уладить.

– Ты не хочешь сперва взглянуть?

– Ты же говоришь, всё в порядке, не так ли?

– Да, но...

– Значит, всё нормально. Увидимся за обедом на следующей неделе.

Вот яркая иллюстрация двух абсолютно несравнимых способов действия в мире: недоверие отделённого "я", и доверие интегрированного "я". Моя сестра осмотрела бы квартиру, поторговалась, может быть, пригласила экспертов проверить то и это, нашла бы альтернативу, чтобы сохранить за собой право выбора, отдала бы залог третьему лицу и наняла бы адвоката, чтобы заверить аренду. Она может называть владельцев своими друзьями, но, как она, вероятно, скажет, бизнес есть бизнес. Это самая фальшивая экономия, потому что единственное, что она экономит, это деньги, теряя при этом своё здоровье, жизненные силы, со всеми этими ужасными, основанными на страхе расчётами и манёврами. Разумеется, всё это касается не столько денег, сколько её имиджа.

Так она не только снимала бы квартиру, так она делает практически всё. Она живёт во вселенной, где в любой ситуации могут случиться тысячи плохих вещей. Она находится в состоянии постоянной бдительности. Она проводит жизнь, представляя себе, что может пойти не так, и обеспечивая, чтобы этого не случилось. Для неё вселенная это враждебное место, в котором, хотя она бы так никогда не сказала, она совсем чужая и не имеет ни прав, ни возможностей. Хотя это не совсем так. Фактически, почти все признают мою сестру яркой, привлекательной и очень успешной женщиной. То, что я сейчас о ней сказал, так же верно для многих других людей. Этот способ действия видится мне как злокачественная опухоль системы – рак жизни – но возможно, он кажется нормальным и приемлемым многим людям, может, даже большинству. Не абсолютно явный страх, но больше тупой ужас, просачивается наружу из центра во все уголки человеческого бытия. Когда живёшь так, это кажется нормальным. Освободившись, не можешь поверить, что когда-то так жил.

Для меня это самая простая вещь на свете. Я собираюсь приехать в город, снимаю трубку и нахожу место для проживания прежде, чем мне даже в голову придёт, что надо найти место для проживания. Я получаю то, что мне нужно, до того, как я узнаю, что мне это нужно, и лучше, чем я мог бы представить. Я никогда не принимаю такое безуспешное функционирование как должное, поэтому по многу раз в день меня пропитывает глубокое и искреннее чувство благодарности. Я достиг такого гладкого течения жизни в основном благодаря почтительности и наблюдению, как всё работает, и благодаря тому, что держался подальше от своего маленького, боязливого, пресмыкающегося ума. У меня нет сильных искажений в ментальном и эмоциональном багаже, который я таскаю с собой, поэтому, полагаю, это позволяет всему работать как надо – гладко и легко.

Может быть, я простофиля? Лопух? Вовсе нет. Если дела пойдут плохо, или хозяева квартиры несправедливо удержат мой залог, или случится что-то неправильное, что может случиться в подобного рода обстоятельствах, то я сделаю ещё один телефонный звонок. Я натравлю на них адвоката-питбуля с инструкциями вызвать сожаления. А может, я просто пожму плечами и забуду на это дело. Я никогда не знаю, как я буду действовать, до тех пор, пока это не произойдёт, поскольку у меня нет множества правил или руководств, где написано, как себя вести, или, может быть, только одно: терпение, дыхание, ожидание, позволение вещам войти в своё русло и тенденциям проясниться.

Я хочу сказать, что я не обязательно добросердечный человек. Я могу быть совершенным мудаком, по крайней мере теоретически, но должен сказать, этому не бывает так уж много причин. Я не думаю о таких вещах – сделки рушатся, люди предают друг друга, адвокаты-питбули – и они не появляются в моей реальности. В этом не было бы смысла, так как меня это ничему бы не научило. Поэтому, когда я позвонил сестре, и она сказала, что знает место, я уже всё о нём знал. Я знал, что оно будет идеальным, что с владельцами мы легко поладим, что оно будет в лучшем районе, чем я бы мог выбрать сам, и что из этого выйдет куча всего хорошего, не потому что я всё так организовал своим шикарным умишкой, но потому что я этого не делал. А если окажется, что после хорошего начала всё провалится, я не буду думать, что что-то не сработало, но что в работе нечто большее и лучшее.

У меня нет правила, которое делало бы меня хорошим парнем. У меня вообще нет правил. Правила это способ определить себя, прочертить воображаемые границы. Такие границы искусственны и легко стираются. Наши самые сильные убеждения могут стереться как слой макияжа в момент трансценденции или катаклизма, или просто небольшим изменением химии мозга. Мораль, этика – у меня их нет. Сейчас я хороший парень. Если ситуация изменится, изменюсь и я. Я бы мог страстно заявить, что я никогда, ни при каких обстоятельствах, не причиню вреда другому, но события могут развернуться таким образом, что сегодня мне придётся столкнуть под поезд детей. Я сомневаюсь в этом и надеюсь, этого не случится, но всё возможно. Да, это невообразимо, но это не значит невозможно. Невообразимые вещи происходят постоянно.

У меня свой способ действия в этом мире, и он не имеет ничего общего с правилами – ни моими, ни чьими-либо ещё. Это доверие, тенденции, отсутствие искусственных границ. Если те

бедные дети должны попасть под несущийся локомотив, и этот факт станет мне ясен так, как мне становятся ясными факты, значит потребуются команда чистильщиков с сильными желудками и множеством пакетиков.

Можно было бы подумать, что я могу с уверенностью сказать, что ничего столь ужасного никогда не может случиться, и я много бы поставил против этого, но нельзя быть уверенным. Ужасные вещи *происходят*. Объективный наблюдатель человечества мог бы заметить, что ужасные вещи ближе к норме, чем хорошие, радостные вещи. Зачем же притворяться, что это не так? Страдания и ужас являются частью жизни в царстве сна, немалой частью. Нет, конечно я не думаю, что вселенная сегодня заставит меня столкнуть детей под поезд. Но это избавляет *меня* от неприятностей, а не детей. Вселенная, вероятно, не воспользуется моими руками для этого, но она всё равно столкнёт тех детей.

Не хочу сказать, что любой может достичь высшего мастерства в искусстве и науке воплощения желаний – знаю, я сам не достиг – но могу предположить, что почти каждый, не зависимо от его ситуации, имеет большие возможности к развитию. Понимаю, что существуют влияющие факторы – пол, род, место, здоровье, благосостояние, карма, дхарма, удача и много других, которые могут сыграть решающую роль в степени, до которой человек может реально надеяться подняться, переопределить или разопределить себя, но я так же понимаю, что большинство людей таскают с собой много всякого ненужного хлама, который служит лишь для того, чтобы ограничить их потенциал к развитию.

Некоторые люди, поиграв с воплощением желаний, отказываются от него, когда оно перестаёт для них работать. Они хотят миллион долларов или нечто столь же незрелое, и если это не появляется, они начинают думать, что выдавали желаемое за действительное. Существуют правильные желания, и существуют желания страха, и миллион долларов это желание страха. Правильное желание подлинно и представляет собой истинное раскрытие уникального характера человека. И это очень важно. Открыть в себе правильные желания, значит перестать быть тем, кем вы не являетесь.

Прежде чем продолжить, должен сделать ещё одно замечание: ничто из того, о чём я говорю, будь то реализация истины, или наши истинные взаимоотношения со вселенной, не является ничем иным, как нашим естественным, принадлежащим нам по праву, непреложным качеством. Это не то, чему мы должны пойти и научиться, или заработать, или завоевать, это просто то, что в нас есть. Дзен мастер, написавший в качестве своей эпиграфии "Всю свою жизнь я продавал воду возле реки. Ха! Какая шутка!", имел в виду именно это. Это естественно. Это то, что есть. Реальность выходит за пределы наших самых необузданных мечтаний, и она может быть вашей, потому что она уже ваша. Единственное, что этому мешает, это вы.

Итак, я снял апартаменты на три месяца с намерением немного окунуться в высокую культуру – театры, музеи, библиотеки, хорошие рестораны. Я очень люблю делать всё это в одиночестве. Всё вышло не совсем так, как было запланировано, но другие, лучшие вещи получились очень неплохо, так что я был доволен. Это происходило за несколько месяцев до атаки на Всемирный Торговый Центр, поэтому ещё присутствовала атмосфера нормальности. Квартира в действительности была отремонтированным магазином – много шлифованного кирпича, ржавого железа и больших деревянных балок. Внутри было очень просторно, спальни и ванны были отгорожены, а всё остальное – кухня, столовая, официальные и неофициальные жилые площади – в общем пространстве. Винтовая лестница вела на огороженный перилами верхний уровень с одного края, где владельцы держали книги и небольшой домашний офис. Из больших индустриальных окон видно было немного, обстановка на мой вкус была в слишком продуманном стиле, но всё равно это было очень хорошее жильё.

Примерно в это же время я получил электронное письмо от Джолин, которая уже увидела себя в предварительном издании "Прескверной штуки". Она хотела увидеть меня, поговорить со мной. У неё накопилось достаточно денег, чтобы совершить такое путешествие, и она хотела приехать на несколько дней, даже если, сказала она, будет возможность провести со мной лишь

несколько минут. Я написал в ответ, что вместо этого лучше купить рюкзак и билет EuRail* и провести лето, катаясь по Европе. Идея ей понравилась, и она сказала, что попробует осуществить её, но сперва она всё равно хотела бы повидать меня.

*единый европейский железнодорожный билет

Я согласился, и после небольшой переписки её план начал обретать черты. Примерно за неделю или около того до своего визита она позвонила, чтобы сообщить номер рейса и время прибытия, только она ещё не нашла место, где остановиться. Не подумав, я сказал, что в моих апартаментах много комнат, и что она сможет остановиться здесь, пока будет в городе. Через долю секунды мой ум догнал язык.

– погоди минутку, – сказал я. Прикрыв микрофон одной рукой, другой я потёр висок медленными круговыми (что чёрт возьми я сейчас сделал?) движениями.

– Мне нужно поговорить с твоим отцом, – сказал я. – Он там?

– Да, – сказала она нерешительно.

– Ты всё честно рассказала об этой поездке? Никаких сложностей?

– Нет, они знают, что я делаю.

– Хорошо, позови отца.

– Окей, – сказала она с беспокойством, – но не говорите ему, ну, знаете, ничего важного.

– Я понял. Пригласи его.

Спустя несколько мгновений её отец появился на другом конце провода. Я представился, и мы стали говорить в учтивой манере "мистер такой-то". У него было некоторое представление о том, кто я такой.

– Жожо довольно часто говорит о вас, мистер МакКенна, – сказал он, похоже, не очень-то этим довольный. Я сказал, что мне показалось хорошей идеей нам с ним поговорить, чтобы я смог представиться и заверить его, что буду присматривать за его дочерью, пока она будет в городе. Я болезненно осознавал, что всё, что я говорил, звучало неверно, как будто невинный человек пытается выглядеть виновным, но ничего нельзя было поделать.

Конечно, в разговоре с её отцом не было острой необходимости. Джолин была достаточно взрослой, чтобы делать, что ей захочется, но дело было не в этом. Смысл был в том, чтобы предупредить неприятности, прежде чем они начнутся. Однако, я был благодарен, можно сказать, той ошибке, которая побудила меня поговорить с ним, так как теперь я осознал, что, наверное, в любом случае должен был бы это сделать, хоть и пока не думал об этом. Видимо, ему нравилось, что я говорил, но он всё ещё остерегался. Возможно, он немного расслабился, услышав, что тот тип, который заманил его дочь в какой-то сумасшедший культ, говорил довольно разумно и ответственно. Просто предположение.

– Мы сейчас говорили с Джолин, и боюсь, я сделал небольшую ошибку.

В ответ он лишь хмыкнул.

– Я предложил ей остановиться у меня, когда она будет в городе. Здесь много свободных комнат, и это решение кажется самым безопасным и благоразумным, но, разумеется, я тут же представил себе, что это может выглядеть, ну, немного неправильно. И я решил обсудить это с вами.

На другом конце телефона раздался ещё один низкий звук, но я хотел закончить свою часть прежде, чем он начнёт свою, поэтому я поднажал. Конечно, было бы легче просто взять назад первоначальное предложение, но, отбросив в сторону приличия, было бы намного лучше, если бы Джолин остановилась у меня, и, после секунды размышлений, я понял, что единственными приличиями, о которых следовало беспокоиться, были её родители. У меня нет репутации, чтобы её защищать, а если бы и была, это, вероятно, лишь придало бы ей пикантности. Репутация Джолин должна быть в безопасности, так как она не хвастунишка и те, кто её знает, никогда не поверят ни во что непристойное насчёт неё.

– Ситуация в точности такова, как, я уверен, Джолин вам объясняла. Во всём этом нет ничего, ээ, – я подыскивал слово, в итоге используя самое глупое, – романтического. В любом

случае, я не должен был делать подобное предложение, и я конечно же учту любые ваши пожелания на этот счёт.

Он не ответил, поэтому я продолжил, удивляясь, как я мог поставить себя в такое дурацкое положение.

– Я мог бы помочь найти ей гостиницу, или хороший мотель, или может, кто-нибудь из членов семьи мог бы её сопровождать и тоже остановиться у меня. Что бы вы ни...

Теперь заговорил он.

– Вы спрашиваете меня...?

Я прервал его. Я точно знаю, что он имеет в виду, потому что именно так выглядит ситуация и для меня тоже – как скрытая просьба ухаживать за его дочерью, или спасти его от благословения её на что-то непонятное. Я закатил глаза и потащил ляжку дальше.

– Я просто объясняю вам ситуацию. Мы сделаем так, как вы скажете. Я сделал это предложение вашей дочери из дружбы и участия. У меня здесь полно места, а в городе может быть довольно непросто.

Глупо. Абсолютная глупость во всех отношениях. Но такова ситуация, и я не стал пинать себя слишком сильно. Мы ещё немного поговорили. Он немного подумал и решил, что всё в порядке, его дочь немного сумасбродна, но она хорошая девочка, и если мы собираемся делать что-либо неподобающее, то всё равно его мнение о том, что такое обустройство проживания, не будет иметь значения, и что ему и его жене было бы легче знать, что Жожо не будет совершенно одна в большом городе. Он поблагодарил меня немного равнодушно, и на этом мы распрощались.

Ёк.

Путешествие к шаману

Я мог либо встретить Джолин в аэропорту, либо послать за ней машину, чтобы шофёр встречал её, держа в руках табличку с её именем. Вероятно, её бы это шокировало. Но дело в том, и это очень важное дело, что путешествие к шаману является такой же частью шаманского опыта, как и сам визит. Я не шаман, конечно, но это изречение здесь полностью уместно. Эта девчонка прошла через всё, что требовалось молодой селянке с кукурузных полей, чтобы найти меня, наскрести немного денег, оторваться от семьи, от дома и полететь в один из самых устрашающих городских центров – короче, пуститься в великое путешествие. Зуд в голове должен был превратиться в мучение, чтобы вынудить её в подобное предприятие, и я не собираюсь умалять его, протащив её последние несколько футов. Моя часть начнётся с того, что я впущу её в дом.

Это не должно быть легко.

Возвращаясь из дома искусств, где давали "Зимнего гостя", я нашёл её спящей головой на своём рюкзаке возле двери лифта. Я не хотел её будить, и не мог бесшумно пройти мимо, но мне так же не хотелось стоять и смотреть, как слюна тонкой струйкой стекает по застёжке бокового кармана. Дилемма разрешилась сама собой, когда она приоткрыла один глаз, а потом и второй.

– О, привет! – завизжала она, резко поднялась, вытерла губы и заключила меня в объятия. – Привет привет привет привет привет!

Я поприветствовал её в ответ и, освободившись из объятий, спросил с добродушной заботой, добралась ли она живой и здоровой, что, очевидно, так и было.

Мы разместили её во второй спальне. Я дал ей запасной набор ключей, и мы пошли прогуляться по окрестностям. Найдя один прелестный средиземноморский ресторанчик, мы обсуждали её планы за оливками, греческим сыром, ягнятиной и рисом, не касаясь тем, которые она называла "важными". Для этого ещё будет время. Она хотела сделать кое-что ещё, пока она здесь, чего мы тоже на касались, но могу сказать, что она собиралась немного осмотреть город. Снаружи она выглядела радостной и оживлённой, но внутри, что даже такой ненаблюдательный наблюдатель, как я, мог заметить, она думала о чём-то серьёзном. Мне доставляет особое

удовольствие находиться рядом с людьми в таком состоянии ума, потому что это означает, что они имеют дело с серьёзными вещами, но спешки никакой не было, поэтому я старался вести лёгкую и весёлую беседу и помочь ей расслабиться.

Смерть швейцарцам

На следующее утро она встала поздно. Я знал, что она привезла с собой кучу книг и папку распечаток из интернета, и что она работала над чтением и писанием, чтобы прийти к какому-то решению, и возможно по этой причине легла после полуночи. Я усадил её за приподнятую барную стойку, которая была частью кухонного острова, налил ей немного сока и стал готовить омлет.

Пока мы играли в персонажей съёмщиков квартиры в декорациях домашнего быта, Джолин начала говорить о "важном". Она стала рассказывать мне о своих взглядах на буддизм. Послушав её несколько минут, мне стало ясно, что она уговаривает себя на буддизм, пытаясь уговорить меня. Из того, с каким рвением она пыталась меня уговорить, было так же понятно, что есть какие-то скрытые вещи, которые ещё не разрешились для неё ясностью. Она говорила так, что можно было предположить, что на самом деле она пытается убедить себя в чём-то, что она знает лучше, чем пытается поверить. Так работает отчаяние: испуганное сердце хочет взять верх над сомневающимся умом. Страх омрачает разум и даёт усилиться вере.

Я ничего не отвечал. Закончив с омлетом, я поставил его перед ней, позволяя ей продолжать. Она начала с того, что жизнь есть страдание, но этим трудно добиться успеха, если ты никогда не испытывал голода или физического недуга, более сильного, чем прыщ. Затем она коротко коснулась темы бодхисаттвы, что нельзя останавливаться, пока не освободятся все живые существа – это заставило нас чуть скривиться; потом несколько похвальных слов о внимательности и спокойствии, и в конце она заговорила о сострадании. Я мог бы сказать ей, что сострадание это лишь ещё один способ благополучно удерживать наше внимание вовне, вместо того, чтобы направить его уничтожающе внутрь, но если я не буду перебивать, уверен, она услышит те же диссонирующие нотки в своих словах, которые слышу я, и сможет разувериться в том, в чём пытается себя убедить. Может, она и хочет, чтобы я слушал её, но ей вовсе не нужно, чтобы я отвечал. Буддизм попался ей на пути в её путешествии по кругу, и если я не буду перебивать процесс, она вскоре снова окажется на дороге, разочарованная, но готовая продолжать путь.

Постепенно она сбавила обороты и стала ковыряться в омлете.

– Джолин, представь, что на этом столе большая красная кнопка, окей?

– Окей, – сказала она, оживившись новой игрой.

– Если ты нажмёшь её, погибнут все жители Швейцарии.

Она сдержанно улыбнулась, прикусив губу.

– Окей, – сказала она настороженно.

– Никто никогда не узнает, что ты нажала её. Тебя никогда не обвинят и ты никогда не будешь связана со смертью миллионов милых швейцарцев.

– Да? И что?

– Почему её не нажать?

Лицо её прояснилось, и она начала было немедленно отвечать, но потом помрачнела и закусила нижнюю губу, сдерживая ответ. Это типа одного из тех дурацких вопросов о морали, которые вам задают в седьмом классе – совратишь ли ты друга обворовать магазин? – только я не пытаюсь научить Джолин морали, я пытаюсь помочь ей пройти её.

Она ищет безопасного рая, и надеется найти его в буддизме, но какая-то часть её осознаёт, что это ложь. Вот то, что вам не говорят о сострадании, возможно потому, что сами не знают: сострадание не имеет ничего общего с пробуждением. Они никак не связаны. Сострадание прекрасно и против него трудно противостоять, но между ними нет абсолютно никакой связи. Золотое Правило Сострадания: Делай для Других. Золотое Правило Пробуждения: Думай за Себя. Нет такой вещи как сострадательный Будда. Если вы сострадаете до пробуждения, этот

импульс указывает на ту область, где нечто ложное требует немедленного уничтожения. Если вы страдаете после пробуждения, вы не пробуждены. Если вы надеетесь, что состояние пробуждения будет включать сострадание, то возможно, буддизм окажется хорошим местом, чтобы убивать время.

Я наблюдал за Джолин. Я не знаю много о человеческих существах, но я мог видеть, что происходило в её голове. Сначала она подумала, что этот вопрос имеет какое-то отношение к тому, ради чего она приехала сюда, даже хотя она не сказала мне об этом, да и сама могла быть в этом не уверена. Затем она начала умом прокручивать очевидные ответы – они невинные люди, это просто вообще неправильно, я сгнию в аду и т.д. – не останавливаясь ни на одном. После этого она должна была просмотреть менее очевидные ответы – кармический дисбаланс, дестабилизация в Европе, безлюдные Альпы – и в конце, не найдя ни одного, если я ничего не упускаю, она стала перепроверять очевидные. Вид у неё был очень расстроенный из-за своей неспособности дать простой ответ на простой вопрос.

Причиной для выбора буддизма является лучшее понимание Майи – это её сфера. Мы все купились на идею, что чтобы пробудиться, необходим посредник, ходатай, но единственный посредник это Майя. Убей ходатая. Убей учителя. Убей Будду. Сделай это сам. У тебя есть глаза, мозги, вычисляй сам, смотри сам. Это не один из путей, это *единственный* путь. Вот почему я принял меры, чтобы никто ко мне не привязался, не назначил меня личным спасителем, не вклинил меня между собой и реальностью. Это наша естественная склонность в этих полных опасностей водах – достать, ухватиться за что-нибудь, пристроиться, вставить между собой и угрозой вечного небытия, которая прячется прямо под поверхностью. Мы хотим утвердить иллюзию, что мы не совершенно одни в бескрайнем море, но, разумеется, это именно то, как обстоят дела.

И здесь нет никаких "мы".

– Я бы чувствовала себя ужасно, – наконец произнесла Джолин больше вопросительно, чем утвердительно. Я придирчиво посмотрел на неё, она скорчилась и вернулась к работе. На все её ответы я достаивал её придирчивым взглядом. Мне не нужен был её ответ, я лишь хотел, чтобы она подумала над этим. Я хотел, чтобы она построже присмотрелась к очевидным ответам. Что может быть более очевидным, чем причина не нажимать кнопку, убив миллионы ни в чём не повинных людей?

И однако...

– Почему я должна *нажимать* на кнопку? – спросила Джолин. – Может быть, это лучший вопрос. Мне не нужна причина, чтобы *не* нажимать на кнопку, так как у меня нет причин *нажимать* её. Я просто буду жить, как будто нет никакой кнопки. Или, может, *нет* причины не нажимать её. Вы это хотите сказать? Блин. Я нажму на кнопку, да?

– Всё это отговорки, – ответил я. – Всё это не является ответом на вопрос – почему *не* нажать кнопку?

– Не знаю, – сказала она. – Почему нет?

– Будь я проклят, если знаю.

Она хлопнула кулаком по воображаемой кнопке и улыбнулась такой озорной улыбкой, будто только что сделала что-то действительно гадкое.

– Ну, вот, – сказал я с печалью, – нет больше йодля.

– Никогда он мне не нравился, – произнесла она сквозь огромную белозубую улыбку.

Спустя несколько дней наш быт вошёл в привычное русло, и мы стали видеться только мимоходом, либо раз или два в день за едой, обычно вне дома, на расстоянии пешей прогулки или короткой поездки на такси. Джолин тратила своё время гораздо более плодотворно, чем просто околачиваться возле старого немодного меня – она выходила наружу и налаживала связи. Устроившись здесь на целую неделю, она при помощи интернета выяснила, куда бы ей хотелось сходить, включая некоторые храмы, восточные и ньюэйджевские книжные магазины, и по крайней мере одно мистическое кафе. Её прогулки начинались с этих отправных точек. Она говорила с людьми и следовала указаниям. С метро она не слишком ладила, поэтому

выбрасывала кучу денег на такси, петляя по районам города скорее без всякой системы и определённо дорого.

Она не держала меня в курсе своей деятельности, но могу себе представить. Если она посещала храмы и разговаривала с монахами и монахинями, поначалу они могли принять её за умненькую туристку, приехавшую в большой город из сельской местности, но потом они могли обнаружить нечто неожиданное. Они могли обнаружить, что хорошенькая маленькая девяностовосьмифунтовая Джолин голодна. Ей не нужна экскурсия или брошюра. Ей нужны конкретные ответы на конкретные вопросы. Если ей не удастся вытянуть их из нежных уст монаха, она заползёт к нему в мозг с фонариком и мотыгой, чтобы отыскать их там. Если же она не найдёт того, что ищет, монах будет выброшен, как обёртка от жвачки. Я знаю всё это, потому что я знаю что такое голод, и я знаю, что он растёт внутри Джолин. Она не ищет ни новых друзей, ни поверхностного знания, ни приятных переживаний. Она приходит в очень серьёзное расположение духа, и её аппетиты становятся очень мощными и специфическими. Не хочу сказать, что здесь происходит рождение нового вампира, но это зловеще подходящая аналогия.

Невероятность

Когда Джолин провела здесь несколько дней, я спросил её, чем она питается во время своих набегов на духовную часть города. Не удивительно, она ответила, что не многим. По возможности, она перехватывала кофе со сладостями, может, время от времени какой-нибудь салат. Я не мог вынести мысли о том, что кто-то, посетив Нью-Йорк, не попробует как следует "дели"*, поэтому я напросился на участие в сегодняшнем обеде, и мы отправились.

*дели – магазин деликатесов в Америке типа гастронома

Когда мы заходили в узенький дели, дорогу своей спиной нам преградила женщина лет около сорока, маленького роста, крепкая и строгая. Прямо в дверях она уронила на пол кожаную папку для бумаг. Я не мог обойти её и как джентльмен помочь ей поднять папку, так что нам некуда было деваться, пока она не подняла её и пошла дальше. То, что вывалилось из папки вне всяких сомнений было копией "Прескверной штуки" с чёрно-белой обложкой, какие бывают на предварительных экземплярах, вся в подчёркиваниях, до отказа забитая бумажками с заметками, перетянутая резинками. Джолин видела это так же ясно, как и я.

Мы зашли в дели. Женщина взяла номерок и стала ждать своей очереди. Я подал знак Джолин, мы развернулись и вышли. По дороге, знаю, Джолин смотрела на меня, улыбаясь открытым ртом, но я не был готов уделить внимание её изумлению, я боролся со своим.

Это было даже больше, чем слишком. Какова вероятность? Слишком астрономическая. Всего существует что-то около пятидесяти экземпляров предварительной публикации. Каковы шансы, что я, будучи в Нью-Йорке, вхожу в какое-то дели следом за какой-то женщиной так, что не могу пройти мимо, и прямо в тот самый момент, когда она роняет папку, откуда вываливается экземпляр книги, которую я только что закончил писать, обложкой кверху, чтобы я мог её узнать? Никаких. Всё это было настолько за пределами всякой вероятности, что моим первым побуждением было осмотреться в поисках скрытых камер каких-нибудь телевизионных шутников.

Я довольно хорошо сонастроен с тончайшими нюансами вселенной. Именно посредством этого тщательно развитого чувства я соотношусь с миром с безошибочной лёгкостью и доверием. Этот случай с пробным экземпляром, однако, не имеет ничего общего с нюансами. Это был оглушающий гонг, ничего тончайшего, но указывающий на что? Для какой цели? Я абсолютно не имел понятия. Это было просто огромной поразительной бессмыслицей. Событие было настолько фантастически невероятным, что я мог бы усомниться в своей памяти, если бы Джолин не видела всё так же ясно, как и я.

(Возможно, та женщина прочтёт это и вспомнит, как уронила книгу, входя в дели, и узнает теперь, что автор этой книги стоял в нескольких дюймах позади неё. Что она на это

скажет?)

Мой ум сновал туда-сюда, придумывая объяснение, но тщетно. Какой смысл в таком странном происшествии? Что я должен понять из него? Неужели вселенная просто наплевала на всякие ограничения? Это настолько чрезвычайно, нелепо, неисчислимо невероятно, что можно лишь прийти к единственному выводу, что вселенная, если вы хоть чуть-чуть с ней знакомы, это в действительности большой игривый щенок.

Я мог бы истолковать это так, что вселенная говорит мне о нашем приближении к совершенно новому способу функционирования, когда ничто не будет чересчур, ничто не будет абсурдным или фантастическим. Возможно, метафора сна – вовсе не метафора. Или может, вселенная говорит мне, что книга уже в мире, что она это живое существо со своим путём, со своей судьбой. Слишком? Не достаточно? Ни одно из этих объяснений не кажется верным, но я не могу ничего сказать. Быть может, сон разгадывается прямо у меня на глазах. Это было бы излишним, и я робко надеюсь, что это не так, но кто знает. Может быть, вселенная по каким-то своим причинам хотела, чтобы я написал об этом случае, поиграл с этими умозаключениями на бумаге. Может быть, это случилось для того, чтобы я мог рассказать, что это случилось, чтобы кто-то смог чему-то научиться, читая об этом, открыть следующую дверь. Может быть, каким-то образом это было для Джолин. Я и правда не представляю. Большинство вещей проявляются со временем, но во мне нет ничего, что могло бы навести на мысль, что если что-то для меня не имеет смысла, то это не должно иметь смысла вообще. Всё имеет смысл. На протяжении нескольких лет с момента этого инцидента со мной произошла дюжина подобных не поддающихся исчислению вероятности случаев, и я остановился на теории большого игривого щенка.

Мой дядя вампир

Лёжа на кожаной кушетке без подлокотников, я пытался установить более глубокое взаимопонимание с "Реквиемом" Моцарта, который исполнялся полным симфоническим оркестром по DVD, наполняя комнату из системы колонок звук-вокруг. Через пару недель я собираюсь на концерт, и не люблю бездумно подходить к таким вещам. У меня есть DVD, CD и некоторые книги, которые помогут мне в моём затруднении, чтобы, оказавшись на реальном представлении "Реквиема", я имел бы хотя бы базовое знакомство с тем, что выражается, кем и почему, что позволит мне расслабиться и насладиться переживанием музыки, а не упустить его, пребывая всё время в голове. Я немного знаком с "Реквиемом", но я не настоящий фанат классики, и это добавочное измерение делает всё предприятие таким приятным.

Моцарт умер, не закончив "Реквием", и существует несколько версий его окончания: мой DVD содержит версию Левина, CD – версию Мондера, но играть будут версию Зюсмайра, так что я предвкушаю интересное приключение, по крайней мере, на это надеюсь. Как потом оказалось, я себе только всё испортил – нужно было поглубже проникнуть в одну версию, вместо того, чтобы поверхностно изучать все три. Но несмотря ни на что, это было увлекательным занятием, я продолжил его, и теперь у меня есть лучшее понимание этого произведения и попыток его закончить, и с перспективы большей информированности версия Левина мне нравится больше всех.

Я надоедаю вам всем этим, чтобы объяснить, что я имею в виду, когда говорю, что приехал в Нью-Йорк, чтобы немного окунуться в искусство. Я не бегаю по музеям, не смотрю каждую пьесу или концерт или жадно поедаю дорогую еду. В этот конкретный визит я уделил внимание "Реквиему", двум спектаклям, примерно дюжине ресторанов, Клойстерс* в северном Манхэттене, и Ботаническим Садам в Бронксе. Было ещё много чего разнообразного, я ездил на неделю в Чикаго, и во всё это я старался хорошенько погрузиться, а не просто пробежаться по поверхности.

*музей искусств

Интересно? Наверное, нет, но сейчас я лежал, запрокинув голову за край кушетки, с агапе на лице, торжественная музыка заполняла всю комнату, когда вошла Джолин и ещё кто-то. Хотя я и видел всё вверх ногами, я понял, что она привела домой заблудшее дитя. Нажав кнопку паузы, я закрыл рот и неуклюже перекатился назад и вверх, приняв приблизительно вертикальное положение.

Джолин представила меня Заку. Это был высокий, тощий парень, немного за двадцать и чрезмерно ухоженный. Его тщательно подстриженные усики и островки бородки в совокупности с двумя кольцами в ушах придавали ему пиратский вид. Мне было больно думать, что только на бритьё и подстрижку волос каждое утро у него уходит целый час – столько времени я трачу на это в год. Я пожал его руку, пытаюсь не выглядеть родителем или опекуном Джолин, и сказал, чтобы они чувствовали себя как дома.

Джолин, вытащив из холодильника пару бутылок холодного чая и передав их каждому из нас, плюхнулась на диван, с которого я только что вскочил, поэтому я выключил DVD плеер и стал раздумывать, чем мне заняться дальше. Зак стоял рядом, держа свою бутылку, а я стоял и держал свою, и мне в голову пришла мысль, что вот, мы все здесь вместе, вместо того, чтобы быть вместе им, а мне уйти. Будучи неадекватным членом общества, моей обычной реакцией в подобных ситуациях бывает делать то, что мне нравится, предоставив людям обижаться, если они хотят. В данном случае это означало, что я ухожу, и я уже было двинулся к выходу, когда заговорила Джолин.

– Мы познакомились с Заком в кафе, – доложила она. Я был в курсе, что прослышав про мистически ориентированное кафе неподалёку, где собирается духовно настроенный народ, сегодня утром она пошла именно туда. Не знал, что там предлагают на вынос молодых людей вроде Зака, но это меньше всего могло меня касаться. Видя, что я не отвечаю, а лишь вяло улыбаюсь, она продолжила.

– Зак когда-нибудь станет великим духовным учителем, – сказала она. – Когда он говорил в кафе, десяток человек стояли вокруг него и слушали.

Она улыбнулась мне, сверкнув озорным огоньком в глазах, и меня это немного заинтересовало. Что она притащила в наше логово и зачем?

– Я рассказала ему про вас, – сказала она, и я почувствовал, как моя голова слегка наклонилась. Я знал, что она не рассказала ему про меня, но, полагаю, что-то она ему рассказала. – Я сказала ему, что у вас очень сильные духовные убеждения, но они идут в разрез с общепринятыми, и что вы написали книгу, а он сказал, что хотел бы когда-нибудь с вами познакомиться, а я сказала, как насчёт сейчас?

Я был заинтригован, так как знал, что за кажущейся видимостью её поступка скрывается нечто иное, и мне было интересно, что здесь в действительности происходит. Меня так же забавлял тот факт, что она играла со мной, не сообщив мне правил игры. Она привела его не для того, чтобы посмотреть, как я буду его пожирать, как в эпизоде из фильма "Мой дядя вампир". Это было бы бессмысленно и недобро, а она не такая, значит, её маленькое озорство выходило на другой уровень, но это ничего не объясняло. Зачем она привела сюда этого молодого человека?

Чтобы не попасть в ловушку, надо попытаться уклониться от неё.

– Она немного преувеличила, – сказал я Заку. – Я просто умею заговаривать зубы. – Я начал выходить. – Извините меня, мне нужно закончить кое-какую работу.

– О чём будет ваша книга? – спросил Зак, пытаюсь завязать игру. Я посмотрел на Джолин, которая глядела на меня с притворным любопытством.

– Нет никакой книги, – сказал я, – просто поиграл с некоторыми идеями...

– Джолин сказала, что вы не согласны с...

– Правда, я не слишком много знаю...

– Знаете, традиция учит нас...

– Конформизму и косности?

– Я имею в виду буддистскую традицию. Буддистская традиция показывает нам...

– Забудь традиции. Начни заново – ты гораздо лучше проведёшь время. Начни свою

собственную традицию. Правда, мне пора бежать...

Он чуть усмехнулся.

– Нельзя же просто отбросить столетия...

– Конечно можно, – сказал я. – В сущности, это необходимо, иначе закончишь там же, где все всегда заканчивают. Какой в этом смысл?

Он засмеялся немного неловко и смерил меня взглядом, пытаюсь определить, с кем он имеет дело. Традиция это слово для названия того, что ты принимаешь за истину, не проверив самостоятельно. Традиция это глубокая колея, образовавшаяся после долгих лет хождения по ней стада. Будда сказал то... Шанкара сказал это... Кому какая разница, что они говорили, или *кто-либо* говорил? Ты не знаешь, говорили ли они это, ты не знаешь, что они имели в виду, ты не знаешь, точен ли перевод, ты даже не знаешь, существовали ли они, так что же ты знаешь? Ты ничего не знаешь, а даже если и знаешь, то всё равно не знаешь. Ты самоопределяешься или нет – вот так всё просто. Слепое принятие, типичное для менталитета толпы, это почва, где укореняются все ложные верования. Вместо того чтобы полагаться на себя и определяться самому, большинство людей просто покупают всё оптом – никакого мышления не требуется.

– Джолин сказала, что вы любите субъективный подход.

– В противоположность чему? – спросил я.

– В противоположность объективному взгляду, – сказал он.

Похоже, он поймал волну энергии, так как вдруг его понесло.

– Нужно увидеть всю картину, нужно понять, частью какого великого эволюционного плана мы являемся. Всё это – вся эта планета Земля и человечество и всё остальное, это как бы один великий огромный спирально саморазвивающийся эксперимент в уме Бога. Я собираюсь поехать в монастырь дзен, как только наберу денег, чтобы добраться до Киото. Предстать перед настоящим дзен мастером. Эти люди действительно знают в этом толк.

Он говорил всем телом. Его энергия распространялась вовне в руки и ноги, они придавали выразительность каждой его мысли, и всё тело двигалось вверх-вниз и туда-сюда. Ему пришлось поставить свою бутылку с чаем на пол, иначе он расплескал бы её по всей комнате. Я излишне щепетильно подложил подстаканник под его бутылку, а он даже не сбился с ритма.

– Мы смотрим на весь этот мир, как будто он реален, но в нём нет ничего реального, – оживлённо воскликнул он. – Восприятие создаёт реальность, но чьё восприятие? Моё? Ваше? Джолин?

Я в недоумении качал головой, широко раскрыв глаза.

– Нет, – продолжал он, – потому что в *нас* не больше реальности, чем во всём остальном. Вот всё, чему учит дзен: что нас не существует. Эго, я, ты, всё это иллюзия, видимость. Дзен уничтожает иллюзию. В этом назначение дза-дзен – сидячая медитация под руководством великого роси. Для этого предназначены коаны. Ты должен прорваться сквозь барьеры. Всё на самом деле очень просто. А из этого сделали такую сложность, что нужно приходить к ним и просить объяснить, или что-то типа этого, знаете, все эти религиозные люди, гуру и прочие, но на самом деле это так просто...

Теперь мне стало ясно, какую роль мне играть. Я бы и не подумал вести какой бы то ни было диалог с Заком, так как он был слишком настроен на внешнее выражение, даже и намёка не было на то, чтобы заткнуться и слушать. У него не было вопросов, только ответы. В любом случае, Джолин не привела бы его сюда лишь для того, чтобы я поспорил с ним на его уровне, и я начал подозревать, что причина её поступка скрывается в самой причине её приезда сюда.

– Мы все лишь частички, – продолжал Зак, не останавливаясь, – маленькие кусочки, играющие свою роль в этой пространственно-временной матрице, типа вселенского континуума, понимаете? Мы все такие маленькие, но каждый из нас как всё целое. Кажется, что всё это сейчас происходит, но нет ничего, нет вас, нет меня. В этом весь смысл дзен-буддизма, вот почему он такой крутой. Нельзя ему научиться, его нужно *делать*. Ты не учишься и не трудишься в поте лица, чтобы овладеть концепциями, ты сидишь и работаешь над коанами под надзором квалифицированного роси, пока вся эта иллюзия просто не перестанет существовать. Понимаете? В конечном счёте есть только сознание. Всё остальное лишь ощущения.

– Круто, – сказал я, улыбаясь и кивая, чтобы он продолжал, а краешком глаза видел то, что надеялся увидеть. На лице Джолин была нарисована вежливая, внимательная улыбка, но в её глазах я видел, что это маленькая сценка разыгрывалась так, как можно было ожидать. Ей это совсем не нравилось. Возможно, Зак казался ей лучше в кафе, возможно, она никогда раньше не видела такого человека, как Зак, или никогда не встречалась с таким подходом – с бурной и забавной духовной одиссеей.

– Есть только одна истина, понимаете? И не важно, что вы называете своим духовным путём – христианство, или буддизм, или католичество, или дзен, потому что в реальности это всё одно и то же. Вот прямо здесь, – он указал на нас, комнату, землю, третье измерение, – всего этого нет. Это всё нереально. Реальность, она, ну, за пределами всех наших мечтаний.

Мне было понятно, как он функционирует. Я видел, что он был так поглощён исполнением своей большой выразительной роли, что для него было бы практически невозможным услышать что-либо, кроме своей следующей реплики. Я проверил эту теорию, задав вопрос из ниоткуда, чтобы Джолин тоже смогла это заметить.

– А как же война?

– Вот, вот – война! Я об этом и говорю. Если все просто, ну, вырвутся из своего эгоцентрического я-я-я образа мыслей и постараются усвоить универсальный взгляд, который, как я говорил, реален, типа как всё есть в реальности, тогда все вообще забудут про войну. Можете себе представить, какой рай бы наступил на земле, если бы каждый просто, ну, осознал бы свой потенциал? Можете себе представить?

Он посмотрел на меня и Джолин, мол, можем ли мы представить, но, слишком поглощённый собственной инерцией, он не заметил, что мы не совсем находились в одном с ним пространстве.

– О войне совершенно забудут. Она станет предметом исторических книг. И вместо того, чтобы уделять всё внимание и ресурсы, ну, Пентагону, контролю другим людям и всё такое, мы можем сконцентрироваться на реально важных вещах – типа накормить людей, вылечить болезни, ликвидировать последствия наводнений и всё такое. Представляете, если все перестанут завидовать, ненавидеть, бояться и начнут собираться вместе и пытаться что-то изменить? Подумайте, каким раем мог бы стать этот мир, если больше не было бы источников загрязнений, не проливалась бы нефть, не было бы преступлений и всё такое. Это был бы рай. Это было бы похоже на небеса, только не потом, не в каком-то потустороннем мире, знаете, после вашей смерти, облака и всё такое, но прямо здесь на земле. Именно этого Бог хочет от нас, но мы совершенно всё извратили.

Он сделал паузу, чтобы набрать воздуха, и удостовериться, что мы внимаем. Очевидно, он прочёл несколько различных писаний. Это нынче не редкость – Переплавленная Духовность, Нью Эйдж Электрик. Он словно побирушка прочёсывает аллеи эзотерической философии и кидает каждую подобранную красивую безделушку в свою волшебную загадочную тележку, с жадой поделится своей разношёрстной коллекцией с теми, кто не может отличить бесценное от бесполезного. Думаю, если ему когда-нибудь удастся добраться до монастыря в Киото, первое, что они сделают, это подвешат его за лодыжки и вытрясут из него весь этот бессмысленный вздор, как оружие из мультяшного разбойника.

Я немного смягчил тон его речи, дабы дать читателю представление о том, что он говорил, не используя всех знаков восклицания, которых требовала бы более точная передача. Я так же позволил себе удалить многие сотни "знаете", "как бы", "типа" и "ну". Я никогда близко не сталкивался с кафешной духовностью, если можно это так назвать, но сейчас я ей наслаждался. Личного очарования Заку было не занимать, и тот факт, что он был так возбуждён тем, о чём он говорил, делал его привлекательным для слушателей, для меня во всяком случае. Не думаю, что Джолин было так же интересно. Я посмотрел на неё и увидел то, чего не заметил Зак: Джолин смотрела прямо сквозь него. Я также видел, что всё это было спланировано как нельзя лучше – нестройное послание Зака и уникальный стиль духовного бомбардирования были именно тем, что ей необходимо было сейчас увидеть.

– Так что же нам со всем этим делать? – спросил я, не желая давать Заку слишком

большую передышку, чтобы он не потерял инерцию. Секунду он смотрел на меня, оценивая, искренне ли я спрашиваю, и, либо решив, что искренне, либо что это не важно, вновь пустился в свой дискурс. Пусть он поговорит подольше, чтобы Джолин усвоила это раз и навсегда. Я не хотел, чтобы та штука, которая работала в ней, продолжала её донимать, поэтому старался быть с ней помягче. Гораздо гуманнее убить эти вещи тогда, когда позволяет ситуация.

– Вот именно! – снова начал Зак, заразительно воскликнув. – Что мы можем сделать? В этом-то вся проблема. Весь вопрос, ну, духовности, религии, сводится к одному этому: что мы реально можем? Мы должны расти, развиваться. Мы должны стряхнуть с себя это, – здесь он скривил рот, скосил глаза и согнул пальцы в клешни, чтобы передать своё отвращение к тому, что большинство людей называют жизнью, – эту ничтожность, эту мелочность.

Он посмотрел на меня, мол, понятно? Следующий вопрос был у меня в глазах. Да, спрашивал мой взгляд, но как?

– Как нам это сделать? – озвучил он. – Это большой вопрос. Как нам выбраться из своих маленьких бесполезных "я" и начать наслаждаться, пожинать плоды своего истинного потенциала? Всё дело в самореализации. В общем-то, это всё, что нужно. Это звучит так грандиозно и, ну, как научная фантастика, но нет. Вот в чём дело. Это не воздушные замки или типа того. Это истина каждого из нас. Это то, кем мы являемся в реальности.

И? – сказали мои глаза.

– И, – подхватил он, – вот что мы должны сделать. Мы должны освободиться из этих крошечных скорлупок, и тогда мы сможем вступить в своё истинное вселенское Я. Вот куда всё это направлено. Всё это здесь, всё, о чём мы думаем, как обо всём, на самом деле ничто. Дзен имеет дело именно с этим – с возвращением к нашему истинному состоянию, состоянию небытия. Когда мы сделаем это, придём к своему истинному состоянию, мы освобождены. И больше не вернёмся назад. Нет больше круга рождения и смерти. Нет больше кармы, страданий. Наконец, мы свободны!

Он продолжал ещё несколько минут, но стал терять энергию и немного запнулся, когда речь зашла о реальных методах достижения этого освобождения. Он благосклонно отозвался о медитации, пране, кундалини, прогулках на воздухе, хорошем питании, чтении возвышенных книг и зелёном чае. Он окинул взглядом нашу довольно престижную берлогу и посмотрел на меня так, будто я должен более честно рассмотреть свои чрезмерно стяжательские наклонности. Полагаю, Джолин не сказала ему, что квартира съёмная.

Я рассказываю всё это не для того, чтобы посмеяться над Заком, или над любым человеком на уровне его восприятия. Думаю, в какой-то период я сам был таким же – взволнованным и трепещущим, жаждущим выражать и делиться, несколько схематичным, насколько позволяла доктрина. Мальчик с круглыми глазами в необъятном магазине сверкающих новых игрушек-идей. Возможно, Джолин права, через пару лет человек с энтузиазмом Зака и ярким внешним видом будет вести сатсанги. Но он не сможет долго выделять свои сумасшедшие пассажи. Не достаточно быть хорошим исполнителем, необходимо иметь, что исполнять. Людям нужна запоминающаяся мелодия, положенная на успокаивающую, знакомую гармонию. Если он сообразителен, он прицепит свой вагончик к адвайте – это новый популярный стиль. Он склоняется к дзен, но эта мелодия уже набила оскомину. Индустрии нужен новый дзен, и адвайта отвечает всем требованиям – звучит экзотично, несёт в себе что-то неопределённо глубокое, но не угрожающее, никого не интересуют её корни, поэтому она идёт без багажа, и ей можно придать форму, удовлетворяющую потребностям рынка. Нет, это не мечта бизнесмена, как дзен, но они это исправят, и очень скоро мы будем покупать продукты "Адвайта", трусы "Адвайта", потолочную плитку "Адвайта". Уже стал появляться слащавый сорт адвайтской вздорной философии, и я уверен, в ней будут свои ключевые фигуры – возможно, Зак когда-нибудь – которые будут писать книги и направлять нас по Пути Недвойственности. Чёрт, когда я думаю об этом, я начинаю уговаривать себя написать ещё одну книгу, что-нибудь с громким коммерческим обращением типа "Дзен и Дао Адвайты: Путь без пути не-ума к недвойственности".

Или может быть, Зак поедет в Киото, и какое-то время проведёт в монастыре. Грустно об

этом думать. В голове западных людей, похоже, укрепился устойчивый ажиотаж по поводу дзен, и вскоре вы узнаете, что спустя пять лет они возвращаются из дзен монастыря и могут меньше предъявить за эти годы, чем если бы они провели их в тюрьме или в коме. Надо отдать им должное, неудача редко останавливает их от написания книги на сей предмет.

Скорее всего юный Зак просто остановится на удобном ему уровне духовности и будет жить нормальную жизнь. В любом случае, меня волнует не Зак, меня волнует Джолин. Я удосужился проводить Зака к выходу, а Джолин неопределённо пообещала ему встретиться в кафе перед отъездом из города. Когда я вернулся в гостиную, она уже ушла к себе в комнату и закрыла дверь.

Гуру книжных магазинов

В последний день визита Джолин в одном из больших городских книжных магазинов во время обеденного часа было организовано чтение и подписывание книг одного популярного автора нью-эйдж. Джолин хотела пойти и послушать, что он будет говорить. Она попросила меня пойти с ней, и я согласился, но мне не хотелось слушать, как говорит этот человек, поэтому когда мы пришли в магазин, я послал её внутрь одну, и мы договорились встретиться после.

Я пришёл на место нашей встречи рано, она – ещё раньше. Она выглядела довольно расстроенной, хорошо понятно, почему. Она пришла сюда в надежде что-то найти, но не нашла. Тот парень, что выступал в книжном магазине, продавал очень много книг, и она истолковала это так, что у него есть что сказать весомого. Она сделала вывод, как и многие другие, что чем популярнее учитель, тем ценнее учение.

– Ты слишком молода и красива, чтобы так раскисать, – сказал я.

– Всё нормально, – ответила она, – Мы можем пойти куда-нибудь ещё?

– Погулять или посидеть?

– Лучше погулять, наверно.

Мы шли, я молчал. Хорошо, что она печальна и сердита. Я был бы удивлён и немного разочарован, если бы она вышла с этого мероприятия в приподнятом настроении. Впрочем, я знал, что так и будет, но не видел причин её отговаривать. Даже наоборот. Если бы она не исчерпала своё острое желание поближе взглянуть на этого человека и на его взгляды, почувствовав, что я это не одобряю, то это было бы просто подавлением, и позже ей пришлось бы вновь иметь дело с источником этого желания, но в более пагубной форме. Процесс пробуждения это последовательность утрат иллюзий, и каждая из них причиняет боль.

Мы спустились в метро и сели в поезд. Выйдя на 81-й улице, мы направились в Центральный Парк. Мы бродили по парку, и по её поведению я понял, что она узнаёт эти места и начинает выходить из своего уныния. Ей были знакомы различные части парка по некоторым фильмам, но она всё ещё не была разговорчива, что меня полностью устраивало. Так мы дошли до музеев на Пятой Авеню и там поймали такси до дома. Но вместо того, чтобы подняться наверх, мы спустились вниз по улице в кафе, взяли кое-какие напитки, и взгромоздились на мягкий диван. Она подогнула под себя ноги, чтобы иметь возможность смотреть на меня более прямо.

Несколько минут мне не хотелось ни о чём говорить. Я знал, в каком она находилась состоянии духа, и мне хотелось помочь ей немного расслабиться, и при этом не лезть из кожи. Я завёл очень любовную обличительную речь о том, как негодяи из отдела маркетинга министерства новояза настолько эффективно удалили из нашего словаря слова "маленький", "средний" и "большой", что продавцы кофе и фастфуда больше не могут их даже перевести. Если ты хочешь среднюю порцию кофе или маленькую порцию картофеля фри, объяснял я Джолин, которая слушала в пол уха, тебе придётся выучить особый жаргон каждого отдельного заведения. В одном месте маленький, средний и большой могут быть "гранд", "супер" и "президент". В другом месте это "большой" (маленький), "очень большой" (средний) и "терапия отвращения" (большой). Самое досадное это непонимающий взгляд, которым окидывает вас

продавец, когда вы пытаетесь вернуться к более простым, но несанкционированным, терминам. "Значит, очень большой это средний?" – спрашиваете вы. "Нет, ээ, ну, Очень Большой это Очень Большой", – говорят вам.

Не получив ответа, я посмотрел на неё и встретил испуганный взгляд. Она уставилась на меня большими глазами, слёзы текли по её щекам. Она была абсолютно открыта, без капли смущения, не делая попыток спрятать свои чувства, позволив себе быть полностью обнажённой. Я отдал дань уважения её незащищённости ответным, таким же откровенным, взглядом. Она дышала с еле слышными стонами. Это была очень печальная молодая леди.

– Я чувствую себя такой маленькой, – сказала она хриплым шёпотом. – Такой одинокой. Я никогда не чувствовала себя так. Я не вижу конца. Я не вижу, как может стать лучше.

Я не ответил сразу. Моим естественным порывом, как и любого другого человека, полагаю, было утешить её, но она только начинала горевать по своей утерянной жизни, чувствуя отделённость от самой себя и переваривая эту неожиданную и беспрецедентную потерю, и сейчас ей не нужны были утешения, ей необходимо пройти через это и выйти с другой стороны. То, над чем она горюет, ещё не вполне мертво, а то, что горюет, ещё не вполне родилось.

– Попытайся выйти из себя и наблюдать настоящий момент, – сказал я ей. – Знаю, это кажется трудным, ведь ты сейчас полностью погружена, но это важно. Ты должна научиться отделять себя от своего персонажа, и лучше тогда, когда это труднее всего. Любой дурак может войти в состояние наблюдения, когда вокруг безоблачное небо, фокус в том, чтобы сделать это, когда нависают чёрные тучи. Посмотри на эту боль, которую ты чувствуешь. Посмотри на личность, которая испытывает боль моими глазами вместо своих. Вдохни и сделай это прямо сейчас.

Она вдохнула и долго с дрожью выдыхала. Затем закрыла глаза, и я отвёл взгляд. Когда я снова посмотрел на неё, маленькая Джолин глядела на меня с такой самодовольной полуулыбкой, как человек, который пришёл с пистолетом на поножовщину. Хороший такой взгляд.

– Можно я скажу, зачем я приехала? – спросила она. – Зачем я хотела вас видеть?

– Можно я скажу? – ответил я. Секунду она оставалась неподвижной, затем кивнула. – Тебе хотелось куда-нибудь податься. Тебе хотелось найти людей, к которым можно примкнуть. Тебе хотелось где-то приземлиться, быть частью чего-то. Ты надеялась, что здесь ты это найдёшь.

Она прикусила нижнюю губу и кивнула головой.

– Что-нибудь типа буддизма, думаю. Где-то в Калифорнии?

Она молча кивнула.

– Дзен?

Снова кивок.

– Ты не туда свернула, – сказал я. – Калифорния совсем не в той стороне.

Она не двигалась.

– Или ты уже знала ответ, но не хотела верить в него, и теперь я тебе его говорю. Ты уже переросла буддизм. Буддизм, даже дзен, был бы для тебя шагом назад, а здесь нет шагов назад. Мы не можем вернуться, такой альтернативы нет. Ты понимаешь это?

Она кивнула.

– Ты совершенно одна, девочка. Ты уже за пределами буддизма. Ты уже прошла тот рубеж, когда кто-либо может пойти с тобой. Ты знала, что больше не можешь быть частью чего-либо, и в порыве паники ты приехала увидеть меня, ища другой ответ. Ты хотела зацепиться за что-нибудь, может быть, за буддизм, может быть, за какого-нибудь популярного автора или сатсангового учителя. Может быть, за меня. Может быть, ты думала, что я смогу подхватить тебя, чем-то увлечь, сделать так, чтобы для тебя всё снова стало цельным?

Она сидела неподвижно с низко опущенной головой.

– У тебя была почва под ногами, и ты начала её терять в тот день, когда увидела коров в церкви. Теперь ты пытаешься обрести её снова, но ты уже никогда не сможешь этого сделать.

Ты выплываешь наружу из тёплой грязи, в которой большинство людей проводят свою жизнь. Эта грязь – единственная жизнь, которую ты когда-либо знала, и вот теперь ты оставляешь её позади. Это очень страшно. Не трать время попусту, питая плохие мысли об этом, каждый паникует в подобной ситуации. Ты не можешь не паниковать. Никто не уходит под воду благородно. Здесь нет смелости и трусости – эти слова здесь ничего не значат.

– Это и есть Первый Шаг? – спросила она.

– Да, это Первый Шаг, который на самом деле – последний. Понимаешь? Имея "Прескверную штуку" и духовный автолизис, ты не нуждаешься во мне. У тебя уже есть всё, что тебе нужно. Ты могла бы сэкономить стоимость авиабилета.

Она ни засмеялась, ни улыбнулась. В её глазах я увидел, что она уже стала взрослее, чем большинство людей.

Огни большого города

Мы вернулись домой уставшие и голодные. Я закинул что-то в рот и прилёг отдохнуть, сказав Джолин, чтобы она позаботилась о себе сама. Она уезжала завтра рано утром и была немного разочарована, поняв, что мы не собираемся ни в хороший ресторан, ни в театр, ни будем делать что-либо особенное в её последнюю ночь. Я проснулся где-то в полвосьмого и обнаружил её дремлющей на футоне. Я подтолкнул её носком ноги, и она открыла глаза.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – ответил я. – Собирайся, мы уходим.

Она перекатилась на колени.

– Мне переодеться? – спросила она с нетерпением.

Я посмотрел на неё, как будто она сошла с ума.

– Нет, сойдёт и так.

– О, – произнесла она разочарованно, – окей.

Мы вышли и прошли несколько улиц вверх, где легче было найти такси. Я дал водителю адрес улицы. Он сказал: "Вы имеете в виду...", а я перебил: "Пусть будет Морской Порт", прежде чем он проболтался. Несколькими минутами позже мы выехали из делового района и въехали на причалы Ист Ривер. Выйдя из такси около Морского порта, мы пошли пешком на юг; высоко вдалеке вырисовывались очертания башен-Близнецов. Она заметила указатель на паром в Статен Айленд.

– Мы поедem на пароме? – спросила она.

– Разве это не кажется тебе интересным?

Она старалась выглядеть восторженной.

– Да!

Я рассмеялся, и мы пошли дальше. Я остановился перед вертолётной площадкой.

– Что это? – спросила она.

– На что это похоже? – спросил я.

– Место для вертолёта, – сказала она.

– Именно так, место для вертолёта.

– Да, и что? Что мы здесь делаем? – спросила она.

Я заимствовал строчку из "Контакта".

– Хочешь прокатиться?

Глаза её расширились.

– Ни за что! – она хорошенько мне врезала.

– Ещё как.

– Ни за что!! – вскричала она, но я отскочил от следующего удара.

– Мм, ещё как.

– Ух ты! Правда? Куда мы полетим?

– Это называется "Тур Огни Большого Города". Мы просто летаем над Манхэттенom. Вероятно, отсюда до Статуи Свободы, вверх по Гудзону, обогнём Бронкс и вниз по Ист Ривер.

Увидим город, мосты, или, ну, Джерси и Бруклин, если место попадётся плохое.

Она потемнела на несколько градусов.

– Плохое место? Сколько ещё людей...?

Я засмеялся.

– Только ты и я, девочка. Ну вот, это довольно романтично, и теперь я не хочу, чтобы ты на меня дулась...

Она толкнула меня, затем стала очень серьёзной.

– Я не могу, – сказала она тихо. – Это слишком. Это должно быть стоит тысячу долларов.

– Не совсем. В любом случае, ты сделаешь мне одолжение. Мне много лет хотелось это сделать, но не в одиночестве. Ты сделаешь это для меня так же, как я сделаю это для тебя, окей?

– Правда? – сказала она почти умоляюще.

– Правда.

За несколько сотен долларов можно выпрыгнуть из самолёта на высоте две мили, и возможно, остаться в живых. В пределах тысячи долларов местный лётчик-инструктор возьмёт вас с собой "Цессне" и даст порулить. Меньше, чем за тысячу, можно совершить ночной полёт над одним из самых великих городов мира в часы его сияющего великолепия на зафрахтованном частным образом вертолёте. Прыжки с "тарзанки", американские горки, сплав на плоту по реке с порогами – за цену в десять раз меньшую эти переживания могут быть среди самых замечательных сделок, которые человек может совершить в жизни – самыми запоминающимися и дорогими. Эти вещи будут с нами на нашем смертном ложе, а не деньги, которые мы не потратили. Стоимость этого ночного полёта не сможет существенно повлиять на стиль моей жизни, но даже если бы это были мои последние деньги, как ещё лучше я мог бы их потратить?

Мы вошли. Я оставил её на посадочной площадке, а сам пошёл улаживать дела в контору и сходить по нужде. Когда я вернулся, мы отошли чтобы поговорить. У нас было время до восхода луны, поэтому мы пошли прогуляться.

Пора дать ей то, за чем она приехала.

– В контексте твоей личной жизни, твоего будущего, Джолин, что ты можешь сказать наверняка?

Она знала, что я хотел, чтобы она подумала над этим, и прошла целая минута, прежде чем она ответила.

– Ну, я умру, наверно.

– Наверно?

– Нет, то есть, точно. Просто странно это говорить.

– Говорить что?

– Я умру.

– В "Махабхарате" есть одна строчка, когда Кришна говорит с Карной, воином, который будет драться с Арджуной. Кришна говорит Карне, в сущности, что победа Арджуны гарантирована.

– Да, я смотрела.

– Кришна говорит ему: "Смотри, весна, почки набухли, вода искрится, люди счастливы. Мы все умрём".

Она долго смотрела на меня, стараясь понять, к чему я клоню. В этом, и любом другом подобном разговоре, работают две различные динамики: явная, которую могла видеть Джолин, как и любой другой сторонний наблюдатель, и скрытая под поверхностью, которую вижу я, и где идёт настоящая работа. Это верно как для нас с Джолин, стоящих на тротуаре в Нью-Йорке, так и для любого разговора, который я веду, или для слов, которые я пишу. Человек, которому предназначаются мои слова, в каком-то смысле является лишь средством, связующим звеном, иногда даже не осознавая этого.

Кажется, что я говорю с Джолин, но на самом деле я говорю сквозь неё. Я обращаюсь сквозь оболочку к маленькому внутреннему ублюдку. (Я всегда представляю себе его как мужскую энергию, вне зависимости от пола хозяина). Маленький ублюдок прячется там,

внутри, глубоко за глазами. Он подпрыгивает, машет руками, пытаясь привлечь моё внимание. Он не знает точно, чего он от меня хочет, но он думает, что я знаю, и он прав. Он хочет того, чего хочет любой революционер, замышляющий насильственный переворот: оружия и информации – вещей, которые сжигают и уничтожают, и знаний, как ими пользоваться. Мятежные силы обратились ко мне за помощью, и я тайно помогаю им. Я рад угодить им, потому что именно этим я и занимаюсь – оказываю поддержку восстанию. Я не иницирую его, мне не нужно этого делать – оно иницирует себя само. Затем, если ему удаётся меня отыскать, в книге или лично, я даю то, что ему нужно. Мне придётся немного подсластить пилюлю, чтобы Джолин смогла её проглотить, но когда она окажется в её системе, маленький ублюдок сможет не спеша переварить её. Точно так же, как в разговоре, происходит и в книгах, которые я пишу. Информация, содержащаяся в книгах, может быть предоставлена в гораздо более сухой форме, занимая гораздо меньше места, и быть гораздо менее приятной на вкус. Сомневаюсь, что я когда-либо смог выразить оригинальную мысль, или такую, которая прежде не была бы выражена многократно множеством разных способов. Весь секрет в приправе.

Битва, которая зреет в Джолин, не будет происходить между ней и маленьким ублюдком, как это может показаться, но между маленьким ублюдком и Майей. Майя на этом поле битвы будет представлена страхом, а маленький ублюдок – ненавистью. Страх против ненависти. Страх "Не-Я" против "Ненависти к Ложному Я". Вот армии противостоящие друг другу на полях Курукшетры. Вот силы, оказавшись между которыми пал Арджуна. Это единственная реальная война, а остальные – лишь тени её, и по сравнению с ней все другие конфликты – лишь метафоры.

В краткосрочной перспективе Майя почти всегда подавляет мятеж. По моим оценкам отношение её побед к поражениям больше 100.000.000:1. Используя свои многочисленные войска трюков и угощений – купить, очаровать, направить не в том направлении, или отвлечь потенциальных мятежников – она удерживает их в слишком счастливом, печальном, поглощённом или удовлетворённом состоянии, чтобы они не смогли двигаться вперёд, легко и эффективно предотвращая восстание, прежде чем оно минует стадию тихого недовольства. В долгосрочной перспективе, однако, поражение Майи предопределено. Истина существует, ложь – нет. В конечном счёте, дуальность это искусственный конструкт, и когда он исчезнет, останется только истина. Рассматривая это таким образом, идея, что Майя это зло, что иллюзия – негативна, что состояние сна это тюрьма, или что дуальная вселенная это нечто иное, чем величайшее и самое чудесное из всех благ, смехотворно абсурдна. За что ненавидеть Майю? Где бы вы без неё были?

Джолин сама только смутно осознаёт, что в ней зреет эта битва. В каком-то смысле, она всего лишь невинный свидетель, случайно оказавшийся между двух армий. Конечно, на этой стадии мятежники это просто небольшая кучка крестьян с вилами, но они действуют сообща. Они убедили Джолин проделать этот путь, чтобы увидеть меня, и им удалось заполучить внимание хорошо осведомлённого сторонника. Неплохо.

Разумеется, можно просто сказать, что маленький ублюдок это часть Джолин. Это так. Но можно так же сказать, что маленький ублюдок будет её смертью. И это тоже верно.

Смерть и различие

– Ты и я, Джолин, сейчас сядем в вертолёт, в эту летающую западню. Должен сказать, что пилот пьян и чрезвычайно толст. Жена только что бросила его, прихватив с собой детей. Я видел, как он рыдал в туалете, принимая таблетки. – Она хихикнула. – Мы можем умереть через несколько минут. Помнишь, как в книге я упоминал о совете, взятом из фильма "Билли Джек", который я дал одному парню?

– "Испытание Билли Джека", – поправила она меня. – Я тоже его смотрела. "Если бы ты знал, что завтра умрёшь, какое значение всё это имело бы?" Таким был вопрос.

– Это отпущение всех грехов наперёд. Вот что такое смерть: гарантированное отпущение грехов, свобода и прощение одновременно. Если ты понимаешь факт собственной смерти, что

она всегда рядом с тобой, и что это предопределено, тогда ты свободен. Это освобождение – знать, что нет и не может быть ничего твоего, знать, что тебе нечего терять. Другие люди отталкивают смерть, отрицают её, но у нас нет такой роскоши. Мы должны привлечь смерть поближе, обнять её, нести её в своём сердце и уме. Я не имею в виду нажраться в дупель как школьник и на одну ночь влюбиться в экзистенциализм, я имею в виду, это как то, что ты носишь в кармане и всё время чувствуешь в своей руке. В мире есть два типа людей: выдумщики и серьёзные люди. Ты – серьёзный человек, Джолин, ты становишься серьёзной. Теперь ты – в игре, и должна играть по правилам.

– Вы всегда говорите: серьёзный человек. Что это значит?

– Концентрация. Всё дело в фокусе. Ты должна научиться быть полным неудачником в девяносто девяти процентах своей жизни. Ты можешь принять это потому, что преуспела в том одном проценте, который имеет значение. Ты должна отделаться от всех суб-идентификаций. Будь плохим человеком, плохим гражданином. Перестань формировать себя под мир. Формируй себя под свою задачу, и предоставь миру презирать тебя, или, лучше, забыть о тебе. Ты хочешь быть хорошим гражданином? Голосовать? Изучать проблемы общества?

Она подумала и кивнула.

– К чёрту. Будь плохим гражданином. А ещё лучше, не будь им вообще. Просто оставь эту идентификацию. Отсеки её. Ты хочешь быть хорошей дочерью? Подругой? Сестрой? Женой когда-нибудь? Матерью? Забудь всё это. Отпусти. Просто отрежь все эти якоря. Все мнения, которые есть у тебя о себе, как стропила твоей ложной структуры. Всё должно уйти. Всё *уйдёт*. Процесс начался.

Казалось, она была ошеломлена всем этим, но так и должно было быть. Редко стоит заглядывать дальше, чем на один шаг вперёд. Даже шаг после следующего всегда будет казаться невозможным. Но сейчас Джолин смотрела прямо на Первый Шаг, и тот факт, что при виде его она не впала в ступор, являлся завещанием её честности и решимости. Как я отмечал ранее, здесь человек может сломаться.

– В любом случае, сюда всё направлено. Вот вся твоя жизнь: твой дом, школы, сообщество и прочее, всё, что ты сделала, всё чем ты была, предстоящее будущее, всё это должно быть отпущено, чтобы ты смогла двигаться дальше. И так будет. Твой выбор уже сделан. Ты не выбираешь, отпускать это или нет, ты выбираешь только бороться или нет с процессом, и смерть делает этот переход максимально лёгким. Все эти ложные слои – как твоя кожа. Она может отрываться медленно, с мучительной болью, либо можно сбрасывать её как змея, слой за слоем, просто давая им отваливаться. И метод приглашения процесса, а не борьбы с ним, это обнять свою собственную смерть. Держи одну руку на смерти, а другой води свои битвы.

– У меня нет никакого выбора? Нет никакой свободы?

– Свобода? Я не знаю, что значит это слово – это просто концепция. Свобода сама по себе не является вещью, это незавершённая идея. Ты должен быть свободен от чего-то. От чего ты хочешь быть свободной?

– Как насчёт всего этого? Всего этого процесса? Что если я не хочу этого делать? Что если я хочу, чтобы всё остановилось и вернулось к нормальной жизни?

Я помолчал, чтобы дать ей отдышаться.

– Окей.

– Окей? Что это значит?

– Это значит окей. Сохрани этот разговор на потом. Я не твой учитель, знаешь. Я такой же, как и ты, за исключением того, что я закончил то, что ты только начинаешь. Если ты хочешь узнать, что такое вернуться назад, попробуй вернуться.

Она мощно вздохнула.

– Я не знаю, чего я хочу.

– Ты хочешь к чему-то пристроиться, – сказал я. – Это стремление привело тебя сюда. Ты хочешь присоединиться к людям, к группе, быть частью чего-то, чего-то большого, безопасного и почитаемого. Ты чувствуешь, как соскальзываешь в забвение, и отчаянно цепляешься, чтобы удержаться за что-то. Это очень сильное желание, и почти все поддаются ему. Это большая

ловушка, именно она затягивает нас обратно, избавляя нас от смены парадигм, от точки невозврата, от Первого Шага. Как ты думаешь, я прав?

– Наверно.

Я подождал.

– Да.

Я говорил об этом в "Прескверной штуке". Мы все барахтаемся в безбрежном океане, и мы сбиваемся в кучки, чтобы убедить себя, что ситуация не такая, как есть на самом деле. Это притворство. Серьёзные люди желают встретить реальную ситуацию. И для этого они должны покинуть группу, перестать барахтаться и сдаться неизбежности, вместо того, чтобы жить в бессмысленной борьбе. Они должны уйти сами и позволить себе утонуть. Дальше этой точки никто не идёт. Все живут в отрицании этого, любой ценой от этого отворачиваясь.

А король-то голый. Это очевидно. Любой, кто откроет глаза, увидит. Но чтобы работало всё это царство сна, люди должны видеть одежду. Не важно, как она будет выглядеть, но чтобы не было наготы. Вот против чего приходится работать Майе – против простой и очевидной истины. Что ей нужно делать, чтобы не дать людям увидеть очевидное?

Сбивать их с толку всякой чепухой.

Иудо-христианской чепухой, индуистской чепухой, буддистской чепухой, ньюэйджевской чепухой – всё это разновидности агностицизма и все они приводят к одному и тому же – духовной бестолковщине.

Всё именно так просто. На короле нет одежды. Всё это просто выдумка. Когда мы захотим перестать играть в выдумки, мы станем серьёзными людьми. Разумеется, всё равно каждый утонет в одиночестве, но серьёзный человек не может вынести лжи, что океан не безбрежен, или что темнота не абсолютна, или что смерть не всегда на расстоянии вдоха. Страстное желание к чему-либо пристроиться это желание выжить, не утонуть в чёрной бездне.

Я остановился и посмотрел на неё.

– Паниковать это естественно, – сказал я, – и сейчас ты в панике. Из-за этого всё это цепляние. Ты насмерть борешься за выживание, и моя работа – помочь тебе умереть.

– Вы что же, и правда помогаете мне умереть?

– Косвенно. Я старался помочь тебе ухватиться за что-либо, чтобы ты сама могла убедиться, что это невозможно. Процесс идёт, ему не нужен я или кто-либо ещё. Теперь ты начинаешь видеть, что больше нет возможности ни к чему пристроиться. Это погоня за миражами в пустыне. Всё, за что ты пытаешься ухватиться, исчезает. Ты не можешь ни за что уцепиться, потому что не за что. Может быть, ты думала, что можно ухватиться за меня, но это также не сработало. Ты хочешь друга? Товарища? Пусть смерть будет твоим товарищем. Это единственное, что у тебя есть, что действительно твоё, чего никто не сможет у тебя отнять.

Она напряглась, пристально глядя мне прямо в глаза. Ни слёз, ни дрожащих губ. Ни присущих молодым девушкам надутых губ или самодовольных ухмылок. Появляется воин. Скоро с Джолин произойдут огромные изменения. Силы мятежников свергнут старый режим. Будет принята новая конституция, излишки и фриivolности режима выдумщиков будут упразднены. Новое правительство установит контроль, примет военные законы и конституцию военного времени, где ни для чего нет места, кроме механизмов уничтожения. Идентификация лишится сил. Предпочтения увянут. Отношения будут заброшены. Сама любовь будет забыта. Это Первый Шаг, и для Джолин он скоро наступит.

– Ты вступаешь в крутую местность. Ты будешь вести совершенно иной образ жизни, чем окружающие тебя люди. Сейчас ты чуть-чуть прикоснулась к тому, на что похоже одиночество, а дальше будет ещё больше. Но и это тоже пройдёт.

Она опустила голову и кивнула.

– И это тоже пройдёт, – повторила она.

– Боль перехода пройдёт, а не одиночество. Одиночество на самом деле станет очень комфортным.

Я поднял ей подбородок.

– Ты должна выйти за пределы той территории, где смерть ужасна и зла. Это

освобождение, но не в конце жизни, а в её течении, когда это имеет значение. Подними голову. Посмотри на меня. Я счастлив умереть в любой момент. Для меня нет разницы. Сейчас, потом, когда угодно. Я люблю факт своей смерти, он сделал возможным мою жизнь. Он дал мне возможность узнать, что моя жизнь была и что с ней делать. Если бы я знал, что вертолёт сегодня упадёт, я вступил бы на борт с радостным и благодарным сердцем.

Какое-то время мы шли молча. Непросто говорить подобные вещи подростку, у которого вся жизнь ещё впереди и который не должен размышлять о своей смертности ещё многие десятки лет, но Джолин – не обычный подросток. Она вступает в игру, а в игре есть правила.

– Твоя жизнь станет войной, – сказал я мягко. – Она уже стала. Люди боятся войны, потому что боятся смерти, но смерть это твой лучший и самый надёжный друг. Ни я, ни тибетцы, ни японцы, ни какой-то там поп гуру или кафешный мистик-практикант. Вот чему ты приехала сюда научиться. Кажется странным читать лекции красивой молодой девушке о смерти, но ты ведь не просто красивая молодая девушка, верно? Ты нечто другое. Ты сейчас это в себе обнаруживаешь, не так ли?

– Не думаю, что реально смогу это сделать.

– Ты уже делаешь это. Вот так. Каждый раз по одному шагу.

– Я боюсь, – сказала она.

– Чего?

Она подумала.

– Не знаю.

– Отлично. Выясни. Так ты узнаешь, куда идти. Следуй за страхом. Войди в него и освети. Внутри твоего страха находится следующая дверь, следующая вещь, удерживающая тебя. Пусть страх будет твоим проводником.

Она завернулась в мою руку, и мы пошли дальше.

Пока мы подписывали бумаги, снаружи на платформе вручную заводи́ли комфортабельный вертолёт. Джолин заметила, что пилот в довольно хорошей форме, приятен и вроде эмоционально устойчив. Она была взволнована каждой мелочью, и это делало всё волнующим для меня. Мы стояли снаружи и ждали, когда нас пригласят на борт, Джолин удобно повисла на моей руке. Она встала на цыпочки и прошептала мне на ухо.

– Такая славная ночь, – сказала она. – Надеюсь, мы не разобьёмся.

Я рассмеялся и с улыбкой посмотрел на неё сверху вниз.

– Нет, так просто ты не отделаешься.

Дополнительные материалы к третьей книге трилогии "Духовная война"

Я, свидетель

С помощью мышления мы можем пребывать рядом с самими собой, будучи в здравом уме. Посредством сознательного умственного усилия у нас есть возможность отстраниться от действий и их последствий, от всех тех плохих и хороших вещей, которые проносятся в нас подобно стремительному потоку. Мы не полностью вовлечены в Природу. Я могу быть либо плывущим по реке бревном, либо Индрой, наблюдающим это с небес. Меня может взволновать театральное представление; с другой стороны, я могу быть незатронут происходящим в реальности событием, которое, по-видимому, должно волновать меня намного больше. Я знаю себя лишь как человеческое существо – место действия, так сказать, мыслей и пристрастий – и я ощущаю определённую раздвоенность, благодаря которой могу оставаться таким же отделённым от себя, как и от любого другого. Как бы ни был труден мой опыт, я осознаю присутствие и критику той моей части, которая некоторым образом не является частью меня, но зрителем, не принимающим участия в опыте, следящим за ним, и это не больше я, чем вы. Когда пьеса, возможно трагедия, жизни окончена, зритель уходит своей дорогой. Это было лишь что-то вроде фантазии, игры воображения – так это его касалось.

Был ранний вечер, ещё светло. Шейла – сильно нуждающийся в работе местный экспатриот тире преподаватель обществознания на пенсии тире мой доступный личный ассистент тире христианка без чувства юмора – ушла, чтобы приготовить своему мужу обед. Ещё пара других людей пришли и ушли. Дом входил в свою привычную вечернюю колею.

Появились Лиза и Мэгги, как это часто бывает в это время. Мы поприветствовали друг друга, и я вернулся к своей работе на ноутбуке. Лиза прилегла отдохнуть возле бассейна, а Мэгги села за мой стол. Она стала выкладывать вещи из своего школьного ранца – бутылка воды, тетрадь, ручка – и тихо принялась за работу. С полчасика никто не проронил ни слова, пока Мэгги не задала вопрос.

– Не могли бы вы дать мне технику?

Я поднял глаза.

– Тебе не нравится автолизис? – спросил я.

– Да. Я пытаюсь его делать. У меня есть дневник онлайн, где я пытаюсь заниматься духовностью. Хотя не думаю, что наш класс будет сильно этим потрясён. У вас есть другие?

– Техники?

– Да.

Я ждал, что кто-нибудь что-нибудь скажет, чтобы я смог сделать перерыв. Сохранив работу, я отклонился на спинку стула. За последний месяц мы с Мэгги неплохо узнали друг друга. Она предприняла несколько попыток взять у меня интервью, но у неё мало чего вышло. Её вопросы смогли лишь продемонстрировать, что они ко мне не применимы. Поначалу это было интересным, но когда оказалось, что ответ на каждый вопрос является не ответом, а лишь объяснением, почему он не имеет отношения ко мне, любому это наскучит. Другие её вопросы потребовали бы такого развёрнутого ответа и определения терминов, что не стоило и начинать. Моим наиболее частым ответом было "Попробуй-ка следующий". Мэгги, однако, не сдавалась и пробовала зайти с другой стороны. Она тратила полчаса в неделю на это занятие, и, как и было обещано, её мать Лиза и дед Фрэнк, помогали ей, но до сих пор, думаю, у неё не вышло ничего более интересного для школьного отчёта, чем онлайн дневник автолизиса.

Вопросы, с которыми они подходили ко мне до сих пор, были заезженными вопросами из различных стандартных тестов личности, разработанных для определения, находится ли респондент в депрессии, подходит ли он на работу, имеет ли он пристрастия и так далее. Приведу несколько коротких примеров для иллюстрации.

Вопрос: Когда вы не согласны с людьми, вы повышаете голос?

Ответ: Надеюсь, нет. Я живу в состоянии глубочайшего несогласия с каждым по каждому поводу. Я бы не переставал орать.

Вопрос: Вы сознательно избегаете людей, у которых проблемы?

Ответ: Эго это единственная проблема, которую я признаю, и да, я сознательно избегаю людей, у которых оно есть.

В: Вы гордитесь своими свершениями?

О: Во мне нет того, что испытывает гордость. Я удовлетворён, что адекватно исполнил свою функцию, можно так сказать.

В: Есть ли у вас интимная сторона мышления, которой вы в основном не делитесь с другими?

О: Я не делюсь не стороной, но более полным естественным выражением. Поведение пробуждённого человека легко может быть ошибочно принято за психически ненормальное, чудовищное или злобное, особенно нерадивыми зеваками. В состоянии сна еретик это реальный монстр, поэтому ключ к долголетию здесь это не возбуждать нежных горожан братья за

факелы и вилы против тебя.

В: Вы всегда поступаете по-своему? Иногда? Никогда?

О: Всегда. Всё идёт так, как я хочу, и я хочу, чтобы всё шло так, как идёт. Я нахожусь в согласии.

В: Вам нравится быть собой?

О: Мне не нравилось бы, если бы я был, но меня нет, поэтому нравится.

Она задавала дюжины вопросов, которые иногда провоцировали длинные, окольные ответы, многие из которых пришлось забраковать, поскольку они были явно непригодны. Несколько были довольно неплохими. Возможно, когда-нибудь я сделаю доступным этот материал, но в основном всё сводилось к более глубокому взгляду на пробуждённое состояние, и нет никакого смысла подробно на этом останавливаться. Это путешествие нужно пройти, а не изучить. Иметь хорошо информированное понимание того, как выглядит и ощущается огонь, довольно глупо, когда можно увидеть и ощутить его самому.

Я возвращаюсь к просьбе Мэгги о технике.

– Как насчёт наблюдения? – спросил я.

– Окей, – она записала слово и подняла голову. – Наблюдение чего?

– Себя.

– Окей, как мне это делать?

– Ты этим сейчас занимаешься. Ты видишь меня, так? Ты наблюдаешь мой внешний образ.

– Ну, да, наверно.

– А теперь сделай то же самое, только с собой вместо меня.

– Но я не могу видеть себя.

– Ты можешь видеть себя с другой стороны – изнутри. Это лучшее место.

– Ох, – произнесла она, похоже, немного разочарованная. – Почему наблюдать это хорошо?

– Это для твоего класса или для тебя?

– Не знаю. Для того и другого, наверно. Думаю, для меня.

– Окей. В конечном итоге единственная духовная практика это наблюдение – видение вещей такими, какие они есть в реальности. Духовный автолизис это инструмент, помогающий нам сделать это – видеть яснее, использовать свой ум, насколько это возможно. В наблюдении ты хочешь сделать шаг в сторону от самого себя, чтобы ты не только жил собственную жизнь, но так же и наблюдал её. Не в рефлексии, как дневник, но когда она происходит – в реальном времени. Вот прямо сейчас, я сижу и разговариваю с тобой, но я так же нахожусь в состоянии беспристрастного свидетеля. Я не полностью нахожусь в своём персонаже, я ещё и зритель. Я осознаю, что играю на сцене и в некотором роде безучастно отслеживаю свою игру.

Она выглядела сбитой с толку, но заинтересованной.

– И как мне это сделать?

– Ну, в каком-то смысле ты уже это делаешь, только твой свидетель как бы не сконцентрирован. Она скучает, голодна, раздражена. Ты должна сконцентрировать её, усадить и заставить уделить внимание.

– Её? Кого её?

– Маленький голос на заднем плане твоего ума. Помнишь, когда тебе скучно, ты начинаешь думать о чём-то на заднем плане своего ума? Ты не полностью присутствуешь, твой ум где-то блуждает, спит наяву.

– Да. Я занимаюсь этим всё время.

– Сейчас ты не занимаешься этим, я надеюсь.

Она хихкнула.

– Нет, сэр.

– Ты бы призналась, если б занималась?

Она было начала автоматически отвечать, но прикусила губу.

– Наверно, нет, – сказала она.

– Хорошо. Есть два вида честности – честность с другими и честность с самим собой. Это две отдельные и не зависящие друг от друга вещи. Делай что хочешь с другими людьми, но заруби себе на носу: старайся быть честной с самой собой. Окей?

– Окей.

– "Сон наяву" это очень точное определение, потому что предполагается, что мы спим во время бодрствования, что в точности соответствует нашему случаю. Мы хотим перевести наше основное внимание с персонажа на актёра, который играет роль. Необходимо подчеркнуть это различие, что поможет нам перестать смешивать роль с актёром. Мы хотим сделать своим основным местом пребывания актёра, а не персонаж, который мы изображаем. Понимаешь это?

– Не знаю. Вы имеете в виду всё время осознавать саму себя?

– Да, но беспристрастно, а не в смысле суждения. Когда у тебя в голове звучат внутренние голоса, ведущие воображаемые диалоги, или беспокоящиеся, что ты надела не ту блузку, это тоже элементы персонажа. Актёр может просто расслабиться и наблюдать всё это. Таким образом ты можешь наблюдать саму себя так же, как ты наблюдаешь всех остальных, только с лучшей видимостью.

– Не уверена, что смогу это сделать.

– Конечно, сможешь, это только кажется непонятным. В этом нет ничего кроме наблюдения, осознанности, живости. Пробуждённости. Сначала ты учишься, как это делать, чтобы появилось непривязанное сознание, ты делаешь это с намерением, понемногу, чтобы приобрести навык. Потренируйся, наблюдая за другими людьми, чтобы понять смысл. Наблюдай за ними, интересуйся ими, разбирай их на составляющие и переставляй части местами, а затем просто смотри на себя так, как смотришь на других людей. Со временем у тебя будет получаться всё лучше и лучше до тех пор, пока это не станет твоей второй натурой и ты будешь всегда пребывать в состоянии наблюдения и видеть свой собственный персонаж из той же безличной перспективы, как ты видишь других людей.

– Всё время?

– Да, но уже не как осознанное усилие, а больше как новый способ бытия – всегда быть присутствующим. Большинство людей, которых ты видишь, играют роль, находясь во сне, отсутствуя в своих жизнях. Они полностью находятся в роли и не знают другого образа жизни.

– Как чучела? – спросила она. – Как в первой книге?

– Вот именно. Это способ перехода в другой образ жизни – быть в мире, но не принадлежать ему – начиная прямо с этого момента. Большинство людей никогда не видит разницы между актёром и ролью. Это можно легко заметить, можно посмотреть на людей и сказать. Если бы я встретил твою мать несколько лет назад до начала её изменений, я увидел бы только её персонаж. Сейчас я смотрю на неё и вижу человека за персонажем. Это не значит, что она просветлена или даже полностью пробуждена во сне, это значит, она присутствует. – Я обратился к Лизе, отдыхающей возле бассейна. – Вы согласны с этим?

– Да, – ответила она.

– Понимаешь? – спросил я Мэгги.

– Чуть-чуть, – сказала она.

– Живя неосознанно, мы отрекаемся от своего личного суверенитета. Это значит, мы отдаём ответственность за себя другим людям – родителям и докторам, священникам и гуру, политикам и корпорациям. Мы сделали из себя казённое имущество. Мы живём неосознанно, и это благодатная почва для всех вредных привычек и пристрастий. Когда мы едим неосознанно, мы едим чересчур много неправильной пищи, толстеем и теряем здоровье. Когда мы ходим по магазинам и тратим деньги неосознанно, мы закапываем себя в финансовую яму, в которой можем провести весь остаток жизни. Мы бездумно швыряем своих детей перед экраном телевизора или видео игр, и следующий раз, когда мы обращаем на них внимание, они уже больные диабетом маленькие тюлени.

Мэгги хихикнула.

– Кто виноват, что дети слабы и жирны? Неосознанные родители. Кто виноват, что родители неосознанны? Неосознанные родители. Этот порочный круг неосознанности глубоко укоренился, и разорвать его, как твоя мать может тебе рассказать, может быть чрезвычайно трудно. Выхватив тебя из твоей старой жизни, она разорвала круг. Этот поступок требует смелости и выдержки. Мы хороним себя заживо, и если мы хотим вернуть свою жизнь, мы должны откопать себя. Вот чем и занимается твоя мать: откапывается, разрывает круг.

– Мама станет просветлённой?

– Нет, она станет чем-то намного лучшим.

Она взяла в руки свои записи и минуту смотрела на них.

– Кажется, всё это очень интересно, – сказала Мэгги, – но что наблюдение даст мне в реальности?

– Хорошая девочка, хороший вопрос. Во-первых, это выработает в тебе привычку быть осознанной и присутствующей в своей жизни, что очень хорошо. Если ты не хочешь проспать всю жизнь как большинство людей, ты должна тренироваться в осознанности. Пробуждённость это ключ. Ты должна переключаться с персонажа на актёра по многу раз каждый час, во всех возможных ситуациях, так, чтобы это происходило гладко и легко и не отвлекало тебя от представления.

Мэгги делала заметки и время от времени просила разъяснений. Я подождал и продолжил, когда она была готова.

– Во-вторых, – сказал я, – это разовьёт в тебе способность разотождествляться со своим персонажем. Ты не сможешь сдвинуться с мёртвой точки, поскольку отождествляешь себя со сценической личностью. Ты это актёр, играющий роль на сцене. Именно об этом вся Бхагавад Гита.

– И об этом вы говорите в ваших книгах, – сказала она.

– Верно. Арджуна забыл, что он лишь актёр, играющий роль в спектакле, и начал паниковать, так как не мог её исполнить. Кришна был кем-то вроде режиссёра, и ему пришлось выйти на сцену и напомнить Арджуне, что собственно здесь происходит – что на самом деле он просто актёр, который играет роль.

– Успокойся, Арджуна, – сказала она со застенчивой улыбкой.

– Да, Арджуна потерял самообладание. Кришна говорит ему, перестань вести себя как ребёнок. Он говорит Арджуне, встань и дерись, но на самом деле это значит, открой глаза и смотри. Кришна зажёл огни в зале, чтобы показать Арджуне, что это всего лишь спектакль в театре, чтобы Арджуна смог перестать хныкать и сыграть свою роль, что он и сделал, окей?

– Окей.

– Третья вещь насчёт наблюдения – самая важная, которую большинство людей кажется не понимают, это то, что нужно пойти дальше, чем только один шаг от себя. Ты должен продолжать идти дальше. Это не пассивная вещь, как просто сидеть и наблюдать. Ты не просто наблюдаешь свой персонаж, ты разрушаешь его. Ты должен быть агрессивным по отношению к нему. Это способ симулирования просветлённой перспективы, что может быть полезным тому, кто хочет пробудиться из сна, а не только в нём.

Она начала писать, затем остановилась и посмотрела на меня.

– Я совсем не понимаю, что вы сейчас сказали, – сказала она.

– Окей, итак, мы говорили о сне и пробуждении, верно? О "Парадигме сна" и "Парадигме пробуждения"?

– Да.

– И мы говорили о том, чтобы отойти на шаг от своего персонажа, наблюдая игру, вместо того, чтобы быть полностью поглощённым ей, так?

– Да.

– Значит, как будет выглядеть – сделать ещё один шаг назад?

– Я не понимаю. Как я могу сделать ещё шаг назад?

– Хорошо, опиши свою личность. Актёра, а не персонаж.

– Не знаю, – сказала она. – Я девочка, мне тринадцать лет, американка.

– Продолжай.

– Куда?

– Ты человеческое существо, так? Ты живешь, обладаешь сознанием, подчиняешься физическим законам. Ты существуешь в определённом месте в определённое время. Ты живёшь на маленькой планете в большой галактике в бесконечной вселенной. Это всё аспекты того, кем ты себя считаешь – это твои верования. Так же и со всеми вещами, которыми ты себя не считаешь – ты не этот стол, но ты веришь, что стол есть. Ты не этот воздух, ты не я, ты не эта солнечная система. Это часть того, как ты определяешь себя – как *это*, не *то*.

– Вы хотите сказать, что я это стол?

– Нет. Я говорю, что ты говоришь "нет". Ты веришь в то, что ты и стол – две разные вещи.

– А разве нет?

– Не знаю, как ты думаешь?

Она посмотрела на меня сердито.

– О, боже милостивый, – пробормотала она, в раздумьи высунув язык. – Окей, погодите минутку, – она быстро застрочила в своих записях.

– Ты говоришь, что ты девочка, – продолжал я, – но правда ли это, или это лишь аспект твоей роли? Ты можешь отойти в сторону от своего пола, национальности, биологического вида и наблюдать их так же, как мы говорили о наблюдении персонажа.

– Да?

– Всё, что ты знаешь о себе, не важно насколько реальным или истинным это может казаться, это лишь ещё один слой костюма. Так мы начинаем демонтировать нашу систему истинных верований. Вера относится не только к Богу или жизни после смерти, она касается всего, что мы считаем истинным. Всё, что мы знаем, не важно, насколько мы в этом уверены, в реальности просто вера, а все верования ограничивают сами себя и служат для уменьшения истинной бесконечности до ложной конечности.

Она записала это слово в слово.

– О, боже милостивый, – она нахмурилась, – а с этим что опять не так?

– Я не говорил, что что-то не так.

– Но ничто не является правдой, то есть где мы находимся в пространстве, времени и так далее?

– Не только где ты находишься в пространстве и времени, но сами пространство и время, и дуальность, и причинность, и судьба, и память и всё, о чём только ты можешь подумать. Это всё вещи, в истинность которых ты веришь, элементы "Парадигмы Сна", и ты можешь использовать процесс наблюдения, чтобы стряхнуть с себя эту веру, освободиться от неё. Отойди на шаг от года, десятилетия, тысячелетия. От своего дома, города, своей страны, планеты. Когда ты обнаруживаешь что-либо, что, как тебе кажется, определяет или содержит тебя каким-то образом, ты можешь отойти на шаг от этого – строго объективно наблюдать свою веру, свою привязанность. Всё это просто слои сна. Ты можешь выйти из всех этих вещей и наблюдать их точно так, как ты наблюдаешь внешний персонаж.

– Вы можете привести пример? – спросила она.

– Конечно, – ответил я. – Ты когда-нибудь смотрела новости?

– Да, иногда, для школы и так. Мне нравилось.

– Хорошо, когда ты смотришь новости, ты можешь смотреть их как новости прошлой недели, или прошлого года, даже если это сегодняшние новости.

Она смотрела на меня, грызя ручку.

– Да, – согласилась она, – а зачем?

– Чтобы отделиться, сфокусировать свой ум и зрение на ложных привязанностях, прекратить видеть то, чего нет.

Она записала это. Затем я дал ей ещё.

– Чтобы дистанцироваться от местных, национальных и мировых событий, чтобы увидеть их как абстракции, не более личные для тебя, как если бы они происходили в другое время и в другой стране, или на другой планете, даже если они происходят прямо у тебя за окном.

Она записала, остановилась, записала ещё, остановилась и подняла голову.

– Чтобы помочь тебе увидеть ложную идею о своей локализованной природе, поднять якорь, удерживающий тебя в этом месте и времени. Этот якорь – ничто более, чем эмоциональная привязанность, так же как любая другая.

Она писала, покачивая головой взад-вперёд. Сейчас она не понимает, но она записывает, поэтому это не обязательно. Она сможет переварить это и задать дополнительные вопросы в другой раз, если захочет. Закончив писать, она посмотрела на меня, дескать, есть ли у меня ещё что сказать.

– Чтобы вытащить себя из той части своего персонажа, которая верит, что сегодняшние новости более значимы, чем вчерашние. Легко развеять это убеждение. Новости это как моментальный снимок реки. Они мгновенно устаревают. В конечном счёте, всё, что ты знаешь, на самом деле это лишь то, во что ты веришь. Вот так ты можешь прокопать насквозь все слои своих верований, снять все покровы иллюзии. И как я сказал, это не более, чем наблюдение – видеть то, что есть, разувшись видеть то, чего нет.

– Я знаю, что я есть. Вы это говорили, да? Здесь я не могу ошибаться, не так ли?

– Ты существуешь – это всё, что ты знаешь. В конечном итоге у актёра вообще нет никаких качеств, кроме существования. Ни Бог, ни Иисус, ни Будда не могут сказать больше.

– Получается, что всё это просто игра в верю-не-верю?

– В этом суть. Все эти слои, которые содержат и определяют себя, это часть этой игры. Всё, что тебе нужно сделать, это перестать создавать веру. Но не посредством создания новых верований, а уничтожив старые путём ясного видения привязанностей, убеждений и ложных аспектов себя. Когда у нас действительно это получится – увидеть ясно – мы ломаем привязанность. Привязанности рвутся путём освещения, фокусирования на них ума. Они не выдерживают этого.

Мэгги повернулась к своей матери, которая лениво развалилась возле бассейна.

– Это то, чем ты занимаешься, мам?

– Точно не знаю, – сказала Лиза. – Думаю, достаточно большая разница – делать это как упражнение и делать это в действительности. Просто сделать один маленький шаг так трудно, что даже кажется невозможным думать о том, что будет после. И я не говорю о таких вещах как пол или национальность. Я говорю только о таких тонких слоях собственного имиджа, как заслуживающая доверия женщина или хорошая жена. И, должна признать, я делаю это выборочно. Пытаюсь, во всяком случае.

– Может, всё было бы по-другому, если бы ты научилась наблюдать, когда была молодой, – предположила Мэгги.

– Если бы кто-то говорил со мной так, как мистер МакКенна сейчас говорит с тобой, объясняя разницу между персонажем и актёром, я бы никогда так крепко не засела. Думаю, я выросла бы совсем другой, и сейчас не было бы необходимости всё исправлять.

– Как ты думаешь, лично я должна это делать?

Лиза вздохнула.

– Не вижу ничего неправильного в том, чтобы быть более осознанной, дорогая.

– И где во всём этом вы? – спросила меня Мэгги.

– Хороший вопрос. От персонажа, который сидит здесь и говорит с тобой, ты узнала обо всех этих слоях до самого конца через дуальность, время и пространство, так?

– Да.

– Быть пробуждённым, значит не быть обманутым всем этим. Нет никаких слоёв. Ты пробуждён из сна.

– Нет даже судьбы?

– Даже судьбы.

– Но откуда вы знаете, что стать просветлённым не было вашей судьбой?

– Опять хороший вопрос. Я не знаю. У меня нет знания на этот счёт. Я вышел из сна в

пробуждённое состояние, и кто знает, какие факторы сыграли роль? И, откровенно говоря, кого это волнует? Листок упал в реку и задержался на камушке. И что? Он ничего не может объяснить. Какая разница, как он туда попал или куда поплывёт потом?

– Но ведь нельзя выйти из сна в пробуждённое состояние, и всё равно иметь эго?

– Верблюду легче пройти сквозь игольное ушко, чем ложному я войти в пробуждённое состояние.

– Но что остаётся?

– Логическая невозможность – я без я, существо без эго. Как ты видишь, я всё ещё здесь, в физическом мире, подчиняюсь физическим законам, но только это тело и этот персонаж. У актёра ничего этого нет. Было бы даже точнее сказать, что актёр мёртв.

– Мёртв?

– Если человек мёртв, но его тело ещё гуляет, это зомби. Если человек мёртв, а гуляют его тело и личность, это просветлённый. Знаю, это кажется совсем непонятным, но мои средства описания очень ограничены. Мне это абсолютно понятно, как и любому другому в пробуждённом состоянии.

Она качала головой, делая записи.

– Что? – спросил я.

– Не думаю, что смогу рассказать это в классе.

Новый мир

Всё серьёзное и глубокое мышление это лишь отважное усилие души сохранить открытую независимость своего океана, когда свирепейшие ветры небес и земли сговорились выбросить её на предательский рабский берег.

– Герман Мелвилл –

Прошло, должно быть, две недели после мотоциклетной аварии, прежде чем мы со своей собакой смогли возобновить ночные визиты к Фрэнку, чтобы посидеть у бассейна, выпить вина, выкурить сигару. Я мог выводить Майю только на короткие прогулки через несколько дней после того, как разбил мотоцикл – трость в левой руке, длинный пластиковый подборщик и метатель теннисных мячей в правой – но мне посоветовали много не ходить так скоро.

Я использовал эту возможность, чтобы извлечь выгоду из домашнего кинотеатра и огромной коллекции фильмов в поместье. Владелец дома, который вращался в музыкальном мире, похоже, собрал всё, что было выпущено самыми известными дистрибьютерами – как музыку, так и фильмы. Я думал, что у меня не возникнет проблем устроиться в такой прекрасно оборудованной и технологически навороченной комнате на недельку или две, и просто смотреть кино и музыкальные представления, но это надоело мне в первый же час.

Чтение книг, просмотр фильмов и телепрограмм, слушание музыки – всё это может показаться пассивной деятельностью, но это не так. Мы должны что-то отдавать взамен. Здесь ты не только берёшь, но и отдаёшь. Необходимо установить связь – сделка о соучастии должна быть совершена и поддерживаться. Если мы не предоставим свои эмоции, их не будет. Если мы не наведём мосты, связи не возникнет. Это, разумеется, касается всего внешнего для нас, с чем мы формируем связи, но для меня почти всё остальное уже отпало. Я вроде бы надеялся, что эскапистские* фильмы, музыка и бессмысленные книги будут продолжать развлекать меня ещё несколько лет, но...

*эскапизм – уход от действительности

– Вы же не имеете в виду, что все книги и фильмы бессмысленны? – спросила Лиза, читая через моё плечо. – Эй, – сказала она, – перестаньте! Перестаньте печатать то, что я говорю, эй!

Она рассмеялась и занялась бумагами, наполнением стаканов и наведением порядка,

прежде чем занять своё обычное место на другом конце стола.

Я – человек целенаправленный. Всё, что я делаю, либо относится к книгам, как чтение, писание и прогулки, либо это бездействие, как принятие пищи и сон. Я говорил об этом с Лизой, и она согласилась, что это необычно, но не неслыханно. Я спросил её, знала ли она кого-нибудь похожего, и она ответила, нет, все, кого она знала, всегда распылялись в сотнях различных направлениях, но она имела представление, что должны существовать сильно сконцентрированные люди в любой отдельно взятой области – в искусстве, науке и исследовании, в спорте, в бизнесе. Особенно в духовности, размышляла она, цитируя различных людей, отрешившихся от мира и связавших себя обетами, чтобы подкрепить свою мысль.

Я согласился с ней, только я не был страстным или даже очень сконцентрированным. Я больше склонялся к вялому краю спектра целенаправленности. Фильмы, которые мне нравятся, это не фильмы которые нравятся мне – это фильмы, которые служат книгам. "Ванильное небо" и "Abre los ojos", "Матрица" и "Тринадцатый этаж", "Плезантвилль", "Джо против вулкана", "Выпускник" и "О Шмидте" – вот некоторые из моих любимых фильмов, но я бы и не подумал смотреть их. Они любимые, потому что я оцениваю их на уровне притчи. Они полезны для коммуникации, потому что все их знают, или легко могут узнать. Есть ли у меня лично любимые фильмы? Вот в чём вопрос, полагаю. У меня их нет. Нет личности, которая имела бы персональные предпочтения, есть только целенаправленная личность, которая имеет целенаправленные предпочтения.

Книги? То же самое. "Моби Дик", "Листья травы", "1984", "Уолден" и некоторые другие можно было бы считать моими любимыми, но у меня нет их физических копий, а если бы они и были, я не стал бы снимать их с полки. Недавно я сделал слабую попытку перечитать что-нибудь из Керуака, Буковски, Достоевского, Солженицына, Гамсуна и Камю, но вместо того, чтобы читать в удовольствие, больше казалось, что я ищу что-то для моих собственных книг – ещё одного "Моби Дика" или "1984", возможно – хоть и не ожидаю найти.

Зачем я вам всё это говорю? В чём смысл? Это то, о чём я говорю с самой первой своей книги, и это то, что человек, кому интересны эти книги, захочет понять про пробуждённое состояние. В этом удалении из жизни нет ничего поэтического, возвышенного или блаженного. Джек МакКенна, персонаж, превращается в ноль уже более двадцати лет, и теперь почти уже аннулирован. Это как быть ста лет от роду. Это больше не мой мир, хотя я всё ещё живу в нём. И как в случае со столетним стариком, у меня ничего нет на горизонте. Нечего ожидать, не на что надеяться, и ничего не может произойти, чтобы улучшить ситуацию. Если я выиграю лотерею, вылечу рак и женюсь на супермодели, ничего не изменится. К счастью, я не считаю свою ситуацию неприятной. Я не желаю, чтобы она была иной, нежели она есть сейчас. Она естественна, комфортна и прекрасна.

Может быть, другие люди пишут другие книги, рассказывающие об этой стороне вещей, о живой реальности состояния реализованной истины, на что это похоже в первые два года, после первых десяти, двадцати лет. Быть может, есть такие книги, я уже долгое время не просматривал. Мне известны некоторые, но они напичканы таким количеством божественно-любовно-прекрасно-умиротворённой ерунды, что приходилось соскребать её карандашом. Это состояние не имеет черт, украшений, границ, и о нём нужно говорить именно так. Нельзя ничего сказать в пользу него, кроме того, что это не ложь.

В этот период я был удивлён чем-то похожим на дружбу, сложившуюся у меня с отцом Лизы. Это большой, грубоватый, деловой человек, по крайней мере, снаружи. Внутри он как современный Ричард Морис Бёкк – одухотворённый романтик с видением образа будущего человечества, который как соблазнительно возможен, так и смехотворно невероятен. Он представился мне посредством электронных писем, начав со своих впечатляющих академических рекомендаций. Затем несколько параграфов он говорил лестные слова обо мне, о моих двух книгах, и объяснял что он-де сейчас на пенсии, недавно овдовел, понемногу сходит с ума и надеется, что найдёт во мне того, с кем можно обсудить идеи, которые формировались в нём с начала шестидесятих годов, но которым он не смог дать полного выражения в течении

своей академической карьеры.

На этом всё едва не закончилось. Я не веду много корреспонденции. Серьёзно настроенные люди не нуждаются во мне или в ком-то ещё, им нужно только найти следующий вопрос, сделать следующий шаг, найти следующего врага и вести следующую битву. Несерьёзно настроенные люди неизменно ищут пути, чтобы занять и отвлечь себя, поэтому им не приходится предпринимать реальных шагов или вести реальных битв. В этом уж точно им не нужна моя помощь, и для них не будет проблемой найти массу помощи где-то ещё. Современная духовность во всех своих проявлениях существует для поддержки духовной инерции – тенденции ищущего на отдыхе оставаться на отдыхе. Я вступил в соглашение со вселенной на ранних стадиях этого проекта, что не позволю себе быть втянутым во всю эту личную драму и духовный эскапизм, и мы всегда понимали друг друга на этот счёт.

Но раз от разу кто-нибудь ко мне пробивается, как было и с Фрэнком. Я просматривал свои электронные архивы, и в колонке "От" снова и снова попадалось его имя. Оно застряло у меня в голове, и в конце концов я стал читать его письма, чтобы выяснить, зачем этот человек написал мне тридцать один раз.

Когда я начал читать письма Фрэнка, первое из которых было написано более года назад, стали явными некоторые признаки, означавшие, что он должен сыграть определённую роль в третьей книге, и что я должен принять его настойчивое приглашение посетить его дом в Мексике и воспользоваться его библиотекой. Во-первых, он упомянул о кризисе, в котором находилась его дочь, что имело некоторую связь с моими двумя первыми книгами. Во-вторых, он ссылаясь на "1984" Оруэлла, который я прочёл три или четыре раза в предыдущем месяце с почти таким же удовольствием, с каким читал "Моби Дик" несколькими годами ранее. "1984" мог бы быть жестоким обвинительным актом политического гнёта или предостерегающей историей о неприкосновенности личной жизни, как думает большинство людей, но как и "Моби Дик", книга действует на гораздо более интересном уровне – свобода против оков, истина против иллюзии, человек против Майи.

Приведём здесь момент, где Фрэнк говорит именно об этом.

Мы, люди, мистер МакКенна, имеем два ума – Конечный Ум и Бесконечный Ум. Точнее, мы бесконечные существа со способностью жить и функционировать в конечной форме.

Ситуация человека, в широком контексте, такова, что мы полностью забросили Бесконечный Ум и обосновались исключительно в Конечном, что-то вроде переезда из Версаля в картонную коробку, хотя действительная разница гораздо больше, ближе к тому, как покинуть рай ради ада. По сути, это именно так. Мы изгнали, исторгли сами себя из райского сада. Мы – падшие ангелы. Человек – свой собственный Люцифер, а мир – его преисподняя.

Сейчас я сделаю небольшое отступление.

Ссылки на библию вызывают во мне почти автоматическую реакцию – пропустить их и читать дальше – своего рода ментальный рвотный рефлекс. Фактически, цитирование кого-либо или чего-либо как авторитета означает для меня автоматическую дисквалификацию. Я люблю использовать цитаты и выдержки в поддержку мысли, которую я выражаю, но никогда так, чтобы в них нужно было поверить или положиться на них, как на источники авторитета. Единственный авторитет это собственное суждение, собственные силы разума и понимания. Полагаться на авторитет, значит пытаться перескочить через шаг, а это невозможно. Всё, что необходимо понять, мы можем понять самостоятельно. Мы не должны отрекаться от своего суверенитета ради любого другого индивида, книги или института. Всё, что нам необходимо, находится в пределах нашей досягаемости, ничто не утаивается, и никто никогда не пропустил ни единого шага.

Догма и идеология нашего воспитания особенно пагубны в этом отношении. Они окрашивают и формируют наши мысли в гораздо большей степени, чем мы можем это осознать. Духовные искатели с любой подготовкой могут чувствовать уверенность, что отбросили идеологическую обработку, внушённую им в молодости, и продвинулись дальше, но это гораздо легче сказать, чем сделать.

Любой может перестроить поверхность своей личности как и когда ему вздумается – изменить одежду и причёску, изменить имя и адрес, национальность и религию – но изменения, происходящие на поверхности лишь косметические. Это как выкрасить дом в другой цвет и назвать его другим домом. Он не другой. Это тот же самый дом, то же строение, фундамент, просто другой цвет. Мы можем добавить орнаментов, занавесить его тканью, обновить ландшафт, но по существу это ничего не изменит. Если мы хотим, чтобы это был другой дом, мы должны снести его, разрушить фундамент, вывезти мусор и начать всё сызнова.

Часто задают вопрос: может ли человек реально измениться? Ответ – да, и вот как: всё разрушить и построить заново. Умереть и переродиться. Это единственный путь. Мы можем десятилетиями сидеть в медитации или терапии и оставаться тем же человеком, каким были в самом начале. Мы можем прочесть все книги по самопомощи, подписаться на все журналы, вступить во все группы, пройти все курсы, приложить все усилия, но если останется та же структура и тот же фундамент, то не имеет значения как мы изменим свою наружность и поведение, мы останемся тем же человеком.

Реальные изменения происходят гораздо глубже поверхности, на обычно неизведанных и непредвиденных глубинах, и до тех пор, пока мы не опустимся внутрь до тех глубин, мы не сможем заявить ни о каком понимании себя или власти над собой. Пока мы не совершим это путешествие, мы абсолютно подвластны невидимым силам, как качающиеся пробки на волнующемся море, но мы не пускаемся в это путешествие, потому что легче убедить себя, что это наше качание заставляет море волноваться.

Суэта.

Конец отступления.

В случае с Фрэнком, я был рад, что благополучно перенёс ссылки на библию, потому что на протяжении тридцати одного письма он смог нарисовать интригующую картину альтернативного будущего для всего человечества, которое он называл, лишь наполовину в шутку, Новым Миром, а иногда Новой Америкой. И хотя он знал, что этого никогда не будет, и не был оптимистом насчёт будущего человечества, он всё же был достаточно любезен, предоставив не только карту Новой Америки, но и средство, с помощью которого все смогут туда попасть, хотя средство печально известное и сильно оклеветанное.

Почему-то всё перевёрнуто вверх ногами. Не зная ничего лучшего, мы возвысили банальности физического выживания до предела человеческого опыта – еда, питьё, чувственные удовольствия, секс и бракосочетание, сборища – какие трогательные утешения! Богатство, власть, престиж – подобные слова даже не появились бы в лексиконе общества Целостных Существ, но для нас, Полуросликов, это всё, что есть.

Чересчур? Я преувеличиваю? Прошу вас, читайте дальше, мистер МакКенна, и посмотрим, не окажется ли так, что вы будете полностью со мной согласны.

Было две вещи в первых письмах Фрэнка, которые привлекли моё внимание. Первое это его убеждённость, что все всегда во всём неправы. Это пришлось мне по душе. Кажется, что это плохо, но на самом деле это очень хорошо. Это значит, что неправильны не миллионы вещей, а только одна, прямо в источнике, а всё остальное, что кажется неправильным, исходит из единственной центральной ошибки. Хотя может так не казаться, но это очень человеческая, оптимистическая точка зрения, и я полностью с ней согласен.

Вторая вещь, привлекавшая моё внимание, и которая была в самом сердце всего его послания, что мы все можем быть Буддами – сейчас.

Ну, очень скоро, во всяком случае. И он не шутил.

Это тоже было по мне. Духовная элитарность в любой форме это безошибочный симптом синдрома "слепой ведёт слепых". Всё, чем мы являемся, это сознание. Предполагать, что одно существо может быть лучше или хуже другого, значит обнаруживать совершенное невежество относительно простейших материй. Нет второстепенных людей, и ни одно осведомлённое духовное учение или религия никогда не заявит, что кто-то может быть лучше или хуже.

Но Фрэнк имел в виду совсем не это. Он не говорил, что мы все равны в сознании. Он

говорил, что мы все могли бы быть Буддами – сейчас.

Не каждый способен сделать такое заявление.

Конечный Ум это в действительности ничто более, чем интеллект системы поддержки физической жизни, что позволяет нам переживать и исследовать Бесконечный Ум, глядя снаружи внутрь. Переживание и исследование Бесконечного Ума это наши смысл и цель.

Конечный Ум поддерживает в теле жизнь и здоровье. Это необходимо для выживания и репродукции, но выживания и репродукции для какой цели? Выживание и репродукция ради ещё большего выживания и репродукции? Это звучит абсурдно, но до сего момента именно в этом состоит история человека. Всё, чем мы занимаемся, это толчём воду в ступе, шагаем на месте.

Но так не должно быть, и те, кто посмотрел (их много, как вы увидите), заметили, что это вовсе не обязательно. Мы живём пустые жизни, да сэр, но мы делаем это по ошибке, и эта ошибка может быть исправлена.

– Боюсь, он немного ненормальный, – сказала Лиза, прочитав первые несколько абзацев.

– Да, – согласился я, – в разных местах он называет себя, – я сверился с записями, – чокнутым весельчаком, беззубым бунтовщиком, революционером в инвалидном кресле, пассивным радикалом и прагматичным утопистом.

Лиза взяла следующую страницу и продолжила читать слова своего отца.

Конечный Ум это неотъемлемая часть уравнения Конечного и Бесконечного – Инь и Ян всех разумных существ – но у нас совсем не то. У нас только Инь, и нету Ян. Мы плоские, безжизненные факсимиле тех существ, которыми нам предназначено быть. Мы не просто потеряли какую-то часть, нам не хватает целого измерения. Когда одна половина утеряна, другая становится новым целым, что является совершенно иным существом – Полуросликом.

Мы делаем всё, что в наших силах, чтобы отрицать реальность нашего положения. Мы злоупотребляем своим разумом и доверчивостью, чтобы отрицать и рационализировать свою ситуацию, вместо того, чтобы признать и исправить её.

Пропросту говоря, нам всем предназначено быть Буддами – всем и каждому. И эта развращённая, презренная, адская планета может стать раем – сейчас.

– Боже правый, – простонала Лиза. – Мой отец точно рехнулся?

– Тогда я тоже.

– Замечательно, два самых важных мужчины в моей жизни в этот критический момент, и оба с диагнозом. Вы собираетесь поместить этот материал в книгу?

– Вы знаете, что он подразумевает?

– Понятия не имею. Он занимался кучей всяких странностей. Боюсь, это звучит немного похоже на ньюэйджевский мистицизм или что-то наподобие.

– Вроде того. Мистицизм для масс. Каждый мужчина, женщина и ребёнок – Будда. Космическое сознание. На руинах этого общества возникнет новое. Вот о чём он говорит.

– О, господи, серьёзно, вы что, оба сошли с ума?

– Это только гипотеза.

– Но он говорит, это *могло* произойти.

– О, да, конечно. Этого не случится, но теоретически могло бы. Поэтому это интересно. Никто из нас не думает о том, что это реально произойдёт, мы не какие-нибудь активисты или общественные деятели. Скорее это похоже на то, как двое перекрикиваются через бассейн большими, раскидистыми идеями, пытаясь оценить, на что был бы похож мир сегодня, если бы революция не потерпела поражение.

– Была революция? – она испытующе посмотрела на меня. – Какая революция?

Настоящее положение человека на земле, по сравнению с тем, как могло и должно было

быть, это состояние бытия намного более ужасно, чем описывали или когда-либо будут описывать писатели. Мы можем посмотреть на мрачные образы Хаксли, Замятина, Оруэлла, Бёрджесса, Рэнда, Брэдбери и других, и подумать, как нам хорошо в сравнении с тем, как плохо могло бы быть, но если мы присмотримся и увидим наш истинный потенциал, станет болезненно ясным, что ни одна когда-либо воображённая мрачная картина не может соперничать с нашей собственной кошмарной реальностью, с этим безысходным ужасом. Эмерсон был прав, когда говорил, что человек это руины бога, а что может быть более ужасно? Мы – свой собственный наихудший сценарий. Нас защищает только наше невежество, но именно этот щит невежества и заключает нас в тюрьме. Звучит знакомо, мистер МакКенна?

Я показал Лизе папку, содержащую печатные копии писем её отца.

– Боже, – сказала она, – он действительно полностью выложился.

– Думаю, в нём это созревало на протяжении сорока лет. Похоже, что все его разнообразные интересы за все эти годы как бы привели его к этому окончательному выводу. Разумеется, это выходит за рамки любого вида академического использования, но теперь он наткнулся на меня, и может вывалить всю эту безумную теорию на того, кто сможет её оценить.

– И опубликовать.

– Это всегда было в планах.

Она вскинула брови.

– Всегда?

– Конечно, третья книга не сможет игнорировать этот материал. Для меня ваш отец это просто прогулка, а я всё равно собирался прогуляться.

– Значит, его идеи для вас не новы?

– Здесь на самом деле только одна идея – одна проблема и одно решение.

– И эта проблема...?

– Что мы принимаем себя за целостных существ, тогда как в реальности мы...

– Полураслики, – сказала она.

– Полулюди, да, и эта половина не самая лучшая. Ваш отец потратил годы, отслеживая все недостатки человечества назад к их источнику, и в конце концов вынужден был сделать невероятный, но неоспоримый вывод. Я пришёл к этому другим путём. Я начал с невероятного, но неоспоримого вывода, и шёл от него наружу. Та идея, что все всегда во всём неправы, мне очень по душе – это сущностная природа сна. Ваш отец долгое время наблюдал, чтобы увидеть это, но для меня это само собой разумеющееся.

– Всё это звучит довольно угнетающе.

– Правда? Мне известно единственное, что может угнетать человека, это покрывало эго, и быть таким угнетённым хорошо, потому что тогда можно пробудиться к своей ситуации и исцелить её, как делаете вы сейчас. Каждый должен быть чертовски угнетён, только тогда что-то действительно может произойти. Причина, по которой мы не совершаем самоубийство миллионами, в том, что мы живём в постоянном состоянии защитного отрицания, которое окутывает нас подобно невидимой мембране, цена которой – жизнь на самом минимуме осознанности. Первые жизненные необходимости: еда, вода, укрытие, одежда, отрицание и отвлечение. Имея всё это, мы можем заняться делом по выращиванию следующего поколения ходячих мертвецов.

– А вы – единственный луч света, да?

– Вы не согласны?

Она вздохнула.

– Наверное, согласна, просто это звучит как-то – фу!

– Мы лишь царапнули поверхность того, чем в реальности является человеческое существо. Для меня, для Бёкка и для вашего отца, думаю, это вовсе не угнетающе. Человеческий род не ущербный, он просто поломался. Это хорошие новости. Это значит, мы можем исправить себя. Нам не обязательно такими быть. Можно найти решение. Может

произойти что-то действительно интересное. В любом случае, это основная предпосылка тех идей, с которыми мы любим поиграть с вашим отцом.

– А что это за потенциал, который у нас есть?

– Бесконечный Ум. Вход Внутрь. Все мужчины, женщины и дети – Будды. Свободный и лёгкий доступ для каждого. – Я посмотрел на неё поверх очков. – Вы действительно не в курсе всего этого?

– Действительно.

Человек бедствует не от несчётных тысяч непреодолимых проблем, как это без сомнений кажется, но от единственной коренной проблемы, из которой исходят все остальные. Мир нам кажется тёмным, мрачным и неизвестным, поэтому мы ошибочно полагаем, что он *является* тёмным, мрачным и неизвестным, и мы живём свою жизнь, основываясь на этом безосновательном предположении. Не зная ничего лучшего, мы изо всех сил, наобум, вслепую пытаемся истолковать тени и понять темноту. Для этой цели у нас есть наши умнейшие люди – учёные, мудрецы, священники, знатоки, поэты, артисты – все жаждут помочь нам понять мир, что у них не очень-то получается, и вполне ясно, что никогда не получится. Мы делаем то, что делали всегда, и это привело к такому миру, какой мы имеем в настоящем – миру, который ни в чём значительном не лучше того мира, который был раньше, потому что человек сам ни в чём значительном лучше не стал.

Но есть и хорошая сторона.

Потенциал человека не тёмный, мрачный и неизвестный – это сознание, и оно бесконечно. Мы можем потребовать обратно измерение бесконечности, от которого теперь оторваны страхом, эго. Мы можем снова получить доступ туда, откуда были изгнаны – в райский сад, небеса на земле. Любой и каждый может сделать это, или так говорит теория. Это предназначено для элиты, или для очень умных, или преданных не более, чем солнечный свет предназначен для здоровых или достойных. Это не занимает годы, десятилетия или жизни. Это доказанная, задокументированная, неопровержимая, последовательно воспроизводимая наука. Это легко, дёшево, и здесь прямо сейчас. И это значит, что каждый, вне зависимости от обстоятельств, не важно насколько он высок или низок, насколько болен или здоров, богат или беден, находится не более чем в часе от более популярной, но не постоянной, версии духовного просветления:

Божественное Сознание.

Теперь рассмотрим другой подход к проблеме. Вместо того, чтобы вслепую блуждать в темноте и отчаянно удерживать самообман, что мы такие чертовски счастливые и так хорошо умеем со всем управляться, можно зайти с противоположной стороны. Мы можем вызывать и культивировать в себе критическое недовольство. Мы можем быть агрессивно пессимистичны. Мы можем упорно смотреть и ясно увидеть. Мы можем открыться достаточно полно доказанной возможности, что яркий конец нашего видимого спектра на самом деле всего лишь полумрак, что мы поистине невежественные животные, что наши сказочные системы верований ниже всякого презрения, и что все наши попытки возвыситься приводят лишь к самообману. Вооружившись этими несколькими очевидными истинами, мы можем после столь долгого сопротивления сложить оружие, сказать страху "да" и войти в него. Мы можем признать тот факт, что мы лишь толчём воду в ступе, откладываем неизбежное, отвлекаем себя различными мелкими делами, пока не соскользнём в темноту, отрицанию которой посвятили всю свою жизнь.

Когда мы отследим все проблемы до их единого источника, мы обнаружим, что мир кажется тёмным, мрачным и неизвестным не потому, что он таким является, но потому, что линза, через которую он проецируется/воспринимается, загрязнена. Линза это "я", а грязь это эго. Почистите линзу, и мир разрешится кристальной ясностью, и темнота и мрачность будут забыты, будто их никогда и не было. (Уберите линзу вообще, и вы просветлены, но тогда, кто останется, чтобы быть просветлённым?)

Вот почему любое истинное и законченное духовное учение может быть полностью

выражено в нескольких словах: прочисти линзу, думай самостоятельно, открой глаза, узнай сам, спрашивай, кто я? Все мировые духовные системы посвящены тому, чтобы извлечь максимальную выгоду из минимума, но зачем извлекать максимальную выгоду из темноты, когда просто можно включить свет?

Потому что мы не настолько недовольны. Мы не знаем, где выключатель, потому что не искали его, а не искали мы его потому, что не знаем, что живём во тьме.

Фрэнк знал, что человечество обитает в состоянии вечной тьмы, что уже хорошо, но мы говорим здесь о нём потому, что он знал так же, где выключатель.

Золотая Дверь

*Гремевшие в истории державы!
Отдайте мне всех тех, кого гнетёт
Жестокость вашего крутого нрава, —
Изгоев, страстно жаждущих свобод.*

*Стань маяком величия и славы,
Светильник мой у золотых ворот.*

– Эмма Лазарус, "Новый Колосс" –
(Перевод В.Кормана)
(Надпись на постаменте Статуи Свободы)

Фрэнк был наследником взглядов д-ра Ричарда М.Бёкка, автора вышедшей в 1901 году книги "Космическое сознание". Он видел то, что видел Бёкк, знал то, что знал Бёкк, и, как и у Бёкка, у него хватило ума, воображения и смелости сложить вместе все части и представить себе картину будущего, где мы все будем иметь полностью гарантированный и неограниченный доступ к своим внутренним измерениям. С одной стороны это похоже на самую очевидную, желаемую и естественную вещь на свете – свободу. С другой стороны, это звучит как роковое безумие и опасный радикализм. Ересь.

Фрэнк рассказал мне, что он всегда планировал написать "Космическое сознание – 2", но у него была проблема, противоположная той, что была у Бёкка. Когда, вероятно, всё, что Бёкк мог сделать, это кое-как подсобрать горстку анекдотов, Фрэнка омывало целое море чётких докладов из первых рук – некоторые получены в научной обстановке, некоторые нет, но в их убедительности, мощи и неопровержимости дефицита не было. Реальная проблема, объяснил он, была не в одноразовом событии, но в продолжительной трансформации – неизменном духовном подъёме индивидуума. Подобные случаи, сказал он, встречаются не так уж часто, но всё же их можно найти.

Он не хотел писать просто ещё один обновлённый пересказ несостоявшейся маленькой революции. Он хотел продолжить в духе Бёкка и подойти к предмету с почти детской радостью, с возбуждением рождественского утра, как будто замечательный подарок человечеству от Бога лежит у наших ног, завёрнутый в блестящую бумагу с прекрасным бантом, ожидая когда мы вскроем его, а в нём – мы сами. Это была его дилемма: детскую восторженность плохо воспринимают в залах академии. Радостью рождественского утра сыт не будешь. Фрэнку нужно было думать о карьере и кормить семью.

Он так и не написал эту книгу, поэтому ему придётся удовлетвориться несколькими неадекватными страницами в моей. Я не могу говорить за него, но самым большим разочарованием в его жизни было то, что он тоже не мог.

Фрэнк не был в Гарварде или Миллбруке с Лири, в секвойном лесу или в автобусе с Кизи, или в тюрьме с кем-то из них, он был где-то там, на периферии, только начинал свою академическую карьеру, полный важных идей, со слегка мятежным рвением. Он уже был

знаком с Бёкком, Уитменом, Торо, Эмерсоном, и прочими. Он уже был поглощён мировоззрением о лучшем человечестве и был убеждён в своём потенциале к перевороту. Он понимал и верил в то, что Бёкк называл космическим сознанием, но проблема, как он думал, была в доступе. Что хорошего из этого чудесного дара, которым предположительно обладал каждый, если никто не мог получить к нему доступ. Что хорошего в двери, если ты не можешь открыть и пройти через неё?

– Дело не в двери, или стене, или ключе, – говорил он мне во время одной из наших вечерних бесед, – ни в чём таком. Всё это имеет значение только на этой стороне. Вопрос в том, что на другой стороне. Вопрос в том, чтобы пойти туда, быть там. Тогда весь этот вздор про двери и ключи забывается.

Я согласился с ним в этом переименовании парадокса несуществующих врат. Свободный человек чувствует свободу не больше, чем человек, который не горит, чувствует, ээ, что не горит. Свобода это концепция тюремного менталитета. Это то, о чём вы думаете, глядя на стены без окон и запертые двери. Как только вы вышли за их пределы, сама концепция пленения и свободы уходит из вашего существования.

Так вот, Фрэнк в конце пятидесятых и начале шестидесятых всматривался в стену, где, он знал, должна быть дверь, но которую он не знал, как открыть. Может быть, сам он мог пройти через неё, но в самоотверженном духе буддхисаттвы он хотел отворить её для всех. "Почему она должна быть закрыта?" однажды он спросил меня. "Какой, чёрт возьми, смысл во всём остальном, если у нас нет этого?"

Хороший вопрос.

И затем, что должно было появиться перед его пытливым взором? Золотой Ключ. По большому счёту чудо, и для стиля мышления Фрэнка гораздо более важное, чем открытие огня или изобретение колеса. И как в случае с его знаменитыми гарвардскими прототипами, первые ключи, о которых он узнал, были латунь и олово, но они вскоре были бы вытеснены истинным Золотым Ключом: диэтиламидом лизергиновой кислоты. ЛСД.

Раз – и ты Будда. Свободный и лёгкий доступ для каждого.

Новый Мир. Так Фрэнк назвал свою мечту. Он думал, что это истинная свобода, и что ответственность за наступление новой эры полностью реализованного человеческого потенциала лежит на плечах Америки. Для него это было американской мечтой, эмерсоновским идеалом – не машина в каждом гараже и не цыплёнок в каждой кастрюле. Новый Мир Фрэнка имел отношение к новому завтра, а не к продолжающейся вниз спирали жадности, коррупции, болезней и сводящей все труды на нет посредственности.

Фрэнк, имея ясное представление о потенциале человечества, был опечален его нынешним состоянием, и точно так же, имея ясное представление о потенциале Америки, он был раздосадован в отношении её теперешнего состояния. Я думаю, это могло быть одной из причин, по которой они с Изабель купили этот дом в Мексике много лет назад, проводили в нём свои отпуска, и в конце концов поселились здесь на пенсии. Фрэнк питал тихое отвращение к Соединённым Штатам Америки.

Он нёс в себе некий печальный дух разочарованности. Из наших полупьяных бесед я смог составить довольно ясную картину, почему. Просто, он был патриотом. Он любил Америку, но под представление об Америке, которое имело для него значение, реальная Америка не подходила. Он питал эти чувства не к месту и не к людям, но к самой идее. Он не был националистом, он был идеалистом и гуманистом. Он чувствовал, что Америка не смогла исполнить предначертанную ей судьбу. Он думал, что нам суждено было открывать новые границы, а не отгораживаться от них стенами и замазывать их штукатуркой. Когда-то он приравнял свои чувства к США к своему сыну, на которого возлагал высокие надежды и ожидания, но лишь для того, чтобы увидеть, как тот вырос в заурядного уличного головореза и наркомана, без надежды на спасение – утерян весь потенциал, исчезла всякая надежда. Он печально вторил батальному сну Линкольна, что его нация получит новое свободное рождение. "Но то, что началось в людях, людьми и для людей, – говорил он, – теперь в происходит

корпорациях, корпорациями и для корпораций".

Когда я знал его, он всё ещё обладал юношеской мечтательностью, которую большинство из нас теряют в подростковом возрасте, сорт упорного оптимизма, из которого он так и не вырос. Хорошо, что он любил выпить, иначе я бы никогда не увидел это в нём. Во хмелю он не начинал громко говорить, шататься или пускать слезу, он лишь испытывал ностальгию по идеализму своей юности.

И даже в этом он не был особенно сентиментальным. Он не тосковал по своей мертворожденной революции, он просто выражал печаль, что однажды ему удалось заглянуть в слегка приоткрытую дверь – мечты об эмансипации, об освобождённом человечестве. Все мужчины, женщины и дети – целостны и завершены. Он подходил к этому так, словно для него это была академическая проблема, но за его словами стояло много чувств. Такие слова не могут быть сказаны без большого количества чувств за ними. В случае Бёкка, как и Фрэнка, слова подпитывались прямым переживанием реальности, которая стоит за этой, и уверенное знание, что эта реальность пустая и плоская в сравнении с той. Прямое переживание космического сознания может вызвать большое количество чувств.

Остальное – история. Мечта мертва, убита в собственной колыбели.

– Но совсем немного она была здесь, – сказал мне Фрэнк в один из тех пьяных вечеров. – Мы могли открыть эту дверь для всех навсегда, или так нам казалось. Я всё ещё не знаю, что случилось. Всё так быстро исчезло. Ну, вы знаете эту историю, вы читали книги. И вот, пожалуйста, сорок лет спустя поглядите на этот наш смехотворный мир. На что он был бы похож, если бы нам удалось удержать открытой ту дверь? На что мы были бы похожи спустя несколько поколений? На что бы *это* было похоже? Это не было бы похоже на Вудсток или на Хэйт-Эшбери. То была мелочь. То были лишь первые безумные минуты истории, которая никогда не была написана. Теперь дверь превратилась в стену. Может, это хорошо. Может, лучше, что люди не знают.

Какая замечательная причина быть на проигравшей стороне.

– Это так не похоже на моего отца, – сказала Лиза, когда мы гуляли по берегу. – Я знала, что он любит эту книгу, "Космическое сознание", но мне и в голову не приходило, что у него были все эти сумасшедшие идеи об эволюции и прочем.

– Похоже, такие вещи человек в его положении хотел бы сохранить в тайне, – сказал я.

– От собственной семьи?

Я не ответил. Она знала, что мне не стоит задавать личных вопросов, поэтому когда я не ответил, она не стала настаивать.

– Вы с ним согласны? – спросила она.

– В чём?

– Во всём.

– Я не вижу ничего, с чем можно не согласиться. То есть, это похоже на теорию сумасшедшего заговора, но я не вижу ни одной особенной ошибки в рассуждениях вашего отца. ЛСД определённо было тем, чем он говорил – факты говорят за это, если не обращать внимания на неистовые поношения Министерства Пропagанды и Дезинформации Майи. Любой, кто способен видеть, увидит сам. Человечество определённо функционирует на очень низком уровне сознания, так что единственное направление – вверх. Ясно, что есть элемент риска...

– Значит, вы с ним согласны.

– Как упражнение в "теории царства сна" это было интересно, к тому же принесло пользу книге. Кроме этого... – я повесил это в воздухе.

– Кроме этого что?

– Кроме этого ничего. За исключением того, что это послужило книге, мне это было не очень интересно. Ваш отец это понял.

– А-а, я забыла, – произнесла она саркастически, – всё это только сон. Для вас нет ничего личного. Ничто не имеет значения.

Несколько минут мы шли молча.

– Извините меня за мою вспыльчивость, – сказала она.

– Скажите, что хотите сказать. Сейчас как раз время.

– Окей, ладно, значит, это правда? Ничто для вас не имеет значения? Нет ничего важного? Ничего хорошего или плохого, лучшего или худшего?

Знаю, для неё всё это очень личное, но она права: для меня нет ничего личного. Если бы мне пришлось выбирать между эрой просветления и ледниковым периодом, я подбросил бы монету. Это было бы как пойти в кино и выбирать между двумя фильмами: возвышение человечества налево, истребление человечества направо. В каждом из них есть свои прелести, и каждое было бы неплохим развлечением, будь то в кино или в реальности, но стоя перед таким выбором, я, вероятно, лучше пошёл бы прогуляться.

Мы молча брели несколько минут, прежде чем она снова заговорила.

– Значит, это была неудавшаяся революция, так мой отец это видел?

– В сущности, да. Он пошутил однажды, что если хочешь низвергнуть верховную власть, не стоит посылать для этого пацифистов или детей цветов. Он хотел открыть дверь, в этом была цель – свободный и лёгкий доступ для каждого. Из этого следовало, что существующая парадигма будет свергнута, но на этом он не заострял внимания.

– Я всё время слышу: свободный и лёгкий доступ, – сказала она.

– Для каждого, – добавил я. – Свободный и лёгкий внутренний доступ для каждого. Именно так говорил ваш отец.

– Окей, а это к чему, я имею в виду, почему надо было говорить именно так? Это кажется очень нарочитой фразой, почти заумью.

– Ваш отец придумал эту фразу, держа несколько вещей на уме. Не так-то просто принять позицию в защиту наркотика в наш век, особенно если он так эффективно демонизирован, как кислота. Ваш отец стремился предотвратить неизбежные коленные рефлексy, насколько это было возможно.

– Кислота, – она вздрогнула. – Боже, даже не верится, что мы говорим об этом.

– Именно такую реакцию он и имел в виду. Он не знал о каких-либо проблемах с ЛСД. Он полагал, что с ним всё нормально.

– Да?

– Я не нашёл никаких проблем, но, как я сказал вашему отцу, если бы и нашёл, я бы ничего не имел против.

– То есть?

– То есть... – я сделал паузу, желая ответить осторожно и правильно здесь, на остром краю, – если бы я отвечал за воплощение этой мечты, я допустил бы очень высокий уровень потерь. Так же, как и для собственного освобождения, я был бы очень терпим к риску. *Очень*. Хотя всё это только теоретически – реальная отрицательная сторона здесь, по-видимому, совсем незначительна.

– Но он говорил лично с вами. Зачем такой осторожный язык? Это не в его духе – быть таким сдержанным, а вы, кажется, симпатизировали его взглядам.

– Думаю, он писал свою книгу в голове несколько десятилетий. Возможно, вы даже найдёте записи или черновики среди его вещей. Его идеи были довольно хорошо развиты. Он тщательно подбирал слова, чтобы определить стандартный образ. Он говорил не о возрождении хиппи, не об обновлённом тестировании правительства или о лучшем университетском образовании, он говорил о неограниченном доступе к обычно недоступным измерениям психики, и критерий, на котором он остановился, как на ясном стандарте, был свободный и лёгкий доступ для каждого. ЛСД удовлетворял этому стандарту, всё остальное – нет.

– Правда? Больше ничто?

– Эта фраза вашего отца хороша тем, что она ставит очень узкие рамки. Она исключает множество других наркотиков, средств и аналогов. Она также исключает другие методы для достижения расширенных состояний сознания. Например, есть дзен мастера, специалисты по медитации и духовные гуру, которые заявляют, что ЛСД искусственно и что их собственные патентованные методы это единственно верные, действительные и надёжные виды внутреннего

доступа, что-то типа того.

– И это обоснованно? То есть, как это можно узнать?

– Не могу осмелиться говорить от их имени, но я бы сказал, что у них была возможность, но они так и не смогли достичь ничего близкого к заявленному идеалу вашего отца. По-моему, свободный и лёгкий доступ для всех и каждого делает все религии, философии и духовные учения мгновенно недействительными и бесполезными, и скатертью дорога. Это выводит их из игры, в которой они на самом деле никогда не были.

– А ЛСД действительно это делает?

– Мне не удалось доказать обратного.

– И религиозные и духовные группы нашли это угрожающим?

– Некоторые в самом деле нашли. Если химический мистицизм означает, что можно после завтрака затащить любого бездельника с улицы и дать ему испытать полноценное состояние божественного сознания до обеда, тогда правила меняются. Методы доступа, которые они защищают, требуют десятки лет преданности, посвящения и лишений, без серьёзных гарантий на успех. Вы бы предпочли запрыгнуть в шлюпку и грести через Атлантику, не взирая на ужасные невзгоды, борьбу и почти гарантированную неудачу, или сесть в самолёт и сегодня вечером быть в Париже? В любом случае ваш отец обошёл весь этот вопрос, определив стандарт как свободный и лёгкий доступ для всех. Когда вы формулируете это таким образом, вы мгновенно сметаете всех остальных со стола. Это не оставляет места для обсуждения или спора.

– А что насчёт вредных последствий, о которых вы слышали?

– От приёма ЛСД? Никто из нас не слышал ни о чём достойном упоминания. Множество анекдотических отчётов, тактика запугивания, проблемы с расстроенными или неуравновешенными людьми, с безответственным использованием, с использованием в неподходящих условиях. Без сомнения, мы говорим об очень мощном веществе, способном за несколько часов коренным образом изменить представления человека о реальности. Наверное, было бы благоразумно подходить к нему с некоторым уважением.

– Правда?

– Слушайте, я не эксперт и не сторонник ЛСД, это вообще не моя тема, но я скажу вот что: я много часов провёл в библиотеке вашего отца, большая часть материала которой касалась *анти*-ЛСД, и я был не в восторге. У меня хороший нюх на фуфло, и анти-ЛСД материалы пахли именно так. Теперь вы владелец этой библиотеки, так что сами можете посмотреть, если вам интересно, но не думаю, что вы найдёте много об отрицательной стороне действия ЛСД при надлежащем использовании, кроме страшных путешествий.

– Но ведь они могут быть довольно жуткими, не так ли?

– Думаю, да, но, похоже, это больше зависит от вашего внутреннего мира, а не от средства, которое доставило вас туда. Ваш отец говорил, что нельзя обвинять ключ, если вам не понравилось то, что оказалось за дверью.

– Просто для ясности: ваш отец говорил не о каком-то новом и захватывающем развлечении, которое мы могли бы добавить к нашему сегодняшнему списку развлекательного времяпрепровождения. Он говорил не об эскапизме, как наркотики употребляются на западе. Он говорил о возвращении нашего врождённого права, нашего священного наследства. Это немного забавно, но в "1984", говорится об обществе мира, братства, равенства, которое могло быть создано, но не было. "Рай на земле был дискредитирован в тот момент, когда стал осуществимым". Вот о чём говорил ваш отец. Рай на земле занимал его воображение, и он был дискредитирован именно в тот момент, когда стал осуществимым.

Мы молча шли. Я размышлял о двух версиях трансформированного человечества, которые мне довелось рассмотреть за последние несколько месяцев – взгляд Боба, что люди могут совершить этот переход самостоятельно с помощью техник и реализации, и взгляд Фрэнка, что ЛСД это ключ, способный отворить дверь для каждого. Совершенно безосновательные взгляды Боба, которые Брэтт называла бредом сивой кобылы, были призваны успокоить духовное

волнение, и возможно, немного подзаработать, приняв красивую позу. Фрэнк начал с утопического идеала, основанного на книге Бёкка, и смело последовал за фактами, куда бы они ни вели. Идея Боба это юношеский вздор, а идея Фрэнка правдоподобна хотя бы в теории, но похожи они в том, что ни одна из них никогда не станет реальностью.

Да и не очень-то хотелось. Это естественно, что мы хотим чего-то лучшего, но из этого не обязательно следует, что мы знаем, каким оно должно быть, или что мы должны его получить. Если бы мне пришлось выбирать победителя в этом соревновании идей, это не был бы Фрэнк или Боб, но Лиза. Джо Бэнкс, а не Тим Лири или Далай Лама. Один человек делает прорыв, проводит черту. Самое лучшее на свете происходит не в группах или сообществах, но в индивидах.

Интересно отметить, что взгляды Боба, вероятно, будут хорошо приняты, а сбалансированные и обильно задокументированные взгляды Фрэнка могли привести к краху его карьеры и изгнанию из общества. Ай да Майя.

– Почему вы так сосредоточены на негативном материале? – спросила Лиза. – Вы разве не пытаетесь написать о золотом ключе или золотой двери и всё такое?

– Нет, не совсем. Это больше принадлежало вашему отцу. Он хотел сконструировать что-то вроде квазиакадемического документа, целью которого было перевернуть мир. Меня не нужно было ни в чём убеждать, я не был так уж заинтересован. Меня интересовало то, как быстро и эффективно захлопнулась эта дверь. Работа Майи. Мне интересна необузданная мощь и хитрость страха. Я пишу книгу не о том, насколько прекрасно расширенное сознание – таких множество. Я хочу рассмотреть, насколько велик враг пробуждения. Интересно наблюдать Майю в людях, в эго, но было действительно полезным изолировать и наблюдать реакцию Майи на эту очень мощную угрозу её власти. Не тысячи лет назад в чужой земле, когда никто ничего не записывал, и приходится распутывать абсурдную мифологию, но несколько лет назад, прямо здесь, задокументировано с каждого угла до энной степени. Это как ветвь антропологии, специализирующаяся на понимании эго и его восхитительного таланта самосохранения. Развлечение для меня и польза для третьей книги. Всё благодаря вашему отцу.

– Я начинаю думать, что он и в самом деле был немного чокнутым.

– Может быть и так, только я обнаружил, что в период шестидесятых существовали сотни так называемых визионеров, но по сравнению с вашим отцом они были в основном очень мало думающими и недалёковидными. Мне, жаль, что ему так и не удалось написать "Космическое сознание – 2". Не думаю, что книгу хорошо приняли бы в мире, но это было бы отражением мира, а не вашего отца или его главной темы.

Мы говорили с Лизой о том, где она будет после, куда несёт её жизнь, кем она теперь становится, и на что всё это будет похоже. Она испытывала интерес к своему будущему, колебавшийся от беспокойства до возбуждения.

Она чувствовала себя бездомной, чего она никогда раньше не ощущала. Ей казалось, что решение в том, чтобы найти дом, а я пытался помочь ей увидеть, что решение в том, чтобы обрести комфорт, не имея дома, или быть дома везде. Она хотела вернуться туда, откуда пришла, и ей не нравилось слышать, что такого места нет.

Её отец и я говорили о такого рода трансценденции в бездомность в отношении ЛСД и подростков шестидесятых. Как можно удержать их на ферме, после того, как они побывали Богом? Внезапно людей выкидывало из их мирской реальности в фантазмагорические сферы гипер-осознанности, и они пускались в плавание.

"Куда я дальше направлюсь? – многие, должно быть, спрашивали себя в моменты тишины. – Я уничтожил один мир, и что теперь? Очевидно, я не вернусь в школу, чтобы стать бухгалтером, инженером или адвокатом теперь, когда я знаю, вне всяких сомнений, что мои родители называли жизнью просто дешёвую игру теней, так куда мне идти?"

Им нужно какое-то понимание этого нового уровня реальности, в котором они оказались, какая-то структура, внутри которой они могли бы найти убежище и ассимилировать свой

трансперсональный, транс-человеческий, транс-всё-на-свете опыт, и они не находят никаких руководств высшего сознания на маминых с папой книжных полках. Их катапультировало так далеко за пределы парадигмы их родителей, что они стали существами с новым и не имеющим прецедента устройством бытия. Назидание Тимоти Лири «включись, настройся, выпадай» вело в точности в никуда. Выпасть было нетрудно. Трудность состояла в том, что когда ты выпадаешь из одной вещи, ты должен впасть в другую, а другой вещи нет. Городские парки, ночлежки и автобусы "Фольксваген" не создают обитаемой парадигмы. Новый социальный слой нуждающихся мистиков и тротуарных гуру определённо не смог бы долго просуществовать.

– Это совершенно уникальное событие в нашей истории, – говорил Фрэнк. – Где ещё можно встретить что-либо подобное в анналах человеческого сознания? Джинн вылез из бутылки, и на короткое время свободный и лёгкий доступ для всех был реальностью. Не долго, но он был, появлялась новая религия с подлинными, а не символическими, святынями. Но потом джинна запихнули обратно в бутылку, на которой написали "яд" и закопали так глубоко, что пройдёт много поколений, прежде чем её снова обнаружат.

Один из вопросов, которые мы с Фрэнком обсуждали, был, где они теперь? Теперь, глядя на всё это с перспективы времени, куда все они делись?

Обратно на ферму, заключили мы. Куда же ещё? Им пришлось вернуться в кукушкино гнездо, снова влиться в комбинат, снова быть поглощёнными стадом. Как Сайферу, предателю в "Матрице", им пришлось подлизываться, чтобы вернуться обратно, и привести в порядок свои воспоминания. Однажды ночью Фрэнк говорил целых два часа о памяти и о том, как мы в собственной голове пересматриваем историю. Я помню, что в то время это звучало как изменчивость прошлого. Большой Брат имел способность навязывать себя жителям Океании. Возможно, Майя имеет такую же способность. Я помню, что думал об этом, или мне только кажется, что помню.

Но не все новоявленные божки подверглись репатриации. Некоторые нашли приют и общение в меньших сопутствующих стадах, свободно объединившихся под всеобъемлющим знаменем "Нью-Эйдж", но это было просто приятной суетой – все овцы в районе стада, не важно насколько далеко зашедшие, по-прежнему являются частью стада. Майя – хороший пастух, немного она потеряла голов, если вообще потеряла.

– И вот теперь, – говорил Фрэнк, – когда сорок лет спустя мы смотрим на это, что мы видим? Некоторые признаки импульса, повлиявшего на мир, несколько второстепенных революций – феминистская, сексуальная, расовая – но никакого нового мира из этого не получилось. Это не смогло пустить корни. Не было никаких шансов.

Другой мир возможен

«Сорок пять лет назад я пришёл к выводу, что ЛСД было самым великим когда-либо сделанным открытием». – Мирон Столярофф

«Опыт ЛСД обычно навсегда изменяет мировоззрение и основную ориентацию жизни всех, кто его испытал». – Ральф Метцнер

«Если мирская жизнь, свобода и поиск счастья не включают в себя права экспериментировать со своим сознанием, тогда Декларация Независимости не стоит и конопляной бумаги, на которой была написана». – Теренс МакКенна

«Мне видится, что ЛСД может сыграть по-настоящему важную роль в предоставлении существенной помощи медитации, направленной на мистические переживания более глубокой, обширной реальности. Такое использование полностью согласуется с сущностью и характером воздействия ЛСД как священного наркотика». – Альберт Хоффман

«ЛСД подорвало мрачную власть страдающей запором буржуазии, подобно ангельскому вестнику нового психоделического тысячелетия. С тех пор мы изменились, и уже никогда не будем такими же, так как ЛСД продемонстрировало, даже скептикам, что райские дворцы и сады лежат внутри каждого из нас». – Теренс МакКенна

«Ещё один аспект психоделического видения, который показался мне очень глубоким и проникновенным, это ощущение, что всё – живое, или по крайней мере, нет различия между тем, что мы называем живой и неживой природой». – Эндрю Вейл

«Я разделяю убеждение многих своих современников, что духовный кризис, охватывающий все области западного индустриального общества, может быть исцелён только изменением в нашем мировоззрении. Мы должны перейти от материалистических, двойственных убеждений, что люди и их среда обитания раздельны, к новой реальности всеохватывающего сознания, что включает в себя опыт эго, к реальности, в которой люди чувствуют себя едиными со своей животной природой и всем творением». – Альберт Хоффман

«Проблема психоделиков это проблема гражданских прав и свобод. Это проблема, касающаяся самых основных человеческих свобод: свободы вероисповедания и неприкосновенности индивидуального мышления». – Теренс МакКенна

«Если бы мы могли что-то понюхать или проглотить, что каждый день на пять-шесть часов могло бы устранить наше личное одиночество, примирить нас с нашими товарищами в пылающем восторге любви, и сделать жизнь во всех её аспектах не только стоящей, но божественно прекрасной и значительной, и если этот райский, преображающий мир наркотик имел бы такое свойство, что с утра мы бы поднимались с ясной головой и неповреждённой конституцией, тогда, мне кажется, все наши проблемы... были бы полностью разрешены и земля превратилась бы в рай». – Олдос Хаксли

«Нам не хватает сознания, чтобы не прыгнуть с обрыва в армагеддон. Если заявление, что эти наркотики расширяют сознание, стимулируют эмпатию и позволяют приходить глубоким озарениям в наши проблемы хоть как-то обосновано, оно должно быть очень тщательно и всесторонне исследовано». – Теренс МакКенна

«Психоделический опыт это путешествие в новые области сознания. Масштаб и содержание опыта безграничны, но его характеристики выходят за пределы вербальных концепций, измерений пространства-времени, эго и идентификации личности. Подобные переживания расширенного сознания могут быть вызваны различными способами: сенсорной депривацией, упражнениями йоги, дисциплинированной медитацией, религиозными или эстетическими экстазами или спонтанно. Совсем недавно они стали доступны каждому посредством принятия психоделических наркотиков, таких как ЛСД, псилоцибин, мескалин, ДМТ и т.д. Разумеется, наркотик не продуцирует трансцендентное переживание. Он лишь действует как химический ключ, открывая ум, освобождая нервную систему от её обычных паттернов и структур». – Тимоти Лири

«Вернётся или нет ЛСД в общественные исследования и терапию, открытия, которые психоделики сделали возможными, будут иметь революционные последствия в нашем понимании души, человеческой природы и природы реальности». – Станислав Гроф

«Я убеждён, что если бы люди научились более мудро использовать способность ЛСД вызывать видения в подходящих условиях, в медицинской практике и в сочетании с медитацией, то в будущем этот проблемный ребёнок превратился бы в чудо дитя». – Альберт Хоффман

Чудаки мечтатели

Сегодня один молодой человек под кислотой представил себе, что вся материя это просто энергия, сконденсированная до медленных вибраций, что мы все – единое сознание, субъективно переживающее само себя, нет такой вещи как смерть, жизнь только сон, и мы все – своё собственное воображение. А теперь Том расскажет о погоде.

– Билл Хикс –

Бёкк и Фрэнк оба каждый по-своему были немного чокнутыми. Бёкк видел в будущем социализм, личные самолёты, конец городов, и в конце концов расу высших моральных существ, обладающих космическим разумом, который, как он ожидал, со временем разовьётся в человеке, как восприятие цвета, и станет всеобщей способностью расы через несколько тысяч лет.

Бёкк был другом и поклонником Уитмена, но так и не пошёл дальше этого. Он никогда не чтит Уитмена больше всего:

«Тот больше всего чтит мой стиль, кто, выучившись в нём, уничтожит своего учителя».

Это всё тот же палец, указывающий на луну. Бёкк не мог так чтить стиль Уитмена – он мог только восхвалять палец. Уитмен говорил читателю, Бёкку, нам, это ваше путешествие:

«Ни я, ни кто-либо другой не может пройти за вас этот путь. Вы должны пройти его сами».

Ни Бёкк, ни Фрэнк так и не прошли по этому пути. Они оба остановились. Они оба, основательно его изучив, назначили себя глашатаями путешествия, которого никогда не предпринимали, делая оптимистические догадки и экстраполируя будущее, которого они никогда бы не увидели. Были ли они оба правы? Я не знаю. Спросите меня через пару тысяч лет. Хотя никто из них и не знал этого, вопрос, на который они оба пытались ответить, сводился к следующему: можно ли заменить страх как связующее средство, удерживающее в целостности царство сна? Есть ли другая коренная эмоция столь значительной силы, достаточной, чтобы поддерживать жизнь во всём этом? И оба эти человека, каждый по-своему, в действительности не понимая вопроса, сказали «да».

А я? Я так не думаю. Я знаю Майю достаточно хорошо, и я никогда не видел, чтобы от её стада отбивалось больше одного случайного бродяги. Трансформация целого вида это красивая идея, но у нас мало причин для оптимизма и много для пессимизма. Приятно думать, что мы можем возвыситься, интересно поиграть с теоретическими сценариями, но реальность состоит в том, что человек никогда не разовьётся, или трансцендирует, или эволюционирует за пределы своего прошлого и настоящего уровня.

Если это звучит для нас как нечто плохое, если Майя кажется силой зла, если условия, в которых человек живёт на этой планете кажутся слишком тяжёлыми или ограниченными, тогда было бы неплохо сделать шаг назад и переоценить ситуацию. Где мы? Что это за место? Это тюрьма, которую нужно презирать, или это парк развлечений, который нужно исследовать и наслаждаться? Это ужасная беда? Или это просто средство, позволяющее нам прийти сюда и играть? Когда стоит выбор между не-я и ложным я, ложное я начинает выглядеть достаточно привлекательно, и презирать и очернять его становится делом довольно неблагодарным.

Может быть, есть другие планы бытия, и обитатели этих высших планов более развиты, менее погружены во мрак. Может быть, весь этот физико-человеческий план это просто самый грубый уровень самоосознания, детский сад более широкого, тонкого царства сна, но это не то, о чём говорили Фрэнк и Бёкк, и вне очевидных причин «механизма отрицания», я не знаю, зачем кому-то беспокоиться о прогнозе на продолжительное время. Жизнь не где-то впереди, в далёких туманах времени. Игра в действии, здесь, сейчас, на физико-человеческом плане. Большинство людей живут с верой, что если они не будут слишком сильно нарушать слишком много правил, они автоматически поднимутся в ранге – либо за одну жизнь сразу наверх, либо

подъём по множеству маленьких ступеней. Это идёт из Министерства Откладывания и Промедления Майи, которое поддерживает доктрину правдоподобного отрицания и прикладной неагрессивности, и где девизом является «Раскачивай люльку, а не лодку».

Лили Томлин говорила, что проблема с участием в крысиных бегах в том, что даже если вы выиграли, вы всё равно крыса. Мой взгляд такой: проблема с пребыванием в человеческой расе* в том, что даже если вы выиграли, вы всё равно человек. Давайте на минуту представим, что мы, как раса, находимся не в паре небольших изменений от совершенства, но на расстоянии катастрофической реконструкции. Скажем, чисто теоретически, что состояние, в котором сейчас находится человечество, даже близко не подходит к тому, каким оно могло бы быть, что мы и рядом не стояли с тем, кем могли бы стать, что мы патологически увязли на нижнем краю шкалы потенциала. Определённо кажется, что свет человеческого сознания находится в самом низком положении и не может дальше потускнеть, так что по крайней мере есть повод для оптимизма – хуже быть уже не может. Может быть, должно сделаться немного ярче, лишь чуть-чуть, и потом по достижении какого-то переломного момента всё загорится дневным светом, и о тёмных временах будут напоминать лишь медленно разлагающиеся сталь и бетон. Человек сможет выкарабкаться из тёмных смоляных ям религии и духовности, как наши далёкие предки выползли из океанов, и может появиться какая-то версия фрэнковского «нового мира», населённого интегрированными, чуткими, сострадательными, пробуждёнными, осведомлёнными, полностью осознанными, с цельным умом и открытыми глазами, не опирающимися на страх человеческими существами. Я сомневаюсь в этом, но если это когда-нибудь произойдёт, это произойдёт только благодаря тому, что люди пройдут через ту дверь, которую видел Фрэнк, и нет сомнений, что во всём известном творении, единственное, что можно назвать «Золотым ключом», способным предоставить свободный и лёгкий доступ для всех, это ЛСД.

*игра слов: англ. гасе означает «раса» и «бега»

Это один из двух важных уроков, которые мы можем извлечь из этого психоделического эпизода нашей истории – шестидесятых. Мы, без сомнения, находимся на нижнем краю шкалы потенциала. Каждый Том, Дик и Мэри проделали остаток шкалы, они сделали хорошие заметки и мы узнали об этом. Совсем не обязательно «садиться в автобус» (принимать кислоту), чтобы понять это, нужно лишь посетить любую достаточно хорошо укомплектованную библиотеку или книжный магазин и потратить час, чтобы увидеть всё самому – высшие области сознания открыты для нас, и оттуда эта узкая область, где мы живём и умираем, едва различима как сознание вообще.

Мои ассистенты и корректоры предупреждали меня, что люди не любят, когда их изображают в таком негативном свете. Это удивило меня. Мне казалось, что большинство людей, потратив минуту, чтобы сесть и действительно над этим задуматься, будут клочкотать от радостного облегчения, обнаружив, что то, что они называли жизнью, на самом деле было лишь самым скудным уровнем существования, и что есть нечто бесконечно большее, чем их заставили поверить.

Чтобы дать вам простейшее представление, просто подумайте о всём том времени, усилиях и энергии, которые вы вкладываете в проецирование себя в мир, в исполнение своей роли, чтобы быть собой. Затем, оценив задействованные здесь силы, представьте, что вы больше не делаете этого. Представьте, что вы можете перестать быть вами и просто быть. Такой косвенный способ что-то сказать на самом деле является здесь главным. Как изменится ваша жизнь, если вы не будете должны каждый миг заклинаниями воплощать свой образ в бытие и просто существовать? С другой стороны этой монеты есть ваш долг отражать других, тогда как они отражают вас. Что если вы разобьёте этот социальный договор обоюдного утверждения эго? Что если вы просто бросите две эти всепоглощающие деятельности? Что если вы заберёте всю энергию из вымышленного персонажа, который играете? И теперь, что если все это

сделают?

Что тогда?

Фрэнк снова и снова пытался мне внушить то, что он находил самым непостижимым, самым обидным – что те высшие области сознания, которых мы лишены, являются самой сущностью того, кто и что мы есть. Они – наше бесконечное и безграничное «я», и они были заблокированы в тот самый момент истории, когда впервые стали нам доступны.

– Вот так всегда и бывает, – любил он часто повторять. – Каждая культура в истории имела собственный метод доступа к великому внутри, но это всегда было ограничено для немногих, элиты, шаманов, отрешенцев и прочих, но теперь, впервые за всё время, оказалось в нашей власти сделать это свободно и легко доступным для каждого – *каждого*. Самое важное событие в истории человека, и что? Весь мир поднялся против.

Это оставляет нам кучу методов, которые мы имеем в настоящий момент, методов, которые Майя и не утруждает себя подавлять, так как они не представляют угрозы, которые фактически настолько неэффективны в своём заявленном использовании, и настолько хорошо служат увековечиванию иллюзии, что без сомнения можно сказать, откуда они к нам пришли.

Что приводит нас к ещё более важному уроку, который предлагают нам шестидесятые – Майя. Она впечатляет, как мы увидим, если потрудимся посмотреть, но увидим мы её только в наиболее расслабленном состоянии. Не чувствуя серьёзной угрозы, она действует лишь на уровне минимальной готовности. Она как спящий великан, который может сделать своё дело, не будучи более бдительным, чем те, за кем он присматривает. Но когда предпринимается попытка побега, имеющая достаточный потенциал, чтобы освободить пленников в любом серьёзном количестве, событие, которое мы видели лишь однажды, тогда внимательный наблюдатель будет вознаграждён некоторым представлением о том, на что Майя действительно способна – чрезвычайно впечатляющее зрелище. Пустив в ход, вероятно, лишь частичку своей защитной мощи, она захлопнула дверь, плотно запечатала её, заштукатурила с глаз долой, и объявила этот район радиоактивно заражённым, чтобы стадо держалось от него подальше, тем самым обратив всё человечество с яростью против единственной вещи, которая могла бы, абсолютно непредвзято, быть названа реальным путём к спасению. Благодаря ЛСД был предпринят один и единственный серьёзный наступательный штурм на Майю, и та без лишнего шума и беспокойства приняла вызов и подавила мятеж, прихлопнув его словно муху, и погрузившись обратно в дремоту. Она оклеветала, очернила и объявила вне закона энтеогенетический класс веществ настолько эффективно, что теперь, несколько десятков лет спустя, всё, что можно сказать о единственном шансе освобождения человечества, это что дырка в стене привлекла внимание начальника тюрьмы и была тщательно заделана.

Молодая страна с безграничным идеализмом, поэтическим видением, практически неограниченным богатством, горящая такими словами как «свобода», «экспансия», «исследование», такими фразами как «все люди созданы равными», «неотъемлемые права», «поиск счастья» – вот место, говорил Фрэнк, где может случиться что-то хорошее.

– Что такое сама «Декларация Независимости», как не акт мятежа? – спрашивал он. – Это революционный декрет – ответ тому, что называется абсолютной тиранией. Это декларация войны. Где теперь тот дух? Его нет. Я абсолютно убеждён в этом. Если я никогда не встал и ничего не сказал, кто скажет? Мы все подавленные, сломленные люди. Мы рабы.

Такие иногда он вёл речи.

– Когда любая форма правления начинает разрушать эти цели, – продолжал он поднимая очки, – люди имеют право заменить или упразднить её, и учредить новое правительство.

– Декларация Независимости? – спросил я.

Он важно кивнул с приглушённой отрыжкой.

Революции это свержение тиранического гнёта. В индивидуальном или коллективном смысле, это выражение крайнего недовольства. Поначалу они невелики, и волей-неволей

полагаются на партизанскую тактику. Они начинаются с собраний изменников-заговорщиков в сараях и подсобках. Враг, противостоящий этим спесивым крестьянам, состоит из укрепившихся правительств, постоянных армий, судов, установленного порядка, боящихся семей, прессы, и аппарата разведки, и способен вырвать восстание с корнем прежде, чем оно пройдет стадию вил и охотничьих ружей.

Разумеется, когда происходит конфликт между угнетёнными гражданами и их угнетающими правительствами, или между заключёнными и тюремщиками, это только тень реального революционного процесса в царстве сна – персональной декларации независимости, *индивидуальная* претензия на освобождение, единственная истинная война, по отношению к которой все остальные – лишь тени.

Если вы тиран, ваша работа избегать восстания и поддерживать порядок. Это в общем-то не очень трудно, потому что мы, люди, на самом деле хотим быть угнетёнными. Мы лишь хотим, чтобы это не было слишком некомфортно, так, что мы предпочли бы смерть продолжению угнетения. Искусство и наука тиранического гнёта состоит в сковывании духа, но не слишком сильно, чтобы смерть не стала предпочтительней рабства. Как прекрасно осознавали отцы-основатели Америки, людей легко удерживать от выбора смерти:

"...как показывает весь опыт, люди больше склонны страдать, когда зло терпимо, чем реабилитировать себя, уничтожая формы, к которым они привыкли". – Декларация Независимости США

В энтеогенетической революции Фрэнка, однако, значение имеет не столько то, что гнёт настоящего режима непереносим, как то, что новый режим настолько умопомрачительно лучше, что теперешние условия в сравнении с ним кажутся жизнью в гробу. Маленькая революция шестидесятых пошипела, побрызгала и погасла не потому, что Майя непобедима, но потому что желание это очень слабый фактор для изменений. И если мы сможем понять, почему всё было предопределено с самого начала, мы также сможем понять, почему всякая попытка начать личную революцию, движимую желанием, а не непереносимым недовольством, точно также обречена, и почему революция Фрэнка потерпела поражение, а революция Лизы одержала победу.

Персональная революция питается эмоциональной энергией чистейшей интенсивности. Эта интенсивность приходит из фокуса, и такой тип сфокусированной эмоциональной энергии совсем не похож на любовь, умиротворение или сострадание. Он похож на кипящую ярость или жестокий психоз. Это неприятный факт неприятного дела, но так это работает. Суицидальное недовольство – так побеждают революции, и поэтому они так редки. Ракеты запускаются в космос не молитвами и песнопениями – чтобы преодолеть гравитацию эго, требуется эквивалентное количество взрывчатой силы. Мы должны собрать всю эмоциональную энергию, которую обычно разбрасываем в тысячах различных направлений, поддерживая жизнь своих персонажей сна, и сфокусировать её на одной цели. Всё или ничего.

На такие темы мы иногда беседовали с Фрэнком. Он провёл всю свою жизнь, тихо задавая себе вопрос: где его любимая революция ошиблась; почему основанная на ЛСД трансценденция вида, развитие которой он наблюдал, закончилась таким горьким поражением. Я знаю, что, обсуждая это со мной, он стал лучше всё понимать, но не думаю, что это как-то обрадовало его. Он видел это так, что война окончена, хорошие ребята проиграли, и история написана победителями.

Стандартные религии и системы верований, ортодоксальные или неортодоксальные, господствующие или сумасбродные, служат, чтобы удерживать стадо вместе, медленно двигаясь в никуда в упорядоченной манере. Верим ли мы во что-либо, или верим, что ни во что не верим – нет никакой разницы. Все верования – это одна вера. Есть только стадо.

Всегда есть те, кто недоволен в стаде и ищет чего-то большего, чем бездумно тащиться, пастись и горбиться. Они разбредаются и образуют подстада, которые идут отдельно, но параллельно, независимые только в вере и видимости. Есть также случайно отставшие и отбившиеся, но секрет сохранения поголовья в том, как знает каждый пастух, чтобы позволять

им отбиваться. Они далеко не уйдут. Куда им идти? То, о чём обычно думают как о стаде, это на самом деле лишь его сердцевина. По мере того, как мы растём и расширяется наша перспектива, стадо начинает казаться бóльших размеров, более разбросанным. Те, кто находится с самого краю, сбоку или далеко впереди, не меньше являются частью стада, чем те, кто находится в самой середине, они лишь слегка дают волю своему эгоизму. Отойди назад достаточно далеко, и увидишь, что каждый упорно стремится всё в том же бесцельном направлении тем же вихляющим шагом, и что сама идея радикала, или революционера, или смелого исследователя не более, чем красивый образ. Нет исследователей, нет духа исследования, нет смелости, нет свободы или любви к свободе.

Есть только стадо.

Раз от разу одинокий зверь покидает стадо. Никогда в группе или даже в паре. Там, где больше одного, там уже стадо. Они уходят только по одному. И куда они уходят? За границы стада, конечно. Куда же ещё? Есть только два варианта: в стаде и за его пределами.

Есть только стадо.

И стада нет.

Я уже говорил, что будучи молодым, я никогда не знал кого-то, на кого хотел бы быть похожим. Я не просто не знал никого, я не знал ни о ком. Не было успеха, который казался бы мне успехом, не было свершения, которое бы стоило хлопот. Единственное, помнится, о чём я думал, что хорошо было бы провести жизнь как неудавшийся поэт – типа деревенского идиота, но без гражданских обязанностей. Идея быть *успешным* поэтом привлекательной не казалась, но быть поэтом-*неудачником* грело мне душу. Революция одиночки: неудача предопределена, но по хорошей причине. Так или иначе, представляя себе это сейчас, я думаю, мне нравится, что сделали Фрэнк и Бёкк – или почти сделали, или пытались сделать, или думали сделать – со своими жизнями и своими мудрыми, безрассудными, невозможными мечтами. Они были поэтами-неудачниками, в том смысле, который я имел в виду, и если бы моя жизнь повернулась иначе, полагаю, я был бы рад быть на них похожим.

Вечное небытие: пост-апокалиптическое светопредставление*

*в оригинале *lightmare*

Три минуты размышлений хватило бы, чтобы выяснить это; но размышление утомительно, поэтому три минуты слишком много.

– А.Е. Хаусмен –

Хотя моё первое озарение можно было бы обобщить как "Истина есть", на самом деле оно было гораздо сложнее. Обратной стороной "Истина есть" было "Это не истина".

Первое озарение взорвалось в моём уме подобно бомбе с лазерной наводкой, и оставило меня в полном одиночестве на пустынной планете, которая только этим утром кишела людьми, проблемами, эмоциями, историей, драмой и миллионом других вещей, мгновенно уменьшившихся до мелкой пыли духовным апокалипсисом, испепелившим мой мир в яркой вспышке света.

После взрыва я обнаружил себя контуженным, ковыляющим на ощупь по пост-апокалиптическому ландшафту, который не снился даже писателям фантастам. Цивилизации уменьшились до безветренных пустынь. Города мне казались тёмными кратерами, а люди – туманными тенями. То, что некогда было Землёй, Домом, Человечеством, семьёй, жизнью, теперь наиболее подходяще можно было назвать Вечным Небытием.

Как я сюда попал? Сюда куда? Здесь что? Это не может быть тем, чем кажется (хотя я знаю, что это так). Это не может реально быть Вечным Небытием (хотя я знаю, что не может не быть). Должно же что-то где-то быть (хотя я знаю, что нет ничего). Я должен понять. Я должен

посмотреть сам.

Что такое люди? Города? Церкви? Что такое статуи и иконы? Что такое великие философии и системы верований? Они непременно должны были уцелеть. Кто я такой, чтобы быть здесь единственным? Где все умные люди? Люди, которые казались такими серьёзными, такими устойчивыми, глубоко укоренёнными, неприступными? Где те с сильными убеждениями и сложными философиями? Почему их здесь нет? Где герои? В этом месте должны находиться героические мужи и жёны. Лучшие из лучших должны быть здесь, самые умные, самые смелые, преданные, искренние. Где они все? Где признаки того, что они здесь были? Не может быть, чтобы это был только я. Должны быть другие. Я не мог поверить, что оказался совершенно один на этой заброшенной планете, поэтому вышел оглядеться вокруг.

Я пошёл в философию. Это были целые библиотеки собраний человеческой мудрости, включая всех этих древних греков и европейцев последних нескольких столетий с их чудовищными мозгами и гигантскими мыслями. Где всё это теперь? Исчезло, будто никогда и не было. Смыто волнами, подобно песочным замкам на пляже. Там, где я ожидал найти Великие Умы и Великие Идеи, остался лишь проект бомбы, похожей на ту, которая взорвала мой мир – Cogito ergo sum.

И я вопрошал, где же Рене Декарт? Его должно быть больше, чем эти три слова. Но нет. Я обнаружил, что даже человек, придумавший подобную бомбу, сам не знал, что это такое, и на что оно в реальности способно – он создал бомбу, но так и не запустил её в своей жизни.

Я обратился к религии. Любая религия, вероисповедание, культ или секта могла бы создать нечто, что оставалось бы стоять посреди этого плоского мира, что радовало и поражало бы глаз, но ничего такого не было. Все книги, статуи, причудливая одежда и прекрасные здания испарились. Камня на камне не осталось. Я был ошеломлён, но не удивлён.

Я обратился к оккультизму и Нью-Эйдж, духовности и западной мысли. К тому времени мои глаза хорошо привыкли к яркому свету этого нового мира и я мог мгновенно впитать то, на что когда-то уходили годы. Были и другие подобные мне, увидел я, но немного. Теперь легче было различить, что все претенденты испарились. Однако, я был здесь вовсе не для того, чтобы чему-то научиться, чего-то достигнуть или чем-то овладеть. У меня не было желания становится учеником. Это не было учёным или теологическим поиском. Мне не нужен был посредник. Мне не были любопытны учения, философии, верования за пределами начальной оценки – пережили ли они взрыв или нет. Я просто высматривал, осталось ли что-нибудь стоять, и осталось немного. Не ничего, но немного.

Будучи поблизости, я заглянул в буддизм, но всё, что от него осталось, это бриллиант дзен под горой пыли фальшивого дзен. Мне было интересно наконец получше его рассмотреть, но реальный дзен это просто другое название бомбы, и больше ничего не оставалось, что нужно было бы взорвать.

Все эти скитания по выжженной земле были лишь началом. Мне ещё предстояло выполнить собственную деконструкцию, за чем я и провёл следующие почти два года, пока не достиг места под названием "готов".

Внешний поиск это лишь одна часть истории. Другая часть – внутренняя – медленное, болезненное отшелушивание "я", слой за слоем, кусок за куском. Само-санация. Некоторые слои самости просто отваливались, некоторые отрывались длинными полосками или отвислыми ломтями, а иные приходилось тщательно, кропотливо хирургически удалять. Я должен был перестать быть всем, чем стал за десятки лет жизни. В действительности всё, чем я был, было верой, поэтому я должен был перестать верить во всё. Мой новый мир был ярким, холодным и честным, но мой старый ум был всё ещё полон накопленных за всю жизнь убеждений, мнений, ложных знаний и эмоциональных привязанностей – этих ядовитых обломков и мусора, образующих эго – и всё это должно было уйти. Это процесс, и он занимает время. Мир может быть уничтожен в мгновение ока, но "я" сгорает немного дольше. Такой бомбы нет. Не существует красивой латинской фразы или санскритской мантры, истребляющей "я" быстро или

безболезненно. Нет осознания, прозрения или озарения, которое считает ложное "я" за секунду. Те, кто заявляет, что пробудились за один миг, самые заблуждающиеся из всех.

Затем настало время горе снова стать горой. Я провёл следующие десять лет, пытаюсь постичь этот новый мир – не-мир, в котором не-я, тем не менее, обитал. Осознанный сон. Как будто мир превратился из устойчиво твёрдого в мерцающий мираж. Я по-прежнему мог видеть тот мир, который всегда знал, но я не мог обнаружить его вещественности. К чему бы я ни притрагивался, моя рука проходила насквозь. О чём бы я ни подумал, это растворялось в моём уме. На кого бы я ни посмотрел, я видел его насквозь, словно пар, включая себя. Я смотрел на собственный персонаж, и это было похоже на лицо, которое секунду видишь в облаке, прежде чем оно исчезнет.

Сейчас моя реальность это пробуждённое, свободное от лжи состояние, и оно такое же, как для любого, кто приходит сюда. Здесь нет ни специалистов, ни новичков. Здесь нет ни учений, ни верований; нет индуизма, буддизма, джяни или адвайтистов; нет мастеров, йогов или свами; нет бестелесных духов, энергий высшего уровня, высших существ. Пробуждён, значит пробуждён. Всё остальное это всё остальное.

Принимая всё это во внимание, возможно, легче понять, почему я так строго отношусь к определению Духовного Просветления. Внутри царства сна есть бесчисленное количество оттенков серого, но между состоянием сна и пробуждённым состоянием вообще нет теней. Различие абсолютно: истина есть, лжи не существует.

Это теория просветления – чистая, бинарная математика истины – и она очень проста, как раз-два-три, но без двух и трёх. Она настолько проста и очевидна, что нужно закрыть глаза и зарыть голову, чтобы не замечать этого.

А точнее, вам потребуется некий механизм, с помощью которого вы сможете генерировать вокруг себя энергетическое поле, искусственную микро-среду, космический корабль на одного человека с сопровождающим вас в полёте интерактивным кино настолько захватывающим, что вы смогли бы забыть, что дрейфуете в одиночестве в пустом пространстве, и поверить, что находитесь в мире, полном людей, драматических событий и смысла.

А ведь именно так и обстоят дела.

Механизм, посредством которого вы совершаете этот самый замечательный из подвигов, это хорошо отлаженная комбинация эмоций и интеллекта. Эмоция питает энергетическое поле. Майя это управляющий интеллект, и корабль, в котором вы бесцельно дрейфуете сквозь Вечное Небытие, называется Иллюзией.

А когда этот мыльный пузырь лопается? Когда иллюзия уничтожается? Когда Майя побеждена? Что тогда?

Всё.

Тогда кто?

Никто.

Теперь должно быть хорошо понятно, что истинное и совершенное духовное учение может быть передано в трёх словах, в то время как те, которые требуют целых библиотек и легионов седобородых учёных, чтобы расшифровать их, могут лишь преуспеть в производстве ещё большей тьмы и путаницы. Теперь должно быть ясно, что нет случаев мгновенного пробуждения, что просветление это не результат одного прозрения, но долгого, трудного путешествия, в котором каждый шаг это долгое, трудное путешествие. Теперь должно быть очевидно, что все догмы, доктрины, и философии это строго феномены царства сна без независимого существования в реальности. Теперь, посмотрев на любого учителя или учение, на любую книгу, любое духовное или религиозное устремление, мы должны тот час же легко узнать их точную и достоверную ценность. Теперь, посмотрев на любую внутреннюю мысль, убеждение или эмоцию, мы должны без легко и безошибочно распознать, что реально а что вымысел. Теперь должно быть ясно, что нет почвы для разногласий или мнений относительно того, что истинно, а что ложно. Различие абсолютно:

Истина есть. Лжи не существует.

www.e-puzzle.ru
www.e-puzzle.ru